

Януш Корчак

«Как любить ребенка?»

Ребенок в семье

1. Как, когда, сколько, почему?

Предчувствую множество вопросов, ждущих ответа, множество сомнений, требующих разрешения. И отвечаю:

- Не знаю.

Всякий раз, когда, отложив книгу, ты начнешь плести нить собственных размышлений, - книга достигла цели. Если же, в поисках точных указаний и рецептов лихорадочно листая страницы, ты досадуешь на их скудость, знай, что если и есть в этой книге советы и предписания, они появились не по авторской воле, а вопреки ей.

Я не знаю и не могу знать, как неизвестные мне родители в неизвестных мне условиях могут воспитывать неизвестного мне ребенка, подчеркиваю - могут, а не хотят, могут, а не должны.

"Не знаю". Для науки - это туманность, из которой возникают, из которой рождаются новые мысли, все более и более приближающиеся к истине.

"Не знаю" - для ума, не приученного к аналитическому мышлению - это пугающая пустота.

Я хочу, чтоб поняли и полюбили чудесное, полное жизни и ошеломляющих неожиданностей творческое "не знаю" современной науки о ребенке.

Я хочу, чтоб поняли: никакая книга, никакой врач не заменят собственной живой мысли, собственного внимательного взгляда.

Часто можно слышать, что материнство облагораживает женщину, что только став матерью, она созревает духовно. Действительно, материнство ярким пламенем освещает задачи духовного бытия женщины, но их можно и не заметить, и трусливо откладывать на потом, и обижаться, что нельзя приобрести за деньги готового решения.

Велеть кому-нибудь продуцировать нужные тебе мысли - то же, что поручить сторонней женщине родить твоего ребенка. Существует категория мыслей, которые надо рожать самому, в муках, и они-то и есть самые ценные. Они решают, что ты, мать, дашь ребенку - грудь или вымя, воспитаешь его как человек или как самка, будешь руководить им или силой на вожжах тянуть за собою, будешь играть им, крошечным, и нежностью к нему восполнять ласки равнодушного или немилостивого мужа, а когда он подрастет, бросишь на произвол судьбы или станешь ломать.

2. Ты говоришь: "Мой ребенок".

Когда, как не во время беременности, имеешь ты наибольшее право на это местоимение? Биение крохотного, как персиковая косточка, сердца - эхо твоего пульса. Твое дыхание дает ему кислород. В вас обоих течет общая кровь, и ни одна красная ее капля не знает, будет она твоей или его, или, вылившись, погибнет, как постоянная дань тайне зачатия и рождения. Ломоть хлеба, который ты жуешь, - строительный материал ног, на которых он будет бегать, кожи, которая будет его покрывать, глаз, которыми он будет видеть, мозга, в котором родится мысль, рук, которые он протянет к тебе, улыбки, с которой воскликнет:

"Мама!"

Вам обоим еще предстоит пережить решающую минуту: вы будете вместе страдать от боли. Удар колокола возвестит:

- Пора!

И сразу он, твой ребенок, объявит: я готов жить своей жизнью, и ты откликнешься: теперь ты можешь жить сам, живи же.

Сильными судорогами будешь ты гнать его из себя в мир, не думая о том, что ему больно, и он будет пробираться вперед, с силой и отвагой, не заботясь о том, что больно тебе.

Жестокий акт?

Нет. И ты, и он, вы вместе произведете сто тысяч невидимых глазу, мелких, удивительно слаженных движений, чтобы, забирая свою часть из тебя, он не забрал больше, чем положено ему по закону, по вечному, всеобщему закону жизни.

- Мой ребенок.

Нет. Ни в месяцы беременности, ни в часы родов ребенок не бывает твоим.

3. Ребенок, которого ты родила, весит 10 фунтов.

В нем восемь фунтов воды и горстка угля, кальция, азота, серы, фосфора, калия, железа. Ты родила восемь фунтов воды и два фунта пепла. Каждая капля твоего ребенка была дождевой, снежинкой, мглой, росой, водой, мутью в городском канале. Каждый атом угля или азота связывался в миллионы разных веществ или разрушал эти соединения. Ты лишь собрала воедино то, что было.

Земля, повисшая в бесконечности.

До ближайшей звезды – Солнца - 50 миллионов миль.

Диаметр маленькой нашей Земли 3000 миль огня с тонкой, всего лишь в 10 миль, остывшей оболочкой.

На тонкой скорлупе, заполненной огнем, посреди океанов - островки суши.

На суше, среди деревьев и кустов, мух, птиц, зверья - роятся люди.

Среди миллионов людей и ты произвела на свет нечто. Что же? Стебелек, пылинку - ничто.

Оно такое слабое, что его может убить бактерия, которая, если увеличить ее в 1000 раз, предстанет глазу как точка...

Но это ничто - плоть от плоти морской волны, ветра, молнии, солнца, Млечного Пути. Эта пылинка - в кровном родстве с колосом, травой, дубом, пальмой, птенчиком, львенком, жеребенком, щенком.

В ней заключено то, что чувствует, видит, страдает, радуется, любит, надеется, ненавидит, верит, сомневается, притягивает и отталкивает.

Эта пылинка обнимет мыслью - звезды и океаны, горы и пропасти - все. Что есть содержание души, как не целая вселенная, только в иных масштабах?

Таково извечное противоречие человеческой натуры, которая возникает из праха и в которой живет Бог.

4. Ты говоришь: "Мой ребенок".

Нет, это ребенок всех - матери и отца, дедов и прадедов.

Чье-то далекое я, спавшее среди предков, чей-то истлевший, давно забытый голос вдруг зазвенел в твоём ребенке.

Триста лет назад, во время войны или мира, в калейдоскопе перекрещивающихся рас, народов, классов кто-то овладел кем-то - по обоюдному согласию ли, насильно ли, в минуту вожделенья ли, любовного

упоения ли, обманул ли, соблазнил ли, - никто не знает кто, когда, как, но Бог записал это в книге судеб, а антрополог уже гадает по форме его черепа или цвету волос.

Иной раз впечатлительный ребенок выдумывает, что он - подкидыш, чужой в родительском доме. Так и есть: тот, чей образ он повторил, век тому назад умер.

Ребенок-папирус, убористо заполненный мелкими иероглифами, ты сумеешь прочесть лишь часть их, некоторые же тебе удастся стереть либо вычеркнуть и наполнить своим содержанием.

Страшный закон. Нет, прекрасный. В каждом твоём ребенке он куёт первое звено в бессмертной цепи поколений. Ищи спящую частицу себя в этом твоём чужом ребенке. Может, ты и найдешь ее, даже, может, сумеешь развить.

Ребенок и бесконечность.

Ребенок и вечность.

Ребенок - пылинка в пространстве.

Ребенок - мгновенье во времени.

5. Ты говоришь: - Он должен... Я хочу, чтоб он...

И ищешь примера, которому он должен быть подобен, моделируешь жизнь, достойную его.

Ну и что ж, что вокруг - посредственность и обыденность. Ну и что ж, что вокруг - серость.

Люди хлопчут, копошатся, суетятся, - мелкие заботы, ничтожные стремления, пошлые цели...

Обманутые надежды, иссушающая печаль, вечная тоска...

Несправедливость торжествует.

Холодеешь от ледяного равнодушия, от лицемерия перехватывает дыхание.

Оснащенные иглами и когтями нападают, тихие уходят в себя.

И ведь не только страдают люди, но и мараются...

Каким ему быть?

Борцом или тружеником, вождем или рядовым? А может, пусть будет просто счастливым?

Где счастье, в чем оно? Знаешь ли ты дорогу к нему? И существуют ли те, кто знает?

Справишься ли ты с этим? Можно ли все предвидеть, от всего защитить?

Твой мотылек над бурлящим потоком жизни. Как придать ему твердости, а не снижать полета, как укрепить его крылья, а не подрезать их?

Собственным примером, помощью, советом, словом?

А если он их отвергнет?

Через 15 лет он будет смотреть в будущее, ты - оглядываться в прошлое.

В тебе - воспоминания и опыт, в нем - непостоянство и дерзкая надежда. Ты колеблешься - он ждет и верит, ты опасешься - ему все нипочем.

Молодость, если она не насмехается, не отталкивается, не презирует, всегда стремится исправить ошибки прошлого.

Так должно быть.

И все же... Пусть ищет, только бы не заблудился, пусть штурмует вершины, только бы не расшибся, пусть корчует, только бы не поранился, пусть воюет, только осторожно-осторожно...

Он скажет:

- А я думаю иначе. Хватит меня опекать.

Значит, ты не веришь мне?

Значит, я тебе не нужна?

Ты тяготишься моей любовью? Неосторожный ребенок. Бедный, не знающий жизни... Неблагодарный!

6. Неблагодарный.

Разве земля благодарит солнце за то, что оно светит? Дерево-семечко, из которого оно выросло? А разве соловей посвящает свои трели матери за то, что та когда-то обогревала его собой?

Отдаешь ли ты ребенку то, что сам получил от родителей, или одалживаешь на время, тщательно учитывая и подсчитывая проценты?

Разве любовь-услуга, которую можно оплатить?

"Ворона мечется, как сумасшедшая, садится едва ли не на плечи мальчика, клювом долбит его палку, повисает над ним и бьет головой, как молотком, в пень, отрывает маленькие веточки и каркает хрипло, натужно, сухо, отчаянно. Когда мальчик выбрасывает птенцов, она кидается на землю с волочащимися крыльями, раскрывает клюв, хочет каркнуть,- но голоса нет, и опять она бьет крыльями и скачет, обезумевшая, смешная, у ног мальчика... Когда убивают всех ее детей, она взлетает на дерево, обшаривает пустые гнезда и, кружась над ними, скорбит о своем".

Жеромский.

Материнская любовь-стихия. Люди изменили ее на свой лад. Весь мир, за исключением носителей некоторых цивилизаций, практикует детоубийство. Супруги, у которых двое детей, в то время как их могло бы быть двенадцать, убили те десять, что не родились, среди которых возможно, и был тот единственный, именно "их ребенок". Может, среди не родившихся они убили самого дорогого?..

Так что же делать?

Растить. Не тех детей, которых нет, а тех, которые родились и будут жить.

Самоуверенность незрелости. Я долго не хотел понимать, что необходим расчет и забота о детях, которые должны родиться. В неволе поработанной Польши, подданный, а не гражданин, я равнодушно упускал, что вместе с детьми должны рождаться школы, места, где можно трудиться, больницы, культурные условия жизни. Бездумную плодовитость теперь я воспринимаю как зло и легкомыслие. Возможно, мы находимся сейчас накануне возникновения нового права, диктуемого евгеникой и демографической политикой.

7. Здоров ли он?

Еще так непривычно, что он - уже сам по себе. Ведь еще совсем недавно, в их сдвоенной жизни, страх за него был отчасти и страхом за себя.

Как она мечтала, чтобы это время кончилось, так хотела, чтобы роковая эта минута осталась позади. Думала, что едва она минует, все страхи и беспокойства рассеются.

А теперь?

Удивительная вещь: раньше ребенок был в ней, больше ей принадлежал. Она была увереннее в его безопасности, лучше его понимала. Полагала, что все знает о нем, что все сумеет. С той поры, когда чужие руки - профессиональные, оплаченные, опытные - приняли опеку над ним на себя, а она отошла на второй план, она потеряла покой.

Мир уже отбирает его у нее.

И в долгие часы бессонницы поневоле появляется множество вопросов:

что я ему дала, как оснастила, чем гарантировала безопасность?

Здоров ли он? Почему же он плачет?

Почему он худой? Почему плохо сосет? Не спит? Спит так много? Почему у него большая головка? кривоватые ножки? сжатые кулачки? красная кожа? Белые пупырышки на носу? Почему он косит, икает, чихает, давится, из-за чего охрип?

Так и должно быть? А может, от нее что-то скрывают?

Она вглядывается в свою новорожденную кроху, такую беспомощную, непохожую ни на одного из тех крошечных и беззубых, каких она встречала на улице и в саду.

Неужели и вправду ее ребенок через три-четыре месяца будет таким же, как они?

А может, они ошибаются? Может, не замечают опасности? Мать недоверчиво слушает врача изучает его, старается по его глазам, морщинам на лбу, по тому, как он пожимает плечами и поднимает брови, угадать, все ли он ей говорит, не колеблется ли, достаточно ли внимателен.

8. "А он красив, твой ребенок?" "Мне это все равно".

Так отвечают неискренние матери, желая подчеркнуть серьезность своего отношения к воспитанию.

Между тем красота, обаяние, фигура, приятный голос - это капитал, которым ты одарила своего ребенка, и так же, как здоровье, как ум, он облегчает ему следование по жизненному пути. Не нужно переоценивать значения красоты: при отсутствии других достоинств она может принести вред. Тем большего внимания к ребенку требует она от тебя.

Воспитывать красивого и некрасивого ребенка нужно по-разному. А поскольку нет воспитания без участия ребенка, постольку не следует стыдливо скрывать от него проблем, связанных с красотой, - именно это его испортит.

Это деланное пренебрежение к красоте - средневековый пережиток. Разве может человек, чуткий к красоте цветка, бабочки, пейзажа, оставаться равнодушным к красоте человека?

Ты хочешь скрыть от ребенка, что он красив? Если ему не скажет этого никто из окружающих в доме, ему сообщат об этом чужие на улице, в магазине, в саду, всюду, где бы он ни был, дадут понять восклицанием, улыбкой, взглядом взрослые или сверстники. Ему откроет это пренебрежение к некрасивыми нескладным детям. Он поймет, что красота - привилегия, так же как понимает, что рука - это его рука и ею нужно пользоваться.

Слабый ребенок может развиваться нормально, крепкий - стать жертвой несчастного случая. Так и красивый ребенок может быть несчастным, а ребенок под броней некрасивости, невыразительности, неприметности прожить счастливую жизнь. Ибо ты должна, ты обязана помнить, что жизнь возжелает купить, выхолостить либо выкрасть любое дополнительное преимущество, едва лишь поймет его значение. На этих чутких весах, учитывающих тысячные доли колебаний, возникают неожиданности, которые озадачивают воспитателей: почему?

- Мне все равно, красив он или нет.

Ты начинаешь с ошибки и обмана.

9. Умен ли он?

Если в самом начале мать с тревогой задает этот вопрос, не за горами час, когда она предъявит ребенку свои требования. Ешь, даже если ты сыт, даже если тебе противна еда. Ступай спать, хоть бы и со слезами, хоть бы тебе пришлось еще час томиться без сна.

Потому что ты должен, потому что я хочу, чтобы ты был здоров.

Не играй с песком, носи облегающие брюки, не трогай волосы, потому что я хочу, чтобы ты был красив.

- Он еще не говорит... Он старше, чем... а все-таки еще не... Он плохо учится...

Вместо того чтобы наблюдать, чтобы видеть и понимать, берется первый пришедший в голову пример "удачного ребенка" и перед собственным ребенком ставится требование: вот образец, на который ты должен равняться.

Невозможно, чтобы сын состоятельных родителей стал ремесленником. Лучше пускай будет несчастным школяром и человеком без моральных устоев. Не любовь к ребенку, а эгоизм родителей выходит тут на первое место, не счастье личности, а амбиции семейного сообщества, не поиски своего пути, а железная поступь шаблона.

Ум бывает деятельный и пассивный, живой и вялый, скрытный и капризный, подвижный и упрямый, творческий и эпигонский, поверхностный и глубокий, конкретный и абстрактный, практический и поэтический, память может быть выдающейся и посредственной. Один ловко пользуется полученной информацией, другой - совестлив и нерешителен. Врожденный деспотизм и рефлексорность и критичность. Встречается преждевременное и замедленное развитие, узкие или разносторонние интересы.

Но кому какое до этого дело?

Пусть хоть четыре класса кончит, - молит родительское смирение.

Предчувствуя замечательное возрождение физического труда, я вижу энтузиастов для него во всех классах и слоях общества. А тем временем продолжается борьба родителей и школы с каждым проявлением исключительного, нетипичного, слабого или неразвитого ума.

Не - умен ли, скорее - какой ум?

Наивно призывать семью добровольно принести тяжелую жертву. Изучение интеллекта и психотехнические испытания, естественно, содержат самолюбивые стремления. Конечно, это песня весьма отдаленного будущего.

10. Хороший ребенок.

Надо поостеречься, чтобы не путать "хороший" с "удобным".

Плачет мало, не будит ночью, доверчивый, послушный - хороший.

Капризный, кричит без видимого повода, мать света из-за него не видит - плохой.

Независимо от самочувствия, новорожденные бывают от рождения наделены большей или меньшей терпеливостью. Одному довольно единицы неприятных ощущений, чтобы отреагировать десятью единицами крика, другой на десять единиц недопомогания реагирует единицей плача.

Один сонный, движения ленивые, сосет медленно, крик не энергичен, без надрыва.

Второй легко возбудим, подвижен, спит чутко, сосет захлеб, кричит до посинения.

Заходится, захлебывается, приходится приводить его в себя, иной раз с трудом возвращается к жизни. Я знаю: это болезнь, мы лечим ее фосфором, безмолочной диетой. Но эта болезнь не мешает младенцу вырасти во взрослого человека, наделенного сильной волей, сокрушительным упорством и гениальным умом. Наполеон в младенчестве, бывало, заходился криком.

Современное воспитание требует, чтобы ребенок был удобен. Шаг за шагом оно ведет к тому, чтобы его нейтрализовать, задавить, уничтожить все, что есть воля и свобода ребенка, закалка его духа, сила его требований и стремлений.

"Послушный, воспитанный, добрый, удобный..."

И мысли нет о том, что вырастет безвольным и не приспособленным к жизни.

11. Крик ребенка - неприятная неожиданность, с которой сталкивается молодая мать.

Она знала, конечно, что дети плачут, но, думая о своем ребенке, не принимала это в расчет: ждала от него одних только очаровательных улыбок.

Она будет прислушиваться к его желаниям, она будет воспитывать его разумно, современно, под руководством опытного врача.

Ее ребенок не должен плакать.

Но однажды ночью... Она еще не пришла в себя, еще живо в ней эхо тех страшных часов, которые тянулись веками. Только-только вкусила она сладость беззаботной праздности, наслаждения отдыхом после исполненной работы, после отчаянного усилия, первого в ее утонченно-рафинированной жизни. Только-только пробудилась в ней иллюзия, что все миновало, потому что тот - другое ее я - уже живет сам. Погруженная в безмолвные воспоминания, она способна лишь задавать природе полные таинственного шепота вопросы, не требуя ответа на них.

Как вдруг...

Деспотичный крик ребенка, который чего-то требует, на что-то жалуется, домогается помощи, - а она не понимает.

Вслушайся!

- А если я не могу, не хочу, не знаю?

Этот первый крик при свете ночника - объявление борьбы двух жизней: одна - зрелая, уставшая от уступок, поражений, жертв, защищается; другая - новая, молодая, завоевывает свои права.

Сегодня ты еще не винишь его: он не понимает, он страдает. Но знай, на циферблате времени есть час, когда ты скажешь: и мне больно, и я страдаю.

12. Бывают дети, которые плачут мало, что ж, тем лучше.

Но есть и такие, у которых от крика набухают жилы на лбу, выпячивается темечко, краснота заливают лицо и голову, синеют губы, дрожит беззубая челюсть, живот надувается, кулачки лихорадочно сжимаются, ноги бьют по воздуху. Вдруг, обессиленный, умолкает с выражением совершенной покорности, "с упреком" глядит на мать, смыкает очи, моля о снe, и, несколько раз вздохнув, снова бросается в подобную или еще более сильную атаку плача.

Могут ли выдержать это крошечные легкие, малюсенькое сердце, едва сформировавшийся мозг?

На помощь врача!

Проходят столетия, прежде чем тот появляется, с пренебрежительной улыбкой выслушивает ее страхи, такой чужой, недоступный, профессионал, для которого ее ребенок - один из тысячи. Он пришел, чтобы через минуту уйти к другим страданиям, выслушивать другие жалобы, пришел теперь, когда день и все кажется веселее: потому что солнце, потому что по улице ходят люди, пришел, когда ребенок, как назло,

уснул, окончательно вымотанный многочасовой бессонницей, когда не заметны следы бесконечной страшной ночи.

Мать слушает врача, иногда слушает невнимательно. Ее мечта о враче-друге, наставнике, проводнике в тяжком путешествии рушится.

Она вручает ему гонорар и вновь остается один на один с горьким ощущением, что врач - равнодушный, посторонний человек, который не поймет ее. Да он и сам к тому же ни в чем не уверен, ничего определенного не сказал.

13. Если бы молодая мать знала, какое значение имеют эти первые дни и недели не столько для здоровья ребенка сегодня, сколько для будущего обоих.

И как легко их испортить!

Вместо того чтобы, поняв это, примириться с мыслью, что она может рассчитывать только на себя и ни на кого больше, что так же, как для врача, ее ребенок представляет интерес только как источник дохода или средство удовлетворения тщеславия, так же и для мира он ничто, что дорог он только ей одной...

Вместо того чтобы примириться с современным состоянием науки, которая исследует, стремится понять, изучает и двигается вперед, оказывает помощь, но не дает гарантий...

Вместо того чтобы мужественно констатировать: воспитание ребенка – не приятная забава, а работа, в которую нужно вложить усилия бессонных ночей, капитал тяжелых переживаний и множество размышлений...

Вместо того чтобы перетопить все это в горниле чувства на трезвое понимание, без ребяческого захлеба и самолюбивых обид, - она способна перевести ребенка вместе с кормилицей в самую дальнюю комнату (она, видите ли, не в силах смотреть "на страдания малютки", "не в силах слушать" его болезненный крик).

Она будет вновь и вновь вызывать врача, не обогатившись хотя бы крупницей собственного опыта, - уничтоженная, ошеломленная, отупевшая.

Как наивна радость матери, что она понимает первую невнятную речь ребенка, угадывает его сокращенные, невыговариваемые слова.

Только сейчас?..

Только это?..

Не больше?..

А язык плача и смеха, язык взглядов и гримас, речь движений и сосания?

Не отрекайся от этих ночей. Они дают то, чего не даст книжка, чего не даст никакой совет. Потому что ценность их не только в знаниях, но и в глубоком духовном перевороте, который не дает вернуться к бесплодным размышлениям:

что могло бы быть, что должно быть, что было бы хорошо, если бы... но учит действовать в тех условиях, которые есть.

Во время этих ночей может родиться чудесный союзник, ангел-хранитель ребенка - интуиция материнского сердца, предвидение, которое складывается из воли исследователя, мысли наблюдателя, незамутненности чувства.

14. Случалось: вызывает меня мать.

- Малыш в общем-то здоров, ничего у него не болит. Я просто хотела, чтобы вы его осмотрели.

Осматриваю, даю несколько советов, отвечаю на вопросы. Ребенок здоров, мил, весел.

- До свиданья.

И в тот же вечер или назавтра:

- Доктор, у него жар.

Мать заметила то, чего я. врач, не смог вывести из поверхностного осмотра во время короткого визита.

Часами склоненная над ребенком, не владея методикой наблюдения, не зная, что именно она заметила, не веря себе, она не осмеливается признаться в своих неясных подозрениях.

А ведь она заметила, что у ребенка, у которого нет хрипоты, голос какой-то приглушенный, что он лепечет меньше или тише. Разок вздрогнул во сне сильнее, чем обычно. Проснувшись, рассмеялся, но не так звонко, как всегда. Сосал чуть медленнее, может, с более длительными паузами, словно был раздражен чем-то. Вроде бы скривился, когда смеялся, а может, только показалось? Любимую игрушку со злостью отшвырнул, почему?

Сотней признаков, которые заметил ее глаз, ухо, сосок, сотней микрожалоб он ей сказал:

- Мне не по себе. Нездоровится мне сегодня.

Мать не доверилась своим глазам, потому что ни об одном из симптомов не читала в книге.

15. На бесплатный прием в клинике мать-работница приносит новорожденного - ему несколько недель.

- Не хочет сосать. Только возьмет сосок - и сразу с криком бросает. А из ложечки пьет хорошо. Иногда во сне или когда не спит, вдруг вскрикивает.

Осматриваю рот, горло - ничего.

- Дайте ему грудь.

Ребенок лижет сосок, отпускает его.

- Такой недоверчивый сделался.

Наконец я вижу, как он берет грудь, быстро, словно бы в отчаянии, глотает раз, с криком отпускает.

- Посмотрите, у него что-то на десне.

Смотрю еще раз - покраснение, какое-то странное: только на одной десне.

- Вот здесь чернеется что-то, зуб, что ли?

Вижу что-то твердое, желтое, овальное, с черной черточкой на ободке. Дотрагиваюсь - движется, приподнимаю - под ним маленькое красное углубление с кровавыми ободками.

Наконец это "что-то" у меня в руке: семечко.

Над детской колыбелькой висит канареечная клетка. Канарейка бросила семечко, оно упало на губу, скользнуло в рот.

Ход моих мыслей: stomatits catarrhalis, soor, stom. aphthosa, gingivitis, angina и т. д.

А она: "Болят что-то во рту".

Я два раза осматривал ребенка... А она?..

16. Если порой врача поражает точность и доскональность материнских наблюдений, то, с другой стороны, с неменьшим удивлением он констатирует, что зачастую мать не в состоянии не то чтобы понять, но даже заметить самый очевидный симптом.

Ребенок с самого рождения плачет, больше ничего она за ним не замечала. Плачет и плачет!

Начинается ли плач внезапно и сразу достигает кульминации или жалобное хныканье переходит в плач постепенно? Быстро ли успокаивается, сразу же после того, как сработал желудок или помочился, или после рвоты либо срыгивания, или бывает так, что вдруг вскрикнет при одевании, в ванне, когда берут на руки? Похож ли его плач на жалобу - протяжный, без резких переходов? Какие движения делает он при плаче? Трет ли головой о подушку, делает ли губами сосательные движения? Успокаивается ли, когда его носят, когда его разворачивают, кладут на животик, часто меняют положение? Засыпает ли после плача крепко и надолго или просыпается от малейшего шума? До или после еды плачет, когда плачет больше: с утра, вечером или ночью?

Успокаивается ли во время кормления, надолго ли? Отказывается ли от груди? Как отказывается, отпускает ли сосок, едва взяв его губами, или перед тем как глотнуть, вдруг или после какого-то времени? Категорически отказывается или можно все-таки уговорить? Как сосет? Почему не сосет?

Когда он простужен, то как будет сосать? Быстро и с силой, потому что хочет пить, а потом быстро и поверхностно, неровно, с паузами, потому что не хватает дыхания? Добавь боль при глотании, что будет тогда?

Ребенок плачет не только от голода или потому, что "животик болит", но и от того, что болят губы, десны, язык, горло, нос, пальцы, ухо, кости, поцарапанное клизмой заднепроходное отверстие, от боли при мочеиспускании, от тошноты, жажды, перегрева, от зуда кожи, на которой еще нет сыпи, но будет через несколько месяцев, плачет из-за жесткой тесемки, складки на пеленке, крошечного комочка ваты, застрявшего в горле, шелухи семечка, выпавшей из канареечной клетки.

Вызови врача на десять минут, но сама наблюдай двадцать часов!

17. Книга с ее готовыми формулами притупила взгляд, отучила работать мысль.

Живя чужим опытом, мнением, умом, иные настолько утратили веру в себя, что не хотят думать сами. Как будто содержание печатного листка - откровение, а не тоже результат наблюдения, только чужого, не моего, только когда-то, а не сегодня, не сейчас, только над кем-то, а не над моим собственным ребенком.

Школа воспитала малодушие, боязнь выдать незнание.

Как часто мать, записав на листочке вопросы, которые хочет задать врачу, не решается прочесть ему их. Как редко она протягивает ему этот листочек - "да я там какие-то глупости понаписала".

Как часто, маскируя свое незнание, она вынуждает и врача скрывать неуверенность и колебания, - нет, пусть он незамедлительно изречет свое мнение. С какой неохотой принимает она обобщения и альтернативы. Как не любит, когда врач размышляет вслух над колыбелькой. И как часто врач, вынужденный быть пророком, превращается в шарлатана.

Сплошь и рядом родители не хотят знать того, что знают, признать то, что видят.

Роды в обществе, фетишизирующем наживу, явление столь редкостное и чрезвычайное, что мать со всей категоричностью требует от природы щедрого вознаграждения. Если уж она пошла на издержки, неприятности, доуки беременности, решила на родовые муки, ребенок должен быть только таким, о каком она мечтала.

Или того хуже: привыкнув, что за деньги можно купить все, она не хочет мириться с мыслью, что существует нечто, что может получить бедняк и чего не вымолить богачу.

Как часто в поисках того, что на рынке ходит под этикеткой "здоровье", родители покупают суррогаты, которые либо не помогают, либо вредят.

18. Новорожденному нужна материнская грудь независимо от того, родился ли он потому, что Бог благословил супружеский союз, или потому, что девушка потеряла стыд; независимо от того, шепчет ли мать: "Золотко мое" или вздыхает: "Куда мне, несчастной, приткнуться", независимо от того, низко кланяются ли, встретив ясновельможную пани с младенцем, или бросают вслед деревенской девке: "Подстилка!"

Проституция, которая служит мужчине, обретает свое социальное дополнение в институте мамок, который служит женщине.

Пора полностью осознать узаконенное кровавое преступление, совершаемое над ребенком неимущих родителей, - даже не ради блага имущих. Ведь кормилица свободно может кормить двоих: и своего, и чужого. Молочная железа дает столько молока, сколько от нее потребуется. Молоко пропадает именно тогда, когда ребенок высасывает меньше, чем дает грудь. Действующая закономерность: большая грудь, маленький ребенок, потеря молока.

Странное дело, в менее серьезных случаях мы готовы выслушивать советы множества врачей, а решая вопрос такой важности, как может ли мать кормить, довольствуемся единственным, не от чистого сердца данным порой советом кого-то из близких.

Кормить может каждая мать. У каждой - достаточно молока. Только незнание техники кормления лишает мать природной ее способности.

Боли в грудях, воспаление сосков представляют известную преграду, но она преодолевается сознанием того, что она, мать, уже вынесла основную тяжесть - беременность, не перекладывая ни одну из ее тягот на плечи наемницы. Ведь кормление - это естественное продолжение беременности, "только ребенок из материнского чрева перебрался наружу, прорвал детское место, схватил грудь и теперь пьет вместо красной белую кровь".

Пьет кровь? Да, кровь матери, таков закон природы, а не кровь молочного брата, - по закону людей.

Отзвук некогда живой борьбы за право ребенка на материнскую грудь. А сегодня первоочередным стал квартирный вопрос. Что будет завтра? Так фокусирование интересов автора зависит от переживаемого момента.

19. Что ж, возможно, и я написал бы нечто вроде египетского сонника гигиены для матерей.

"Вес три с половиной кило при рождении - к здоровью, благополучию".

"Зеленый, слизистый стул - к хлопотам, неприятным известиям".

Может, и я бы составил "письмовник" советов и указаний.

Но я не раз убеждался, что нет совета, которого нельзя довести до абсурда, некритически следуя ему в любых ситуациях.

Старая система: грудь тридцать раз в сутки, вперемежку с касторкой. Младенец переходит с рук на руки, все члены семьи качают и баюкают его, все насморочные тетки - целуют. Его подносят к окну, к зеркалу, хлопают, тарахтят погремушками, поют - балаган, да и только.

Система новая: грудь каждые три часа. Не беда, что ребенок, завидя приготовления к кормлению, теряет терпение, злится, кричит, - мать следит за часовой стрелкой: еще четыре минуты. Подошло время кормления, а ребенок спит, - мать решительно будит его; истекли положенные минуты - отрывает от груди голодного. Ребенок в кроватке - нельзя трогать. Нельзя приучать к рукам! Выкупанный, сухой, сытый, он должен спать, а не спит. Замереть, ходить на цыпочках, зашторить окна. Больничная палата, да и только.

Зачем думать, когда существуют предписания.

20. Не "как часто кормить", а "сколько раз в сутки".

Вопрос, сформулированный так, предоставляет матери свободу: пусть она сама составит расписание, удобное и ей, и ребенку.

Итак. сколько раз в сутки ребенок должен получать грудь?

От четырех до пятнадцати.

А сколько времени следует его держать у груди?

От четырех до 45 минут и больше.

Грудь бывает легкая и трудная, с большим и меньшим количеством молока, с соском удобным и плоским, выносливым и болезненным. Дети могут сосать охотно, с капризами, лениво. Значит, одного рецепта для всех быть не может.

Примеры.

Сосок развит плохо, но выносливый; новорожденный сосет охотно. Пусть сосет часто и подолгу, чтобы "разработать" грудь.

Молока много, младенец слабый. Попробуем перед кормлением сцедить часть молока и заставить его потрудиться. Не справляется? Тогда сначала дать грудь, а остаток молока сцедить.

Трудная грудь, ребенок вялый, начинает сосать только через десять минут.

Одно глотательное движение может приходиться на одно, два, пять сосательных. Количество молока в глотке может быть разным.

Ребенок лижет грудь; сосет, но не глотает; глотает редко; глотает часто...

"У него все течет по подбородку". Это может происходить оттого, что молока много, а может быть и потому, что его мало, а проголодавшийся ребенок сосет с силой и тут же захлебывается несколькими первыми глотками.

Как можно давать рецепты, не видя матери и ребенка?

"Пять кормлений в сутки по десять минут" - это мертвая схема.

21. Без весов нет техники грудного вскармливания.

Все, что мы предпишем без весов, будет игрой в жмурки.

Не взвесив ребенка, мы никогда не узнаем, три или десять столовых ложек молока он высосал. А от этого зависит и как часто, и как долго, и из одной или из обеих грудей ему следует сосать.

Весы могут стать мудрым советчиком, если они говорят нам то, что есть на самом деле, но могут стать и тираном, если мы непременно захотим получить схему "нормального" роста ребенка. Упаси нас бог сменить панический страх перед "зеленым стулом" на трепет перед "идеальными кривыми".

Как взвешивать?

Вот ведь что интересно: есть матери, потратившие сотни часов на гаммы и этюды, а труд ознакомления с весами считают слишком обременительным. Взвешивать и до и после кормления? Как это хлопотно! Есть и другие матери - окружающие весы, этого обожаемого домашнего "врача", нежнейшим почитанием, вместо того, чтобы относиться к ним внимательно и по-деловому.

Дешевые весы для грудных, самое широкое, вплоть до сельских хат, их распространение - наш общественный долг. Кто возьмется исполнить его?

22. Чем объяснить то, что одно поколение детей вырастает под лозунгом: молоко, яйца, мясо; другое же получает каши, фрукты, овощи?

Это можно связывать с развитием химии, исследованиями в области преобразования вещества.

Но сущность этих уклонов глубже.

Новая диета есть выражение уважения науки к живому организму, выражение ее доверия к свободному его выбору.

Давая ребенку белки и жиры, наши предшественники стремились стимулировать развитие организма специально подобранной диетой, сегодня мы даем ребенку все - пусть живой организм выберет сам, что ему нужно, что полезнее, пусть распоряжается самостоятельно, в меру своих возможностей, запасов здоровья, потенциальной энергии развития.

Из того, что мы даем ребенку, он усваивает только часть. Потому всякое насилие - вред, а излишек - балласт; любая крайность таит в себе опасность.

Даже поступая в общем правильно, мы можем допустить ничтожную ошибку, но повторяя ее постоянно, в течение нескольких месяцев, мы искадим развитие организма ребенка или затормозим его.

Когда, как и чем прикармливать?

Когда ребенку уже недостаточно литра грудного молока, его надо постепенно, наблюдая за реакцией организма, начинать прикармливать всем – в зависимости от его вкусов и склонностей.

23. А как же мука?

Науку о здоровье следует отличать от торговли здоровьем.

Жидкость для роста волос, зубной эликсир, пудра, омолаживающая кожу, мука, облегчающая появление зубов,- все это большей частью позор для науки, никогда вещи такого рода не бывают ее гордостью, ее целями или задачами.

Фабрикант обещает, что его мука гарантирует нормальный стул и возрастание веса, то есть дает то, что утешает мать и нравится ребенку. Но мука не вырабатывает в тканях навыка усвоения и может избаловать их, обволакивая ткани жиром, снижает сопротивляемость, не дает иммунитета против инфекции, не дает жизненной силы. И всегда дискредитирует грудь, хоть и осторожно, исподволь, пробуждая сомнения, тихонечко подкапываясь, соблазняя и угождая слабостям обывателя.

Кто-нибудь возразит: ученые с мировым именем признали муку. Да, но ведь ученые тоже люди: среди них есть более и менее проницательные, осторожные и легкомысленные, люди порядочные и обманщики. Сколько из них пробилось в генералы науки и не талантом своим, а ловкостью или с помощью богатства и высокого положения. Наука требует дорогостоящих мастерских, и их можно получить не только за истинные открытия, но и ценой угодливости, лицемерия, махинаций, интриг.

Однажды мне довелось присутствовать на заседании, где бессовестный тупица гробил результаты двадцатилетних добросовестных исследований. Я знаю ценное открытие, уничтоженное на шумном международном съезде, и лечебный препарат, пропагандируемый десятками "звезд", который оказался фальшивкой. Началось судебное расследование, скандал быстро замяли.

Не то важно, кто похвалил муку, а то, кто не стал ее хвалить, несмотря на все ухищрения, старания и соблазны фабрикантов и их агентов. А они умеют просить убедительно, умело льстят, когда надо, добиваются своего. Миллионные предприятия обладают немалым влиянием, это сила, которой не каждый сумеет противостоять.

Многое в этих разделах - отзвук моего бракоразводного процесса с медициной. Я видел непоследовательность опеки, халтурную помощь. (Брудзинский вместе с так и не оцененным по заслугам Каминским –первым заговорил о равноправии педиатрии и добился его). На бедности и запущенности начало нагло наживаться заграничное производство препаратов. Сегодня у нас есть уже пункты опеки, фабричные ясли, лагеря, курорты, школьный медицинский надзор, больничные кассы. В

наши дни уже можно полагаться на питательные препараты и лекарства, их задача поддерживать, а не заменять гигиену и общественную опеку над ребенком.

24. У ребенка температура.

Насморк.

Это очень опасно? А когда он выздоровеет?

Наш ответ - итог размышлений, основанных на знаниях и на наблюдении.

Итак: сильный ребенок справится с болезнью за день-два. Если болезнь серьезная, а ребенок слабенький, недомогание может затянуться на неделю. Видно будет.

Или, скажем, болезнь пустяковая, но ребенок очень мал. У грудных детей насморк со слизистой носа часто переходит на горло, трахею, бронхи. В этом вы сможете убедиться сами.

Наконец: из ста аналогичных случаев девяносто кончается скорым выздоровлением, в семи - недомогание затягивается, в трех – развивается серьезная болезнь и даже возможна смерть.

Правда, может, за легким насморком скрывалась другая болезнь?

Но мать требует точного ответа, а не предположения.

Диагноз можно дополнить исследованием выделений из носа, мочи, крови, спинномозговой жидкости, можно сделать рентгеновский снимок, вызвать специалистов. Тогда процент достоверности в диагнозе и анамнезе, даже влечении возрастет. Но не будет ли этот плюс сведен к нулю вредом многократных осмотров, присутствием множества врачей, из которых каждый может занести куда более страшную инфекцию в волосы, складках одежды, дыхании?

Где он мог простудиться?

Этого можно было избежать.

Но эта легкая болезнь, не даст ли она ребенку силы противостоять более серьезной, с которой он столкнется через неделю, через месяц, не улучшит ли она защитный механизм термического центра мозга, желез, составных частиц крови. Разве мы можем изолировать ребенка от воздуха, которым он дышит и в кубическом сантиметре которого содержатся тысячи бактерий?

И не будет ли это новое столкновение между тем, чего мы хотели, и тем, чему вынуждены уступить, еще одной попыткой вооружить мать не знанием, а разумом, без которого не вырастить хорошего ребенка?

25. Пока смерть косила рожениц, о новорожденном думать было некогда.

На него обратили внимание, когда асептика и помощь при родах стали гарантировать жизнь матери. Пока смерть косила новорожденных, все внимание науки было сконцентрировано на бутылочках и пеленках. Может, недалеко тотчас, когда мы заговорим не только о вегетативном, но и о психическом развитии ребенка до года, о его личности, о его жизни. Сделанное до сих пор ничтожно, это еще даже не начало работы.

Бесконечен ряд психологических задач и задач, находящихся на границе между соматикой и психикой новорожденного. Наполеон страдал родимчиком. Бисмарк был рахитиком. И, уж бесспорно, каждый пророк и преступник, герой и предатель, прежде чем стать зрелым человеком, был младенцем. И собираясь исследовать истоки мыслей, чувств и стремлений, узнать, что они из себя представляли, пока не развились, дифференцировались и определились, мы должны обратиться к нему, к новорожденному.

Только при вопиющем невежестве и верхоглядстве можно не заметить, что в новорожденном воплощена некая четко очерченная индивидуальность, складывающаяся из врожденного темперамента, силы интеллекта, самочувствия, жизненных впечатлений.

26. Сто новорожденных.

Я склоняюсь над кроваткой каждого. Они разные: одни прожили недели, другие месяцы, разного веса и разное прошлое у их "кривых", больные, выздоравливающие, здоровые и едва удерживающиеся среди живых.

Я встречаю разные взгляды - тусклые, подернутые пеленой, лишённые выражения; упрямые и болезненно сосредоточенные, живые, дружеские и вызывающие. И улыбки - приветливая, внезапная, дружеская или улыбка после внимательного изучения, или улыбка-ответ на мою улыбку и ласковое слово.

То, что поначалу казалось мне случайностью, повторяется изо дня в день. Записываю, выделяю детей доверчивых и недоверчивых, уравновешенных и капризных, веселых и мрачных, нерешительных, запуганных и недружелюбных.

Всегда веселый ребенок: улыбается до и после кормления, разбуженный и сонный, поднимет веки, улыбнется и заснет. Всегда мрачный: здоровается беспокойно, едва ли не плача, за три недели улыбнулся мимолетно всего раз...

Осматриваю горло у детей. Протест живой, бурный, горячий. Или нехотя скривится, нетерпеливо мотнет головой и уже радостно улыбается. Или подозрительная чуткость к каждому движению чужой руки, взрыв гнева, прежде чем понял...

Массовые прививки оспы, по пятьдесят в час. Это уже эксперимент. Снова у одних реакция мгновенная и решительная, у других - постепенная и неуверенная, у третьих - равнодушие. Один ограничивается удивлением, другой беспокоится, третий бьет тревогу; один быстро приходит в себя, другой помнит долго, не прощает.

Кто-нибудь скажет: а грудничковый возраст? Верно, но только в известной мере. А быстрота ориентации, память о пережитом? О, мы знаем детей, которые болезненно пережили знакомство с хирургом, знаем, что бывают дети, которые не хотят пить молоко, потому что им давали белую эмульсию с камфорой.

А разве что-то другое влияет на психический облик зрелого человека?

27. Один новорожденный.

Едва родился, как сразу поладил с холодным воздухом, жесткой пеленкой, неприятными звуками, работой сосания. Сосет трудолюбиво, расчетливо, смело. Уже улыбается, уже лепечет, уже владеет руками. Растет, исследует, совершенствуется, ползает, ходит, лепечет, говорит. Как и когда это случилось?

Спокойное, ничем не омраченное развитие.

Второй новорожденный.

Прошла неделя, прежде чем научился сосать. Несколько беспокойных ночей. Неделя покоя, однодневная буря. Развитие вяловатое, зубы режутся трудно. А вообще по-разному бывало, теперь уже в порядке, спокойный, милый, радостный.

Может, врожденный флегматик, недостаточно тщательный уход, недостаточно разработанная грудь, счастливое развитие.

Третий новорожденный.

Сплошные неожиданности. Веселый, легко возбуждается, задетый неприятным впечатлением, внешним или внутренним, борется отчаянно, не жалея энергии. Движения живые, резкие перемены, сегодня не похоже на вчера. Учится - и тут же забывает. Развитие идет по ломаной кривой, со взлетами и падениями. Неожиданности от самых приятных до внешне страшных. Так что и не скажешь: наконец-то...

Буян, раздражителен, капризен, может вырасти замечательный человек.

Четвертый новорожденный.

Если сосчитать солнечные и дождливые дни, первых будет немного. Основной фон - недовольство. Нет боли - есть неприятные ощущения, нет крика – есть беспокойство. Все бы хорошо, если бы... Без оговорок - ни на шаг.

Это ребенок со щербинкой, неразумно воспитанный...

Температура в комнате, избыток молока в 100 граммов, недостаток 100 граммов воды - это факторы не только гигиенические, но и воспитательные.

Новорожденный, которому предстоит столько разведать и узнать, освоить, полюбить и возненавидеть, защищать и требовать, должен иметь хорошее самочувствие, независимо от врожденного темперамента, быстрого или вялого ума.

Вместо навязанного нам неологизма "грудничок" я пользуюсь старинным словом "младенец". Греки говорили - *perios*, римляне - *infans*. Если уж польский язык нуждается в новом слове, то зачем было переводить безобразное немецкое *Saugling*? НЕЛЬЗЯ некритично пользоваться словарем старых и употребляемых слов.

28. Зрение.

Свет и темнота, ночь и день. Сон - происходит нечто очень невнятное, бодрствование - происходит нечто более отчетливое, что-то хорошее(грудь) или дурное (боль). Новорожденный смотрит на лампу. А на самом деле не смотрит: зрачки расходятся и сходятся вновь. Позже, вода глазами за медленно передвигаемым предметом, то и дело фиксирует его и теряет.

Контурные пятен, абрис первых линий, все без перспективы. Мать на расстоянии в метр уже другое пятно, чем когда она наклоняется над тобой. Лицо и профиль как лунный серп, при взгляде снизу - только подбородок и губы, а когда лежишь на коленях - лицо то же, но с глазами, когда склонится ниже - новое изменение: появляются волосы.

А слух и обоняние утверждают, что все это одно и то же.

Грудь - светлая туча, вкус, запах, тепло, блаженство. Новорожденный выпускает грудь и смотрит, изучает глазами это нечто неведомое, которое постоянно появляется над грудью, откуда плывут звуки и дует теплый ветерок дыхания. Новорожденный еще не знает, что грудь, лицо, руки составляют одно целое - мать.

Кто-то чужой протягивает к нему руки. Обманутый знакомым движением, образом, охотно идет к нему. И лишь тогда замечает ошибку. На этот раз руки отдаляют его от знакомого пятна, приближают к незнакомому, возбуждающему страх. Резким движением поворачивается к матери, смотрит либо хватается за шею матери, чтобы спастись от опасности.

Наконец лицо матери, изученное руками, перестает быть тенью. Младенец множество раз хватался за нос, дотрагивался до странного глаза, который то блестит, то снова темнеет под завесой ресниц, изучал волосы. А кто не видел, как он оттягивает губы, разглядывает зубы, заглядывает в рот, внимательный, серьезный, с морщинкой на лбу. Правда, ему мешает в этом пустая болтовня, поцелуи, шутки - то, что мы называем "развлекать" ребенка. Но развлекаемся мы, а он - изучает. В ходе исследований для него уже появились вещи установленные, сомнительные и загадочные.

29. Слух.

Шум улицы за оконными рамами, далекие отголоски, тиканье часов, разговоры и стуки, шепот и слова, обращенные прямо к ребенку, - создают хаос раздражения, который ребенок должен классифицировать и понять.

Сюда следует добавить звуки, которые издает сам новорожденный, - крик, лепет, бормотанье. Прежде чем он поймет, что это он сам, а не кто-то иной, невидимый лепечет и кричит, пройдет немало времени. Когда он лежит и говорит сам себе: абб, аба, ада, - он слушает и испытывает ощущения, которые познает, двигая губами, языком, гортанью. Не зная себя, он констатирует лишь произвольность создания таких звуков.

Когда я обращаюсь к младенцу на его собственном языке: аба, абб, ада, - он удивленно приглядывается ко мне, непонятному существу, издающему хорошо знакомые ему звуки.

Если бы мы вникли в суть сознания новорожденного, то нашли бы в нем гораздо больше, чем думаем, только не то и не так, как нам представляется. Бедный малыш, бедная голодненькая кроха, хочет пи-пи, хочет ням-ням. Младенец прекрасно все понимает, он ждет, когда кормилица расстегнет лифчик, завяжет косынку, проявляет нетерпение, когда ожидаемые им ощущения запаздывают. И все же всю эту длинную тираду мать произнесла для себя, не для ребенка. Он скорее усвоил бы те звуки, какими хозяйка подзывает домашнюю птицу: цып-цып-пып.

Младенец мыслит ожиданием приятных впечатлений и страхом перед неприятными. О том, что он мыслит не только образами, но и звуками, можно судить хотя бы по выразительности его крика: крик предвещает несчастье, или крик автоматически приводит в действие аппарат, выражающий недовольство. Присмотритесь внимательно к младенцу, когда он слушает чужой плач.

30. Младенец упорно стремится к овладению внешним миром: он жаждет победить окружающие его злые враждебные силы, поставить себе на службу добрых духов-защитников.

У младенца есть два заклятья, которыми он пользуется, пока не освоит третьего, чудесное орудие воли: собственные руки. Это - крик и сосание.

Сначала новорожденный кричит, ПОТОМУ ЧТО ему что-то докучает, но очень скоро он приучается кричать, ЧТОБЫ ему ничто не докучало. Оставленный один, он плачет, но успокаивается, заслышав шаги матери, хочет есть - плачет, но перестает плакать, завидев приготовления к кормлению.

Он распоряжается в объеме имеющихся у него знаний (как их мало!) и находящихся в его распоряжении средств (как они ничтожны!). Он совершает ошибки, обобщая отдельные явления и связывая два следующих один за другим факта как причину и следствие (post hoc, propter hoc).

Интерес и симпатия, которые он адресует своим пинеткам, - не в том ли их исток, что пинеткам он приписывает свое умение ходить? И потому же пальтишко становится тем чудесным ковром из сказки, который переносит его в мир чудес - на прогулку.

У меня есть право выдвигать подобные предположения. Если историк литературы имеет право домысливать, что хотел сказать Шекспир, создавая Гамлета, педагог обладает правом выдвигать, пусть даже и ошибочные предположения, которые, за недостатком иных, дают ему какие-то практические выводы.

Итак: в комнате душно. У новорожденного сухие губы, слюна густая, и ее мало, он капризничает. Молоко - это еда, а если он хочет пить, ему надо дать воды. Но он "не хочет пить": вертит головой, выбивает из рук ложку. Пить-то он на самом деле хочет, только еще не умеет. Чувствуя на губах вожденный напиток, вертит головой, ищет сосок. Левой рукой я фиксирую его голову, прикладываю ложку к верхней губе. Он не пьет, а сосет воду, сосет с жадностью. Выпил пять ложек и спокойно засыпает. Если, давая ему напиток с ложки, я пару раз окажусь неловким, он захлебнется, испытает неприятное ощущение. Вот тогда он и в самом деле не захочет пить с ложки.

Второй пример.

Младенец становится капризным, недовольным, успокаивается у груди, во время пеленания, ванны, когда меняют постельное белье. Этого малыша мучает зудящая сыпь. Мне говорят, что сыпи нет. Наверняка будет. И через два месяца она появляется.

Третий пример.

Новорожденный сосет свои руки, когда ему не по себе: всякие неприятные ощущения, в том числе и нервозность нетерпеливого ожидания, он жаждет снять благотворным, хорошо знакомым ему сосанием. Сосет кулачок, когда голоден или хочет пить, когда перекормленный, ощущает неприятный вкус во рту, когда чувствует боль, когда перегрелся, когда чешется тело или десны. Откуда это повелось, что доктор обещает скорые зубы, а младенец испытывает неприятные ощущения в челюсти или деснах, только зубы в течение многих недель не показываются? Может быть, пробивающийся зуб раздражает мелкие

отростки нерва, еще находясь в кости? Добавлю, что теленок, пока у него не вырастут рога, испытывает аналогичные страдания.

Схема такова: инстинкт сосания - сосание, чтобы избавиться от боли; сосание, как наслаждение или порок.

31. Повторяю: основным лейтмотивом, содержанием психической жизни ребенка является стремление овладеть неведомыми стихиями, тайной окружающего мира, откуда плывет к нему доброе и злое.

Желая овладеть, он стремится познать.

Повторяю: хорошее самочувствие облегчает ему объективные исследования, все неприятные ощущения, исходящие из глубины его организма, то есть в первую очередь боль, затуманивают ясность сознания. Чтобы убедиться в этом, нужно приглядеться к нему в здравии, недомогании и болезни.

Испытывая боль, новорожденный не только кричит, но и слышит крик, чувствует его в горле, ощущает сквозь смеженные ресницы в неясных зыбких очертаниях. Все это сильно, враждебно, страшно, непонятно. Ему надо как следует запомнить эти мгновения, бояться их, и, не зная еще себя, он связывает их со случайными образами. Здесь, вероятно, коренится множество необъяснимых симпатий, антипатий, страхов и странностей новорожденного.

Исследование развития интеллекта новорожденного - дело невероятно трудное, потому что он то и дело познает и снова забывает, в этом развитии множество периодов достижений, затишья и регресса. И вероятно, неустойчивость его самочувствия играет в этом важную, может, даже определяющую роль.

Новорожденный изучает свои руки. Вытягивает их, водит ими вправо и влево, удаляет от глаз, приближает к глазам, растопыривает пальцы, стискивает кулачки, разговаривает с ними и ждет ответа, правой рукой хватает левую и тянет ее, берет погремушку и смотрит на странно изменившиеся очертания руки, перекладывает ее из одной руки в другую, изучает губами, тотчас же вынимает и снова смотрит - медленно, внимательно. Бросает погремушку, тянет за пуговицу одеяла, вникает в причину ее сопротивления. Он не забавляется, раскройте же, черт подери, глаза, и вы заметите в нем усилие воли - он хочет понять. Это ученый в лаборатории, который вглядывается в чрезвычайно важную задачу, пока что не поддающуюся его разумению.

Новорожденный навязывает свою волю в крике. Позднее он начнет делать это мимикой лица и рук, наконец - речью.

32. Раннее утро, часов, скажем, пять.

Он проснулся, улыбается, лопочет, водит руками, садится, встает. А мать хочет поспать еще.

Конфликт двух желаний, двух потребностей, двух столкнувшихся эгоизмов - третий этап одного процесса: мать страдает, а ребенок входит в жизнь, матери надо отдохнуть после родов - ребенок хочет есть, мать хочет спать - ребенок жаждет бодрствовать. Этих минут будет еще очень-очень много. Это не забава, а работа, имей же мужество признаться себе в собственных чувствах и, отдавая его в руки платной няньки, признайся себе: "не хочу", даже если врач сказал тебе, что ты не можешь, он всегда ведь скажет то, что тебе выгодно и удобно.

Может случиться и так: мать отдает ребенку свой сон, но взамен требует платы - ласкает, целует, прижимает к себе теплое, розовое, шелковистое тельце. Имей в виду: это сомнительный акт экзальтированной чувственности, скрытый и маскируемый любовью материнского тела - не сердца. И если ребенок будет охотно обниматься, прижиматься к тебе, раздумываясь от сотни поцелуев, с блестящими от радости глазами, знай, что твой эротизм нашел в нем отклик. Так что же, отказаться от поцелуев? Я не могу этого требовать, признавая поцелуй в разумных дозах существенным воспитательным фактором. Поцелуй успокаивает боль, смягчает резкие слова напоминания, пробуждает раскаяние, награждает за усилие, он символ любви, как крест - символ веры, и действует так же. Повторяю: он есть символ, а не "должен быть" им. А впрочем, если эта странная жажда прижимать ребенка к себе, тискать его, гладить, вбирать в себя не кажется тебе сомнительной, поступай как знаешь. Я ничего не запрещаю, ничего не приказываю.

33.

Когда я смотрю, как грудной ребенок открывает и закрывает коробочку, кладет и вынимает камушек, трясет ею и слушает; как годовалый на неверных ногах толкает стул, пригибаясь под его тяжестью; как двухлетний, которому говорят, что корова - это "му-у", добавляет: "Ада-му-у", а Ада - имя собаки, - он делает закономернейшие ошибки, которые нужно записывать и публиковать; когда в имуществе школьника я обнаруживаю гвозди, шнурки, лоскутки, стеклышки, которые могут "пригодиться" для сотни дел; когда он соревнуется с друзьями, кто дальше прыгнет, возится в своем уголке, мастерит что-то, организует общую игру; спрашивает: "А когда я думаю о дереве, у меня что, в голове малюсенькое деревце?"; дает нищему не два гроша, ради хорошей отметки, а все свое богатство двадцать шесть, потому что он такой старый и бедный и скоро умрет; когда подросток слюнит чуб, чтоб не топорщился, потому что должна прийти подружка сестры; когда девочка пишет мне в письме, что мир - подлый, а люди - звери, не объяснив почему; когда юноша гордо изрекает свою крамольную, а по существу такую банальную, давно прокишшую мысль, я мысленно целую этих детей, с нежностью вопрошая их: кто вы, чудесная тайна, что вы несете? чем могу я вам помочь? Тянусь к ним всем своим существом, как астроном тянется к далекой звезде, которая была, есть и будет. В этом тяготении экстаз ученого смягчен смиренной молитвой, но не откроется его волшебство тому, кто в поисках свободы потерял в житейской суете Бога.

34. Ребенок еще не говорит.

Когда же он заговорит? Действительно, речь - показатель развития ребенка, но не единственный и не самый главный. Нетерпеливое ожидание первой фразы - доказательство незрелости родителей как воспитателей.

Когда новорожденный в ванночке вздрагивает и машет руками, теряя равновесие, он говорит: "Боюсь", - и необыкновенно интересно это движение страха у существа, столь далекого от понимания опасности. Когда ты даешь ему грудь, а он не берет, он говорит: "Не хочу". Вот он протягивает руку к приглянувшемуся предмету:

"Дай". Губками, искривленными в плаче, защитным движением руки он говорит незнакомому: "Я тебе не верю", - а иной раз спрашивает мать: "Можно ему верить?"

Что есть внимательный взгляд ребенка, как не вопрос "что это?". Вот он тянется к чему-то, с большим трудом достает, глубоко вздыхает, и этим вздохом, вздохом облегчения, говорит:

"Наконец-то". Попробуй отобрать у него добытое - десятком оттенков он скажет: "Не отдам". Вот он поднимает голову, садится, встает: "Я работаю". И что есть улыбка глаз и губ, как не возглас "о, как хорошо жить на свете!".

Он говорит мимикой, языком образов и чувственных воспоминаний.

Когда мать надевает на него пальтишко, он радуется, всем корпусом поворачивается к двери, теряет терпение, торопит мать. Он мыслит образами прогулки и воспоминанием чувств, которые испытал на ней. Младенец дружески относится к врачу, но, заметив ложку в его руке, моментально признает в нем врага. Он понимает язык не слов, а мимики и интонаций.

- Где у тебя носик?

Не понимая ни одного из трех слов в отдельности, он по голосу, движениям губ и выражению лица понимает, какого он него ждет ответа.

Не умея говорить, младенец умеет вести очень сложную беседу.

- Не трогай, - говорит мать. Он, невзирая на запрет, тянется к предмету, чарующе наклоняет головку, улыбается, смотрит, повторит ли мать свой запрет построже или, обезоруженная его изощренным кокетством, уступит и согласится.

Еще не произнеся ни слова, он уже врет, беззастенчиво врет. Желая избавиться от неприятного гостя, он подает условный знак, сигнал тревоги и, восседая на известной посудине, победно и насмешливо поглядывает на окружающих.

Попробуй в шутку дурачить его, то протягивая, то пряча предмет, который ему хочется получить, - он не рассердится и лишь в редких случаях обидится.

Младенец и без слов умеет быть деспотом, настойчиво добиваться своего, тиранить.

35. Очень часто на вопрос врача, когда ребенок заговорил или пошел, смущенная мать робко дает приблизительный ответ: - Рано, поздно, нормально.

Ей кажется, что она обязана помнить точную дату такого важного события, что малейшая неточность уронит ее в глазах врача. Я говорю об этом, чтобы показать, сколь непопулярно у большинства понимание того, что даже при точном научном исследовании определить приблизительную линию развития ребенка удастся лишь с трудом, и сколь распространено школярское стремление скрыть свое незнание.

Как понять, когда младенец вместо "ам", "ан" и "ама" впервые сказал "мама", вместо "абба"- "баба"? Как определить дату, когда слово "мама" связывается в восприятии ребенка именно с образом матери, а не кого-то другого?

Младенец подсакивает на коленях, стоит при поддержке или самостоятельно, опираясь на край кровати, минуту стоит без всякой помощи, сделал два шага по полу и множество - в воздухе, передвигается, ползает, двигает перед собой стул, не теряя равновесия, только начинает ходить, то ходит, то ползает, наконец пошел. Вчера ходил, целую неделю ходил и вдруг снова разучился. Надоело, потерял вдохновение. Упал, испугался, теперь боится.

Непредвиденный двухнедельный перерыв.

Головка, бессильно опущенная на материнское плечо, - доказательство не тяжелой болезни, а любого недомогания.

Ребенок в каждом новом движении похож на пианиста, которому для успешного исполнения трудной композиции необходимо хорошее самочувствие, полное равновесие; похожи даже исключения из этого правила. Бывает и так: ребенок "уже заболел", но и виду не показывал, даже, может, больше обычного ходил, играл, разговаривал, дальше - самообвинение: "Я и подумала, что мне только кажется, будто он заболел, и пошла с ним погулять", самооправдание - "такая погода была чудная", и вопрос: "Как вы думаете, это могло ему повредить?"

36. Когда ребенок должен ходить и говорить? - Когда ходит и говорит.

Когда должны резаться зубы? - Именно тогда, когда режутся. И темечко должно зарастать только тогда, когда оно зарастает. И спать ребенок должен столько, сколько ему нужно, чтобы выспаться.

Но ведь нам известны эти нормы. В любой популярной брошюре переписаны из справочников эти мелкие истины для всех детей разом и врачи - для твоего одного.

Ведь есть новорожденные, которым требуется больше сна и меньше; бывают ранние зубы (гнилые с момента появления) и поздние здоровые зубы здоровых детей; темечко у здоровых детей зарастает и на 9-м, и на 14-м месяце, глупые нередко начинают болтать раньше, умные иной раз долго не говорят.

Номера пролетов, кресел в театре, срок уплаты за квартиру - чего только не выдумали люди для порядка. Все это, конечно, нужно знать, но на того, в чьем солдафонском уме, воспитанном на полицейских параграфах, зародится мысль подчистить живую книгу природы, на того свалится тяжкое бремя тревог, разочарований и неожиданностей.

Я считаю своей заслугой, что никогда не отвечал на приведенные выше вопросы рядом цифр, которые я назвал мелкими истинами. Ведь не то важно, какие зубы режутся сначала - нижние или верхние, резцы или клыки, - каждый, имеющий календарь и глаза, может установить это, важно понять, что такое живой организм и что ему нужно, - это и есть искомая большая правда, к ней можно прийти только в процессе исследований.

Даже добросовестным врачам приходится выработать две манеры поведения: для разумных родителей они ученые, имеющие право на сомнения и предположения, трудные задачи и интересные проблемы. Для авторитарных - безучастные гувернеры: от сих до сих, и отметка ногтем на странице букваря.

- По ложечке через каждые два часа.

- Яичко, полчашки молока и два бисквитика.

37. Внимание! Или мы сейчас договоримся, или навсегда разойдемся.

Каждая мысль, которая жаждет ускользнуть и укрыться, каждое слоняющееся само по себе чувство должны быть усилием воли призваны к порядку и расставлены в образцовом военном строю.

Я взываю о Magna Charta Libertatis, о правах ребенка. Может, их больше, но я нашел три основных.

Право ребенка на смерть.

Право ребенка на сегодняшний день.

Право ребенка быть тем, что он есть.

Нужно понимать их, чтобы при распределении этих прав совершить как можно меньше ошибок. Ошибки должны быть, и не надо их бояться: сам ребенок с поразительной проницательностью исправит их, только бы нам не ослабить в нем этой ценной способности, мощной защитной силы.

Если мы дали ему слишком много еды или что-то неподходящее – скисшее молоко, несвежее яйцо - его вырвет. Если мы дали ему неудобоваримую информацию - он не поймет ее, глупый совет - он не примет его, не послушается.

То, что я скажу сейчас, не пустая фраза: счастье для человечества, что мы не можем принудить детей поддаваться воспитательским влияниям и дидактическим покусениям на их здравый ум и здоровую человеческую волю.

Во мне еще не сформировалось и не утвердилось понимание того, что первое бесспорное право ребенка, есть право высказывать свои мысли, активно участвовать в наших рассуждениях и выводах о нем. Когда мы дорастем до его уважения и доверия, когда он поверит нам и скажет, в каких правах он нуждается, - меньше станет и загадок, и ошибок.

38. Горячая, умная, владеющая собой любовь матери к ребенку должна дать ему право на раннюю смерть, на окончание жизненного цикла не за шестьдесят оборотов солнца вокруг земли, а всего за одну или три весны.

Жесткое требование для тех, кто не хочет нести трудов и убытков родов более двух-трех раз.

"Бог дал, бог и взял", - говорят в народе, где знают живую природу, знают, что не всякое зерно даст колос, не всякая птаха родится способной к жизни, не всякий корешок вырастет в дерево.

Распространено мнение, что чем выше смертность среди детей рабочих, тем более сильное поколение остается жить и вырастает. Нет, это не так: плохие условия, убивающие слабых, ослабляют сильных и здоровых. В то же время мне кажется справедливым, что чем больше мать из состоятельных слоев общества ужасается мыслью о возможной смерти ее ребенка, тем меньше у него возможности стать хотя бы более или менее самостоятельным духовно человеком. Всякий раз, видя в комнате, крашенной белой масляной краской, среди белых лакированных предметов белого ребенка в белом платице с белыми игрушками, я испытываю неприятное чувство: в этой хирургической палате, ничуть не похожей на детскую комнату, должна воспитываться бескровная душа в анемичном теле. "В этом белом салоне с электрической игрушкой в каждом углу можно получить эпилепсию", - говорит Клодина. Может, более подробные исследования покажут, что перекармливание нервов и тканей светом так же вредно, как недостаток света в мрачном подвале.

У нас есть два выражения: свобода и вольность. Свобода, думается, означает принадлежность: я располагаю собой, я свободен. В вольности же мы располагаем своей волей, то есть действием, родившимся из стремления. Наша детская комната с симметрично расставленной мебелью, наши вылизанные городские сады - это не то место, где может проявить себя свобода, это не та мастерская, где нашла бы свое выражение действенная, творческая воля ребенка.

Комната маленького ребенка возникла из ячейки акушерской клиники, а той диктовала свои предписания бактериология. Желая уберечь ребенка от бактерий дифтерита, не переносите его в атмосферу,

насыщенную затхлостью скуки и безволия. Сегодня нет удушливого запаха сохнувших пеленок, зато появился дух йодоформа.

Очень много перемен. Уже не только белый лак мебели, но пляжи, загородные экскурсии, спорт, скаутское движение. Чуть больше свободы, но жизнь ребенка все еще приглашена, придавлена.

39. "Ку-ку, бедная лапочка, где у тебя бобо?"

Ребенок с трудом отыскивает еле заметные следы бывших царапин, показывает место, где был бы синяк, если бы он ударился сильнее, достигает подлинного мастерства в отыскивании прыщиков, пятнышек и шрамов.

Если каждое "больно" сопровождается соответствующим тоном, жестом и мимикой бессильной покорности, безнадежного смирения, то "фу, как некрасиво!" сочетается с проявлениями отвращения и ненависти. Нужно видеть, как держит грудной малыш ручки, вымазанные шоколадом, видеть все его отвращение и беспомощность, пока мама не вытрет батистовым платочком, чтобы задать вопрос: "А не лучше ли было, когда ребенок, ударившись лбом о стул, награждал стул затрешиной, а во время мытья, с глазами, полными мыла, плевался и толкал няньку?"

Дверь - прищемит палец, окно - высунется и вывалится, косточка - подавится, стул - опрокинет на себя, нож - порежется, палочка - глаз выколется, коробочку с земли поднял - заразится, спички - сгорит.

"Руку сломаешь, машина задавит, собака укусит. Не ешь слив, не пей воды, не ходи босой, не бегай по солнцу, застегни пальто, завяжи шарф. Вот видишь, не послушался меня... Погляди: хромой, а вон слепой. Господи, кровь! Кто тебе дал ножницы?" Ушиб оборачивается не синяком, а страхом перед менингитом, рвота - не диспепсией, а призраком скарлатины. Везде расставлены ловушки, повсюду таятся опасности, все зловеще и враждебно.

И если ребенок поверит, не съест потихоньку фунта незрелых слив и, обманув родительскую бдительность, не зажжет где-нибудь в укромном уголке с бьющимся сердцем спичку, если он послушен, пассивен, доверчиво поддается требованиям избегать всяческих опытов, отказаться от каких бы то ни было попыток, усилий, от любого проявления воли, то что сделает он, когда в себе, в глубине своей духовной сущности, почувствует, как что-то ранит его, жжет, язвит?

Есть ли у вас план, как провести ребенка от младенчества через детство в период созревания, когда как гром среди ясного неба падет на нее неожиданность крови, а на него - ужас эрекции и ночных пятен на простынях?

Да, она еще грудь сосет, а я уже спрашиваю вас, как она будет рожать. Потому что над этим вопросом и двадцать лет поразмышлять недолго.

40. В страхе, как бы смерть не отобрала у нас ребенка, мы отбираем ребенка у жизни; оберегая от смерти, мы не даем ему жить.

Воспитанные сами в безвольном ожидании того, что будет, мы постоянно спешим в полное очарования будущее. Ленивые, мы не желаем искать красоты в сегодняшнем дне, чтобы подготовиться к достойной встрече завтрашнего утра, завтра само должно принести нам вдохновение. И что же это, "если бы он уже ходил, говорил", как не истерия ожидания?

Он будет ходить, будет ударяться о твердые края дубовых стульев. Он будет говорить, будет перемалывать языком жвачку каждодневной рутины. Чем же сегодня ребенка хуже, менее ценно, чем его завтра? Если речь идет о трудностях, то оно более трудное.

А когда наконец наступает завтра, мы ждем нового дня. Потому что основной принцип: ребенок не есть, а будет, не знает, а лишь узнает, не может, а только сможет - приговаривает его к постоянному ожиданию.

Половина человечества лишена права на существование: ее жизнь - несерьезна, стремления - наивны, чувства - мимолетны, взгляды - смехотворны. Действительно, дети отличаются от взрослых, в их жизни кое-чего недостает, а чего-то больше, чем в нашей, но самое это отличие от нашей жизни доказывает ее реальность.

Что сделали мы для того, чтобы понять эту реальность и создать условия, в которых ребенок мог бы развиваться и расти?

Страх за жизнь ребенка тесно связан со страхом перед увечьем, страх перед увечьем связывается с необходимой для здоровья чистотой, и тут ремень запретов набрасывается на новое колесо: чистота и безопасность платья, чулок, галстука, варежек, башмаков, рубахи.

Нас беспокоит дыра уже не на лбу, а на штанах, чулках - там, где колени. Не здоровье и благополучие ребенка, а наше тщеславие и карман. Итак, новый виток запретов и заповедей приводит в движение колесо нашей собственной выгоды.

"Не бегай, попадешь под лошадь. Не бегай, вспотеешь. Не бегай, запачкаешься. Не бегай, у меня голова болит". (А ведь в принципе мы детям разрешаем бегать: это единственное действие, которым мы позволяем им жить.)

И вся эта отвратительная машина работает долгие годы, сокрушая волю, тормозя энергию, расщепляя силу ребенка.

Ради завтра мы пренебрегаем тем, что радует, смущает, удивляет, сердит, занимает его сегодня. Ради завтра, которого он не понимает, в котором он не нуждается, крадутся годы жизни, многие годы.

- Дети и рыбы немые.

- Еще успеешь. Подожди, пока вырастешь.

- Ого, у тебя уже длинные брюки, - вот это да, у тебя уже и часы есть. Покажись-ка... да у тебя усы растут.

И ребенок думает:

"Я ничто. Чем-то бывают только взрослые. Я ничто уже немного постарше. Сколько же еще лет ждать? Ну погодите, вот вырасту..."

Ждет и лениво перебивается со дня на день, ждет и задыхается, ждет и таится, ждет и глотает слюнки. Прекрасное детство?

Прекрасное? Нет, скучное, и если и есть в нем прекрасные минуты, то отвоеванные, а чаще всего - украденные.

Ни слова о всеобщем обучении, сельских школах, городах, садах, харцерстве. Таким это было несущественным и безнадежно далеким. Книга зависит от того, какими категориями переживаний и опыта оперирует автор, каково было поле деятельности, что было его мастерской, какая почва питала его мысль. Поэтому мы встречаем наивные взгляды у авторитетов, причем зарубежных.

41. Так что же, разрешать ему все?

Ни за что - из скучающего раба мы вырастим скучающего тирана. Запрещая, мы, как бы то ни было, закаляем его волю, пусть единственно в направлении ограничения и отказа, развиваем его находчивость при действиях в тесном пространстве, умение выскользнуть из-под контроля, пробуждаем критическое отношение к жизни. И это имеет ценность как подготовка - пусть и односторонняя - к жизни. Разрешая "все", надо следить за тем, чтобы, потакая капризам, не притупить тем самым желания. Там мы ослабляем волю, здесь - отравляем ее.

Это не "делай, что хочешь", а я сделаю, я куплю, я тебе дам все, что хочешь, только проси то, что я могу тебе дать, купить, сделать. Я тебе плачу за то, чтобы ты сам ничего не делал, чтобы ты был послушным.

"Съешь котлетку - мама тебе книжечку за это купит. Не пойдешь гулять, я тебе за это конфетку дам".

Детское "дай", даже безмолвно протянутая рука должны натолкнуться на наше "нет", и от этих первых "не дам", "нельзя", "не разрешаю" зависит огромная область воспитания.

Мать еще не хочет видеть своей задачи, она предпочитает лениво, трусливо отсрочить, отложить на после, на потом. Она не желает знать, что из воспитания нельзя изъять трагическую коллизию неумного, неправильного, недопустимого желания с мудрым запретом, нельзя исключить еще более трагического столкновения двух желаний, двух прав на общей территории. Он хочет взять в рот горящую свечу - я не могу ему это разрешить, он хочет нож – я боюсь дать ему его, он протягивает руку к вазе - а мне ее жаль, он хочет, чтобы я играла с ним в мяч - мне хочется почитать... Нам необходимо определить границы его и моего существования.

Новорожденный тянется к стакану, мать целует его ручку - не помогает, дает погремушку - не помогает, велит убрать соблазн с глаз долой. Если младенец вырывает руку, швыряет погремушку оземь, ищет взглядом спрятанный предмет, сердито смотрит на мать, я спрашиваю себя: кто из них прав - мать-обманщица или младенец, который презирает ее?

Тот, кто не продумает как следует систему запретов и приказов, когда их мало, тот растеряется и не сможет ориентироваться, когда их станет много.

42. Деревенский мальчик Ендрик.

Уже ходит. Держась рукой за дверной переплет, осторожно перелезает из избы через порог в сени. Из сеней по двум каменным ступенькам ползет на четвереньках. Перед хатой встретил кота: поглядели друг на друга и разошлись. Споткнулся о грядку, остановился, смотрит. Нашел палочку, сел, роется в песке. Рядом лежит картофельная кожура, берет ее в рот, во рту полно песка, скривился, плюет, бросает. Снова на ногах, бежит навстречу собаке, собака грубо опрокидывает его. Скривил губки, вот-вот заплачет, нет: что-то вспомнил, тянет метлу. Мать идет по воду, уцепился за юбку и бежит уже уверенней. Группа старших детей, у них тележка - смотрит; его отогнали, встал в сторонке - смотрит. Два петуха дерутся - смотрит. Его посадили в тележку, везут, опрокинули. Мать зовет его. Так проходит первая половина из шестнадцати часов дня. Никто не говорит ему, что он еще маленький, он сам чувствует, что ему не под силу. Никто не говорит ему, что кот может оцарапать, что он не умеет еще спускаться по ступенькам. Никто не запрещает играть со старшими детьми. "По мере того, как Ендрик подрастал, все дальше от хаты уходили дороги его странствий"(Виткевич).

Частенько ошибается, падает - ну что же, набивает шишки, гордится шрамами.

Нет, нет, я вовсе не хочу заменить излишек опеки полным ее отсутствием.

Я только хочу отметить, что годовалый ребенок в деревне уже живет, тогда как у нас зрелый юноша еще только входит в жизнь. Помилуйте, да когда же он жить-то начнет?

43. Бронек хочет открыть дверь.

Подвигает стул. Устал, отдыхает, но о помощи не просит. Стул тяжелый, малыш прямо замучился с ним. Тащит его поочередно то за одну, то за другую ножку. Работа идет медленно, но что-то получается. Вот уже стул близко от двери, ему кажется, что он достанет, влезает на стул, стоит. Чуть придерживаю его за платье. Закачался, испугался, слезает. Подвигает стул к самым дверям, но сбоку от щеколды. Вторая неудачная попытка. Ни тени нетерпения. Снова работает, только паузы для отдыха немного удлинились. В третий раз влезает на стул: ногу вверх, хватается рукой и опирается согнутым коленом, повисает, ищет равновесие, новое усилие, рукой хватается за край, лежит на животе, пауза, бросок телом вперед, становится на колени, выпутывает ноги из платья, стоит. Как жалки эти лилипуты в стране великанов! Голова вечно задрана кверху, чтоб хоть что-нибудь увидеть. Окно где-то высоко, как в тюрьме. Чтобы сесть на стул, надо быть акробатом. Усилие всех мускулов и всего ума. чтобы наконец дотянуться до щеколды.

Двери открыты - глубоко вздыхает. Этот глубокий вздох облегчения мы наблюдаем уже у самых маленьких детей после каждого усилия воли, длительного напряжения внимания. Когда мы заканчиваем интересную сказку, ребенок вздыхает точно так же.

Я очень хочу, чтобы вы поняли это.

Этот глубокий одинокий вздох доказывает, что до сих пор дыхание было замедленно, поверхностно, недостаточно, ребенок затаив дыхание смотрит, ждет, следит, напрягается, вплоть до того момента, когда начинается нехватка кислорода, отравление тканей. Организм тут же приводит в состояние тревоги дыхательные центры, следует глубокий вздох, возвращающий равновесие.

Если вы умеете диагностировать радость ребенка, интенсивность его радости, то вы должны были заметить, что величайшей радостью становится счастье преодоленной трудности, достижения цели, открытой тайны, радость победы и счастье самостоятельности, овладения, обладания.

- Где мама? Мамы нет. А ну поищи.

Нашел! Почему он так хохочет?

- Вот погоди, мама тебя догонит. Ой, не может поймать.

До чего же он счастлив!

Почему он хочет ползать, ходить, вырывается из рук? Обычная сцена: он семенит, удаляется от няньки, видит, что нянька бежит за ним, убегает, утрачивает чувство опасности, бежит вперед сам не зная куда, в экстазе свободы - и, подхваченный кем-нибудь, вырывается, колотит ногами, верещит.

Вы скажете: избыток энергии, но это физиологическая сторона, я же ищу психофизиологическую.

Я спрашиваю: почему он хочет сам держать стакан, когда пьет, и чтобы мать даже пальцем к нему не прикасалась, почему, даже не желая есть, все же ест, если разрешить ему самому держать ложку? Почему с радостью гасит спички, тащит отцовские тапочки, несет бабушке скамеечку под ноги? Что это, подражание? Нет, нечто гораздо более ценное и значительное.

- Я сам! - кричит он тысячу раз, жестом, взглядом, улыбкой, умоляя, сердясь, плача.

44. А ты умеешь сам открывать дверь?- спросил я пациента, мать которого предупредила меня, что он боится врачей.

- Даже в уборной могу, - ответил он быстро.

Я рассмеялся. Мальчик смутился, но еще больше смутился я. Я вырвал у него признание в тайной победе и высмеял.

Нетрудно догадаться, что было время, когда все двери уже были открыты для него, а дверь уборной все еще не поддавалась, она стала для него особенно притягательной. Он был похож в этом на молодого хирурга, который мечтает о трудной операции.

Он никому не признавался в этом, он ведь знает то, что составляет его внутренний мир, не найдет отклика среди окружающих.

Может, его не однажды ругали или отталкивали подозрительным вопросом:

Что ты там крутишься, что ты там вечно колдуешь? Не трогай, испортишь. Сейчас же иди в комнату.

И поэтому он работал украдкой, втайне и вот наконец открыл.

Обращали ли вы внимание, как часто, когда раздается звонок, вы слышите просьбу:

Я открою!

Во-первых, с замком входной двери справиться трудно, во-вторых, как приятно чувствовать, что там, за дверью, стоит взрослый, который сам дверь открыть не в силах и ждет, пока он - младший - ему поможет.

Такие маленькие победы - праздник для ребенка, которому уже сняты дальние страны, который в мечтах воображает себя Робинзоном на необитаемом острове, а в действительности счастлив, когда ему разрешают выглянуть в окно.

- Ты умеешь сам залезать на стул?

- Умеешь скакать на одной ножке?

- Можешь левой рукой поймать мяч?

И ребенок забывает, что не знает меня. Он забывает, что я буду осматривать ему горло. Он забывает, что выпишу ему лекарство.

Я пробудил в нем то, что выше чувства неловкости, страха, неприязни, и он радостно отвечает:

- Могу, умею.

Видели ли вы, как младенец долго, терпеливо, с неподвижным лицом, сжатыми губами и вниманием в глазах снимает и надевает чулки и туфельку? Это - не игра, не бессмысленное времяпрепровождение.

Это - работа.

Какую пищу дадите вы его воле, когда ему три года? Пять? Десять лет?

45. Я!

Когда новорожденный царапает себя ноготком, когда младенец, сидя, тащит в рот ногу, падает и сердито ищет рядом виноватого, когда тянет себя за волосы, кривится от боли, но повторяет попытку, когда, стукнув себя ложкой по голове, смотрит вверх, что там такое, чего он не видит, но чувствует, - он еще не знает себя.

Когда он изучает движения своих рук, когда, обсасывая кулачок, внимательно разглядывает его, когда во время кормления вдруг перестает сосать и начинает сравнивать свою ногу с материнской грудью, когда, ползая, останавливается и смотрит вниз, отыскивая нечто, что поднимает его вверх не так, как материнские руки, когда сравнивает свою правую ногу в чулке с левой, без чулка, - он жаждет познать и понять.

Когда в ванне он изучает воду, отыскивая среди множества неодушевленных капель себя, капельку одушевленную, - он ощущает великую правду, которая заключена в коротеньком слове: я.

Только футуристическая картина может открыть нам, каким видит себя ребенок: пальцы, кулаки, ноги - едва намечены, может, обозначен и живот, может, даже голова, но все это скорее угадывается по контурам, как на карте окрестностей полюса.

Работа еще не закончена, он еще поворачивается и нагибается, чтобы разглядеть, что там прячется сзади, изучает себя перед зеркалом и на фотографии, обнаруживает то впадину пупка, то выпуклости своих родимых пятен, а на очереди - новая работа: отыскать себя среди других. Мама, отец, пан, пани, одни появляются часто, другие редко, множество таинственных фигур, предназначение которых загадочно, а действия - сомнительны.

Едва только он установил, что мать существует для выполнения его желаний или, напротив, стоит на пути их осуществления, отец приносит деньги, а тетя - конфеты, как уже в собственных мыслях, где-то в себе самом, открывает новый, еще более удивительный, незримый мир.

Затем предстоит еще найти себя - в обществе, себя - в человечестве, себя - во Вселенной.

Вот уже и волосы поседели, а работе конца-краю нет.

46. Мое.

Где источник этой мысли-чувства? Не сросся ли он с понятием "я"? Может, протестуя против пеленания рук, младенец борется за них как за "мои", а не как за часть своего "я"? Отбирая у него ложку, которой он бьет по столу, ты лишаешь его не собственности, а свойства, с помощью которого рука разряжает свою энергию, самовыражается новым способом, посредством звука.

Эта рука - не совсем его рука, скорее послушный дух Аладина, - держит бисквит, обретая тем самым новую ценную собственность, и ребенок защищает ее.

В какой мере понятие собственности связывается в нем с понятием - ум.

Можно дать, а можно ведь и не давать - в зависимости от каприза, потому что это - мое.

47. Хочу иметь - имею, хочу знать - знаю, хочу мочь - могу: это три разветвления единого ствола воли, уходящего корнями в два чувства -удовлетворения и недовольства.

Младенец старается познать себя, окружающий его животный и растительный мир, потому что с этим связано его мышление. Спрашивая "это что?" - словами или взглядом, он ждет не названия, а оценки.

- Это что?

- Фи, брось, это бяка, не трогай!

- Это что?

- Это цветочек. - И улыбка, и приятное выражение лица, и разрешение взять в руки.

Порой, спросив о нейтральном предмете и в ответ получив голое название без чувственной мимической характеристики, ребенок глядит на мать и удивленно, словно бы разочарован - но, повторяет название, растягивая слово, не зная, как быть ему с этим ответом. Он должен набраться опыта, чтобы понять, что наравне с желанным и нежеланным существует также нейтральный мир.

- Что это?

- Вата.

- Вааата? - И вглядывается в лицо матери, ждет знака, что ему следует думать об этом.

Если бы я путешествовал по субтропическому лесу в сопровождении туземца, я бы точно так же, заведя растение с неизвестными мне плодами, спросил бы его: что это? - а он, угадав вопрос, ответил бы мне окриком, гримасой или улыбкой, что это яд, вкусный плод или бесполезное растение, которое не стоит срывать и класть в рюкзак.

Детское "что это?" означает "каково оно? чему служит? какую пользу можно от этого получить?".

48. Обычная, но поучительная картина.

Встречаются двое детей, едва стоящих на нетвердых ногах. У одного мячик или пряник, другой хочет у него это отобрать.

Матери неприятно, когда ее ребенок что-нибудь отнимает у другого, не хочет дать, поделиться, одолжить. Ее корбит, что поведение ребенка нарушает благопристойность.

В сцене, о которой идет речь, события могут развиваться по-разному.

Один отнимает, другой смотрит удивленно, потом поднимает глаза на мать, ожидая от нее оценки непонятной ситуации.

Или: один пытается отобрать, но нашла коса на камень - атакуемый прячет вожаемый предмет, отталкивает нападающего, опрокидывает его. Матери бегут на помощь.

Или: дети долго смотрят друг на друга, боязливо сближаются, один неуверенным движением тянется к предмету, другой невыразительно защищается. Только после длительной раскачки вспыхивает конфликт.

Здесь играет роль возраст и жизненный опыт обоих. Ребенок, у которого есть старшие братья и сестры, уже не раз выступал в защиту своих прав или собственности, не раз нападал сам. Но, отбросив случайное, мы обнаружим две различные организации, два человеческих типа: активный и пассивный, действенный и страдательный.

- Он у нас добрый, все отдаст. Или:

- Вот дурачок, все другим отдает.

Не доброта это и не глупость.

49. Мягкость, слабый жизненный напор, низкий полет воли, страх перед действием.

Избегает внезапных движений, живого опыта, трудных начинаний.

Меньше действуя, добывает меньше практических сведений, значит, вынужден больше доверяться, дольше уступать.

Что это, менее значительный интеллект? Нет, просто другой. У пассивного меньше синяков и унизительных ошибок, значит, ему недостает болезненного опыта, но зато, может, он глубже запечатлелся в его памяти.

У активного больше ссадин и ошибок, зато он, может, быстрее забывает их.

Первый переживает меньше и медленней, но зато, может, более основательно.

Пассивный удобнее. Оставленный один, он не выпадет из коляски, не поднимет тревогу неизвестно отчего, расплавшись, легко успокоится, не требует с чрезмерной настойчивостью, меньше ломает, рвет, уничтожает.

Дай - он не протестует. Надень, возьми, сними, съешь - смущается.

Две сцены.

Он не голоден, но на доньшке осталась ложка каши, следовательно, он должен ее съесть: количество ведь установлено самим врачом. Он нехотя открывает рот, долго и лениво жует, медленно, с усилием глотает. А вот второй - он не голоден и сжимает зубы, энергично крутит головой, отталкивает, выплевывает, защищается.

А воспитание?

Судить о ребенке по двум полярно противоположным типам детей - все равно что на основании свойств кипятка и льда говорить о воде. В шкале сто градусов, где на ней место нашего ребенка? Но мать должна знать, что в ее ребенке заложено от рождения, а что выработано упорным трудом, и должна помнить, что все, достигнутое тренировкой, настоянием, насилием - недолговечно, непрочное, обманчиво. А когда послушный, "хороший" ребенок вдруг становится упрямым и непослушным, не стоит сердиться, что ребенок таков, каков он есть на самом деле.

50. Деревенский мальчик, вглядывающийся в небо и землю, в плоды и творения земли, знает диапазон возможностей человека.

Конь быстрый, ленивый, трусливый, норовистый; курица яйценосная; корова молочная; земля плодородная и неурожайная; лето дождливое, зима бесснежная. Везде он встречает нечто, что можно немного изменить или быстро исправить, - присмотром, трудом, палкой, но случается, конечно, и так, что ничего изменить нельзя.

У горожанина преувеличенные понятия о человеческих возможностях. Картошка не уродилась. Ну и что ж. Она ведь есть, просто за нее придется дороже заплатить. Зима - надеваешь шубу, дождь - калоши, сухо - поливают улицу, чтобы не было пыли. Все можно купить, со всем справиться. Ребенок болеет - вызовем врача, плохо учится - возьмем гувернера. А книга, подсказывая, что надо делать, способствует иллюзии, что всего можно добиться.

Как же тут поверить, что ребенок должен быть тем, чем он есть, что, как говорят французы, золотушного можно выбелить, но нельзя вылечить.

Если я хочу, чтобы худой ребенок прибавил в весе, я делаю это медленно, осторожно, и вот удача: прибавил целый килограмм. Но достаточно мелкого недомогания, простуды, гриппа, данной не во время, - и пациент тут же теряет два фунта, заработанные с таким трудом.

Летний лагерь для детей бедняков. Солнце, лес, река, дети наслаждаются весельем, заботой, добротой. Вчера маленький дикарь, сегодня он уже полноправный участник игры. Запуганный, забитый и несообразительный, через две недели - смелый, живой, инициативный, общительный. Один меняется что ни час, для другого требуются недели, а в третьем и вовсе никакой перемены не наблюдается. Это не чудо и не его отсутствие, это лишь проявление того, что имелось в ребенке и только ждало своего часа, а то, чего в нем не было, так и не появилось.

Я учу слабоумного ребенка считать: два пальца, две пуговицы, две спички, две монеты... Вот он уже считает до пяти. Но попробуй я изменить порядок вопросов, интонацию, жесты - он снова не знает, не умеет.

Ребенок с больным сердцем. Медлительный в движениях, разговоре, улыбках, послушный. Ему не хватает дыхания, каждое более резкое движение вызывает кашель, страдание, боль. Он и должен быть таким.

Материнство облагораживает женщину, Когда она жертвует собой, отказывается от себя, отдается ему всей душой, и деморализует, когда, прикрываясь мнимым благом ребенка, отдает его на съедение своим амбициям, привычкам, страстям.

Мой ребенок - это моя вещь, мой раб, моя комнатная собачка. Я чешу его за ушами, глажу по челке, украсив ленточками, вывожу на прогулку, дрессирую его, чтобы он был послушен и покладист, а когда надоест:

- Иди поиграй. Иди позанимайся. Пора спать.

Логика лечения истерии, очевидно, заключается в следующем:

- Вы утверждаете, что вы петух. Пожалуйста, будьте петухом, но только не клейтесь.

- Ты вспыльчив, - говорю я мальчику, - ну и ладно, дерись, только не очень сильно, злись, только раз в день.

Если угодно, в одной этой фразе помещается весь воспитательный метод, которым я пользуюсь.

51. Видишь того малыша, который бежит, кричит, роется в песке?

Он когда-нибудь станет знаменитым химиком, сделает открытия, которые принесут ему славу, прекрасное положение, деньги. Вот так, между вечеринкой и балом он вдруг задумается невзначай, запретится, несносный, в кабинете и выйдет оттуда ученым. Кто бы мог подумать?

А видишь другого, который лениво, апатично наблюдает за игрой сверстников? Вот он зевнул, встал, может, присоединится к играющей компании? Нет, снова сел. А между тем и он станет знаменитым химиком, сделает открытия. Вот и изумляйся: кто бы мог подумать?..

Нет, ни маленький задира, ни сонный ленивец не станут учеными. Один будет учителем гимнастики, второй - почтовым служащим.

Преходящая мода, ошибка, недоразумение - все не выдающееся кажется нам ничего не стоящей ерундой. Мы больны бессмертием. Кто не дорос до памятника на площади, мечтает хотя бы об улице, названной его именем, хотя бы о мемориальной доске. А уж коли не тянешь на четыре полосы после смерти, то хотя бы упоминание в тексте: "принимал активное участие... широкие массы общественности скорбят..."

Улицы, больницы, приюты раньше носили имена святых патронов, и это имело смысл, потом - имена хозяев, это было знаменем времени. Сегодня — имена ученых и художников, и в этом смысла нет. Уже поднимаются памятники идеям, безымянным героям, тем, у кого и могил-то нет.

Ребенок - не лотерейный билет, на который должен пасть выигрыш в виде портрета в зале заседаний магистрата или бюста в фойе театра. В каждом есть своя искра, которую может высечь кремь счастья и правды, и, может, в десятом поколении она вспыхнет пожаром гениальности и, прославив собственный род, осветит человечество светом нового солнца.

Ребенок - это не почва, возделываемая наследственностью для посева жизни, мы можем лишь способствовать росту того, что яростно и настойчиво начинает рваться к жизни в нем еще до его первого вдоха.

Признание нужно новым сортам табака и новым маркам вина, но не людям.

52. Так что же - фатум наследственности, беспощадность предназначения, банкротство медицины и педагогики?

Я как-то назвал ребенка пергаментом, испещренным письменами, засеянной землей, но давайте лучше отбросим сравнения, которые могут ввести нас в заблуждение.

Бывают случаи, в которых мы при современном состоянии науки бессильны. Сегодня их меньше, чем вчера, но они есть.

Бывают случаи, в которых мы бессильны при современных условиях жизни. И таких становится все меньше и меньше.

Вот ребенок, которому самые добрые намерения и самое отчаянное напряжение дают мало. Вот другой, которому они дали бы много, но мешают условия. Одному деревня, горы, море принесут немного, другому и помогли бы, да мы не можем их ему предоставить.

Когда мы встречаем ребенка, который страдает от отсутствия заботы, воздуха, одежды, мы обычно не виним родителей. Когда мы видим ребенка, которого портят излишняя заботливость, перекармливание, перегревание, ребенка, которого рьяно охраняют от мнимой опасности, мы склонны обвинять мать, нам кажется, что тут легко справиться со злом, было бы желание понять. Нет, нужно гораздо больше мужества, чтобы не бесплодной критикой, а действием противостоять практике, принятой в данном классе, в данном слое общества. Если там мать не может умыть ребенка и вытереть ему нос, то здесь она не может разрешить ему бегать в драных башмаках, с испачканным лицом. Если там его со слезами забирают из школы и отдают учиться ремеслу, то здесь с не меньшей мукой его вынуждены посылать в школу.

- Испортится у меня дите без школы,- говорит одна, отбирая книгу.

- Испортят мне ребенка в школе, говорит другая, покупая очередные полпуда учебников.

53. Для широких масс наследственность - некий рок, который заслоняет собой все встречающиеся исключения: для науки проблема, которую надлежит решить в процессе исследований.

Существует обширная литература, стремящаяся ответить только на единственный вопрос: рождается ли ребенок туберкулезников больным, с предрасположением к болезни, или заражается после рождения? Думая о наследственности, принимали ли вы во внимание такие простые соображения, что кроме наследственности болезни есть также наследственность здоровья, что родство не является родством в получаемых плюсах и минусах, преимуществах и недостатках, - имеет или должен иметь. Здоровые родители рожают первого ребенка, второй будет ребенком сифилитиков, если родители заразились этой болезнью, третий - ребенком сифилитиков-туберкулезников, если родители приобрели к тому же и туберкулез. Эти трое детей - чужие люди: неотягощенный наследственностью, с грузом наследственности и вдвойне ею отягченный.

Отчего ребенок нервен: оттого ли, что его родили нервные родители, или оттого, что они его воспитали? Где граница между нервностью и хрупкостью нервной системы, где границы духовной наследственности?

Беспутный отец рождает ли он сына-расточителя или заражает его своим примером?

Скажи мне, кто твои родители, и я скажу тебе, кто ты - это верно не всегда.

Скажи мне, кто тебя воспитал, и я скажу тебе, кто ты - и это не всегда верно.

Почему у здоровых родителей бывает слабое потомство? Почему в добропорядочной семье иной раз вырастает сын-шалопаи? Почему обычная средняя семья дает выдающегося ребенка?

Кроме исследований фактора наследственности необходимо также проводить исследования воспитательной среды, и тогда, быть может, не одна загадка найдет свое разрешение.

Воспитательной средой я называю дух семьи, господствующий в ней, так что отдельные члены семьи не могут занимать по отношению к нему произвольной позиции. Этот дух не терпит сопротивления, он диктует, он принуждает.

54. Среда догматизма.

Традиция, авторитеты, ритуалы, безукоснительное выполнение долга - определяющий основной жизненный принцип. Дисциплина, порядок, честность. Серьезность, душевное равновесие, бесстрашие как высшая форма владения собой, признак устойчивости, неуязвимости, уверенности в себе и в правильности своих поступков. Аскетизм, самообладание, ежедневный труд, строгое соблюдение нравственной гигиены, ни малейшего отступления от норм морали.

Благоразумие вплоть до полной пассивности, до игнорирования всех прав и правд, не ставших традиционными, не освященных авторитетами, неукоренившихся повторением изо дня в день.

Если в этой среде уверенность в себе не перерастает в самодурство, простота - в примитивность, она плодотворна для воспитания. Она ломает ребенка, чуждого ей по духу, но высекает превосходного человека, который ответит уважением своим воспитателям за то, что те не забавлялись им, а трудным путем вели к поставленной ими цели. Неблагоприятные условия жизни, тяжелая физическая нагрузка не меняют духовной сущности этой среды. Тщательность исполнения здесь перерастает в труд до мозолей, спокойствие - в смирение, самоотреченность - в стремление выстоять любой ценой, робость и исполнимость, которые порой воспитываются ею, искупаются уверенностью в своей правоте и доверием к себе. В данном случае пассивность и консерватизм - не слабость, а сила, которая оказывает сопротивление чуждым влияниям и злой воле.

Догмой может стать все: и земля, и костел, и отчизна, и добродетель, и грех; может стать наука, общественная и политическая деятельность, богатство, любое противостояние, любая фронда, в том числе и бог как герой, как идол, как кукла. Не все ли равно! Ведь важно не столько во что, а в скольких веришь.

55. Среда идейная.

Ее эффект не в духовной стойкости, а в натиске, напоре, в активности. Тут не работают, а создают. Действуют, а не выжидают. Здесь нет долга - есть добрая воля. Нет догм - есть задачи. Нет равнодушия - есть воодушевление, энтузиазм. Для человека, воспитанного этой средой, внутренний регулятор его отворачивается к грязи и нравственный эстетизм. Случается, что он на минуту возненавидит, но никогда не будет презирать. В основе его терпимости не сознание несовершенства человеческой природы, а уважение к человеческой мысли, горделивая радость от ее свободного парения, от ее способности подниматься на любую высоту и проникать в любые глубины. Смелый в своем деле, он чутко улавливает отзвуки чужих молотков, с интересом ждет завтра, его неожиданностей и чудес, открытий и заблуждений, борьбы и сомнений, новых суждений и переоценок.

Если догматическая среда способствует воспитанию ребенка пассивного, то среда идейная годится для посева инициативных детей. Тут, я думаю, таятся истоки ряда досадных сюрпризов:

одному дают десяток заповедей, высеченных на камне, в то время как он жаждет высечь их сам в своей душе, другого же заставляют искать истину, которую ему свойственнее получить готовой. Не заметить это можно, если приближаешься к ребенку с уверенным "я сделаю из тебя человека", а не с вопросом: "чем можешь ты стать, человек?"

56. Среда, довольная жизнью.

Я имею столько, сколько мне надо: то есть мало, если я ремесленник или чиновник, то есть много, если я землевладелец. Хочу быть тем, кто я есть, то есть мастером, начальником станции, адвокатом,

писателем. Работа – не служение, не пост, не цель жизни, а средство для извлечения выгод и достижения желаемого.

Благодушие, беззаботность, приветливость, жизнерадостность, доброта, трезвость - ровно столько, сколько необходимо, самопознание - ровно столько, сколько этого можно достичь без труда.

Нет последовательности в поведении, нет последовательности в стремлениях и желаниях.

Ребенок дышит внутренним благополучием, ленивым воспоминанием об удовольствиях прошедших дней, благодушием по отношению к сегодняшним делам, обаянием окружающей его простоты. Сам он при этом может стать любым: из книг, разговоров, встреч, жизненных впечатлений он самостоятельно тклет ткань своих воззрений, выбирает собственную дорогу.

Прибавлю к этому взаимную любовь родителей. Ребенок редко чувствует ее отсутствие, когда ее нет, но выпитывает ее, когда она есть.

"Папа сердится на маму, мама не разговаривает с папой, мама плакала, а он как хлопнет дверью"-вот туча, которая застит синеву неба и замораживает веселый беспорядок детской.

Во вступлении я сказал:

- Приказать кому-нибудь продуцировать готовые мысли - все равно что поручить другому человеку родить именно твоего ребенка.

И, наверное, не один из вас подумал: "А как же мужчина? Ведь его ребенка рождает другая?"

Нет: не другая, а любимая.

57. Среда успеха и карьеры.

И здесь в ходу целеустремленность, но приводит к ней не внутренняя потребность, а холодный расчет. Здесь нет места для полноты содержания, есть только прикидывающаяся ею форма, лишь искусная маскировка пустоты, судорожные поиски престижных ценностей. Лозунги, на которых можно заработать, условности, перед которыми выгоднее склониться. Вместо истинных ценностей - искусная реклама. Жизнь не как чередование работы и отдыха, а как охота по следу и вечная беготня. Алчущая пустота, хищничество, чванство и в сочетании с подхалимством, завистью, недоброжелательством и злорадством.

Здесь детей не любят и не воспитывают, их здесь натаскивают. На них либо теряют, либо зарабатывают, их либо покупают, либо продают. Кивок, улыбка, рукопожатие - все вычислено, все известно заранее вплоть до супружества и плодовитости. Зарабатывают на всем - на денежных операциях, авансах, ордерах, связях в "кругах".

Если в такой среде и вырастает стоящий человек, то со временем обнаруживается, что это одна видимость, более тонкая игра, лучше подогнанная маска, и только. Однако случается, что и в этой среде расчета и гниения в душевном разладе и муках вырастает то самое "жемчужное зерно в навозной куче". Это свидетельствует лишь о том, что наряду с общепризнанным законом влияния среды на воспитание действует еще и другой - закон антитезы. Мы видим его проявления в тех случаях, когда скряга воспитывает мота, безбожник - верующего, трус - героя, этого уж не объяснить наследственностью.

58. Закон антитезы основан на внутренней силе, которая противопоставляет себя влияниям, идущим из разных источников и использующим различные средства.

Это защитный механизм сопротивления, самообороны, нечто вроде инстинкта самозащиты духовной организации, чуткий, включающийся автоматически.

Нравоучения в воспитании дискредитированы уже в достаточной степени, зато влияния примера и среды до сих пор пользуются полным доверием. Отчего же они столь часто подводят?

Я спрашиваю, почему ребенок, услышав ругательство, хочет его повторить, несмотря на запрет, а подчинившись угрозам, все же сохраняет его в памяти?

Где источник той злой с виду воли, когда ребенок упрямится, хотя мог бы легко уступить?

- Надень пальто.

Нет, он хочет идти без пальто.

- Надень розовое платье. А ей как назло хочется голубое. Если не настаивать, ребенок может еще послушаться, если же настаивать, уговаривать или угрожать, он непременно заупрямится и подчинится только по принуждению.

Почему (особенно в период созревания) наше привычное "да" наталкивается на его "нет"? Не есть ли это одно из проявлений внутреннего сопротивления искушениям, идущим изнутри, а могущим прийти извне? "Ирония судьбы заставляет добродетель жаждать греха, а преступление - мечтать о чистоте"(Мирбо).

Преследуемая вера завоевывает самых горячих приверженцев. Стремящиеся усыпить народное самосознание успешнее всех его будят. Может, я смешал тут факты из разных областей, однако довольно и того, что лично для меня гипотеза о законе антитезы объясняет множество парадоксальных реакций на воспитательские шпоры и удерживает воспитателя от слишком многочисленных, частых и сильных давлений даже в самом желаемом направлении.

Семейный дух? Согласен. Но где же дух эпохи; он останавливался у границ растоптанной свободы; мы трусливо прятали от него ребенка. "Легенда Молодой Польши" Бжозовского не спасла меня от узости взглядов.

59. Что есть ребенок?

Что есть он хотя бы только физически? Растущий организм. Совершенно верно. Но увеличение веса и роста лишь одно явление в ряду многих. Науке уже известны некоторые особенности этого роста; он неравномерен, периоды быстрого темпа сменяются медленным. Кроме этого, мы знаем, что ребенок не только растет, но и меняет пропорции.

Однако широким массам и это неизвестно. Как часто мать вызывает врача, жалуясь, что ребенок осунулся, похудел, тельце ослабело, личико и головка стали меньше. Она не знает, что, вступая в период раннего детства, младенец теряет жировые отложения, что с развитием грудной клетки голова прячется в ширящихся плечах, что части его тела и органы развиваются не одинаково, что по-разному растут мозг, сердце, желудок, череп, глаза, кости конечностей, что будь это иначе, взрослый человек был бы чудовищем с огромной головой на коротком толстом туловище и не смог бы передвигаться на двух обросших жиром валиках-ногах.

Изменение пропорций всегда сопутствует росту.

Нескольким десяткам тысяч наших измерений соответствует пара – другая весьма приблизительных кривых среднего роста, мы не понимаем значения ускорения, замедления или девиации развития. Потому, что, зная с пятого на десятое анатомию роста, мы вовсе не знаем его физиологии, потому что мы пристально изучали лишь больного ребенка и только с недавних пор начали исподволь присматриваться к здоровому. Потому что нашей лабораторией от века была больница, а не воспитательное учреждение.

60. Ребенок изменился.

С ребенком что-то случилось. Мать не всегда может сказать, в чем заключается перемена, зато у нее уже готов ответ на вопрос, чему эту перемену следует приписать.

- Ребенок изменился после появления зубов, после прививки оспы, после того, как его отняли от груди, после того, как он вывалился из кровати. Уже ходил - и вдруг перестал, просился на горшок - снова пачкает штанишки, "ничего" не ест, спит беспокойно, мало (или слишком много); стал капризным, слишком подвижным (или вялым), похудел.

Другой период:

после того, как пошел в школу, после возвращения из деревни, после кори, после того, как выкупался, несмотря на запрещение, после того, как испугался пожара. Меняются не только сон и аппетит, меняется

и характер: раньше слушался - теперь своевольничает, раньше быстрый – теперь расхлябанный и ленивый. Бледен, осанка отвратительная. Вдобавок какие-то гадкие выходки. В чем дело? - дурная компания, заучился, а может, заболел?

Двухлетняя работа в доме сирот, скорее наблюдения за детьми, нежели их изучение, позволили мне прийти к выводу, что все то, что известно под названием "неуравновешенность переходного периода", в менее резко выраженной форме ребенок переживает несколько раз в жизни. Это такие же "критические" моменты развития, только они менее заметны, а потому пока недооцениваются наукой.

Стремясь к единству во взгляде на ребенка, иные склонны рассматривать его как усталый организм. Этим они объясняют его повышенную потребность во сне, слабый иммунитет к болезням, уязвимость органов, низкую психическую выносливость. Эта в общем справедливая точка зрения годится не для всех этапов развития ребенка.

Ребенок попеременно бывает то сильным, живым, веселым, то слабым, усталым и мрачным. Когда он заболевает в критический период, мы склонны считать, что болезнь уже коренилась в нем, я же думаю, что болезнь гнездилась в области, на какое-то время ослабленной, или что она, притаившись, ждала наиболее благоприятных условий для нападения, либо, случайно залетев извне и не встретив сопротивления, расхлябывалась в организме.

Если в будущем мы перестанем делить циклы жизни на искусственные "младенец, ребенок, юноша, взрослый, старик", то основой для деления на циклы окажется не рост и внешнее развитие, а те еще неизвестные нам глубинные преобразования организма как целого, от колыбели до могилы, на протяжении двух поколений, о которых говорил Шарко в своем докладе об эволюции артрита.

61. Между первым и вторым годом жизни ребенка родители чаще всего меняют домашнего врача.

В этот период случалось и мне приобретать клиенток-мамаш, сетовавших на моего предшественника, который якобы неумело вел их ребенка, и напротив, матери отказывались от моей помощи, обвиняя меня в том, что тот или иной нежелательный симптом появился вследствие моей небрежности. Правы и те и другие, постольку поскольку врач считал ребенка совершенно здоровым, и тут вдруг давала себя знать непредвиденная, незамеченная инфекция.

Но только стоит переждать критический момент - и ребенок, не отягощенный дурной наследственностью, быстро обретает утраченное было равновесие, а в состоянии ребенка с плохой наследственностью наступает улучшение, и вновь спокойно продолжается развитие юной жизни.

Если в первом и во втором случае принять определенные меры, то улучшение приписывается именно им. И если на сегодня известно, что выздоровление после воспаления легких или тифа наступает по окончании цикла болезни, то в нашем случае непонимание будет царить до тех пор, пока мы не установим порядка этапов развития ребенка, не очертим индивидуальных профилей развития для детей разного типа.

Кривая развития ребенка имеет свои весны и осени, периоды напряженной работы и отдыха для восстановления сил, поспешного завершения произведенной работы и накопления запасов для дальнейшего строительства. Семимесячный плод уже жизнеспособен, но ведь еще два долгих месяца (почти четвертую часть беременности) он дозревает в лоне матери.

Младенец, утроивший свой первоначальный вес за год, имеет право отдохнуть. Стремительный путь, который проходит его психическое развитие, дает ему право кое-что забыть из того, что он уже умел и что мы преждевременно считали прочным навыком.

62. Ребенок не хочет есть.

Небольшая арифметическая задача.

Ребенок при рождении весил 8 фунтов с хвостиком, через год, утроив вес, весит 25 фунтов. Если бы вес возрастал в том же темпе, то к концу второго года он весил бы $25 \text{ ф.} \times 3 = 75 \text{ ф.}$

К концу третьего года:

75 ф.х 3=225 ф.

К концу четвертого:

225 ф.х 3=675 ф.

К концу пятого:

675 ф.х 3=2025 ф.

Это пятилетнее чудовище, при весе в 2000 фунтов, потребляя, как новорожденные, в день 1/6-1/7 своего веса, ежедневно съедал бы 300 фунтов продуктов. Ребенок ест мало, очень мало, много, очень много в зависимости от механизма роста. Кривая веса дает резкие или плавные подъемы, иногда в течение месяца ничего не меняется. Она неумолима в своей последовательности: при недомогании ребенок за несколько дней теряет в весе, в следующие дни столько же набирает, повинувшись внутреннему приказу, который гласит: "столько, не больше". Если ребенок, который рос у нуждающихся родителей и недоедал, вдруг переходит на нормальное питание, он набирает недостающий вес за неделю. Если взвешивать ребенка каждую неделю, он через некоторое время начнет угадывать, поправился ли он или похудел:

- На прошлой неделе я похудел на триста граммов, значит, сегодня прибавлю пятьсот. Сегодня вес будет меньше, потому что я не ужинал. Ну, наверное, граммов сто прибавится. Опять на пятьсот поправился, спасибо.

Ребенок хочет угодить родителям, потому что ему неприятно мучить маму, потому что удовлетворение родительских желаний сулит ему бесчисленные выгоды. Значит, если он не съест котлету, не выпьет молока, то только оттого, что не может. Если его будут заставлять есть, то повторяющиеся время от времени желудочные расстройства и диета будут регулировать нормальный прирост веса.

Принцип: ребенок должен есть столько, сколько он ест, не меньше и не больше. Даже организовав усиленное питание больного ребенка, диету можно составлять только при его участии и лечение проводить с учетом его желаний.

63. Заставлять детей спать, когда им не хочется, - преступление.

Таблица, гласящая, сколько часов сна нужно ребенку, абсурдна. Установить число часов, необходимое данному ребенку для сна, легко каждому, имеющему часы: сколько часов он спит, не просыпаясь, чтобы проснуться выспавшимся. Подчеркиваю: выспавшимся, а не бодрым. Бывают периоды, когда ребенок больше нуждается во сне, бывают и такие, когда ему хочется просто полежать в кроватке, а не спать, отдохнуть и только.

Период усталости: вечером неохотно ложится в постель, потому что ему не хочется спать, утром неохотно вылезает из постели, потому что ему не хочется вставать. Вечером притворяется, что не хочет спать, потому что ему не разрешают лежать вырезать картинки, играть в кубики или с куклой, гасят свет и запрещают разговаривать. Утром притворяется, что спит, потому что ему велят тут же вылезать из кровати и умываться холодной водой'. Как радуются они кашлю, температуре, при которой можно оставаться в постели и не спать.

Период спокойного равновесия: засыпает быстро, но просыпается до рассвета, полный энергии, потребности двигаться и немедленно затеять что-нибудь интересное. Ни хмурое небо, ни холод в комнате не пугают его: босой, в рубашонке, он разогреется, прыгая по столу и стульям. Что делать? Укладывать спать позже. Даже, о ужас, в одиннадцать. Разрешать играть в постели. Я спрашиваю вас, почему разговор перед сном должен "разгулять" его, а нервное напряжение - оттого, что поневоле приходится быть непослушным, - не разгуливает?

Принцип - не важно, правильный или нет - рано укладывать, рано вставать - родители для своего удобства переделали: чем больше сна, тем здоровей. К мерзкой скуке дня добавляют раздражающую скуку вечернего ожидания сна. Трудно представить себе более деспотичный, граничащий с пыткой, приказ, чем:

- Спи!

Люди, которые поздно ложатся спать, болеют оттого, что ночи проводят в пьянстве и разврате, а спят мало, поскольку вынуждены ходить на службу и рано вставать.

Неврастеник, вставший однажды на рассвете, чувствует себя хорошо лишь в результате внушения.

То, что ребенок, рано ложась спать, меньше времени проводит при искусственном освещении, вовсе не такой большой плюс в городе, где он не может при первом свете дня выбежать в поле, а лежит в комнате со спущенными шторами, уже ленивый, уже недовольный, уже капризный - плохое предзнаменование начинающегося дня...

Здесь, в нескольких десятках строк, как и во всех затронутых в этой книге проблемах, я не могу развить тему, которая требует специальной книги. Моя цель - только привлечь внимание...

64. Что есть ребенок как духовная организация, отличная от нашей?

Каковы его черты, потребности, какие в нем скрываются незамеченные возможности? Что есть эта половина человечества, живущая вместе с нами и рядом с нами в трагическом раздвоении? Мы навязываем ей бремя обязанностей завтрашнего человека, не давая ни одного из прав человека, живущего сегодня.

Если разделить человечество на взрослых и детей, а жизнь - на детство и взрослость, то окажется, что дети и детство - это очень большая часть человечества и жизни. Только занятые своими заботами, своей борьбой, мы не замечаем его, как не замечали раньше женщину, мужика, поработанные племена и народы. Мы устроились так, чтобы дети как можно меньше мешали нам, чтобы они как можно меньше понимали, что мы есть на самом деле и чем на самом деле занимаемся.

В одном парижском детском доме я видел двойные перила: высокие - для взрослых, низкие - для детей. Помимо этого изобретательский гений исчерпал себя в школьной парте. Этого мало, очень мало. Взгляните - убогие детские площадки, щербатая кружка на заржавевшей цепи у колодца - и это в парках богатейших столиц Европы!

Где дома и сады, мастерские и опытные поля, орудия труда и познания для детей, людей завтра? Еще одно окно, еще один коридорчик, отделяющий класс от сортира, - все, что дала архитектура; еще одна лошадь из папье-маше и жестяная сабелка - все, что дала промышленность; лубочные картинки на стенах и вышивка - немного; сказка - но это не мы ее придумали.

На наших глазах из наложницы вырос человек. Столетиями играла женщина силой навязанную ей роль, лепила образ, созданный самодурством и эгоизмом мужчины, который не желал видеть в ней труженицу, как сегодня не видим труженика в ребенке.

Ребенок еще не выступил в свою защиту, он еще послушен нам.

Ребенок - сто масок, сто ролей одаренного актера. Он один - с матерью, другой - с отцом, бабушкой, дедом, разный - со строгим и добрым учителем, на кухне и среди ровесников, не одинаково ведет себя в среде зажиточных и нуждающихся, в будничной и праздничной одежде. Наивный и хитрый, послушный и высокомерный, добрый и мстительный, благовоспитанный и проказливый, он так умеет спрятаться до поры до времени, так затаиться в себе, что с успехом вводит нас в обман и ловко пользуется нашими заблуждениями в своих целях.

В области инстинктов ему недостает только одного, да и тот есть, только нечеток, как туманность эротических предчувствий.

В области чувств он превосходит нас, потому что не знает тормозов.

В области интеллекта по меньшей мере равен нам.

У него есть все. Ему только не хватает опыта.

Поэтому взрослый так часто бывает ребенком, а ребенок - взрослым человеком.

Вся разница в том, что он не зарабатывает себе на хлеб, что, будучи у нас на содержании, он вынужден подчиняться нашим требованиям.

Детские дома уже меньше похожи на казармы и монастыри; они почти больницы. Здесь есть гигиена, но нет улыбки, радости, неожиданностей, проказ. Здесь все серьезно, если не сурово, только по-другому, не так, как раньше. Их не заметила еще архитектура; нет "стиля ребенка". Взрослый фасад здания, взрослые пропорции, старческий холод деталей. Французы говорят, что Наполеон колокол монастырского воспитания заменил барабаном - это верно; добавлю к этому, что над духом современного воспитания тяготеет фабричный гудок.

65. Ребенок неопытен.

Приведу пример и попробую объяснить.

- Я скажу маме на ушко. И, обнимая мать за шею, говорит таинственно:

- Мамочка, спроси доктора, можно ли мне съесть булочку (конфетку, компот).

При этом он часто смотрит на врача, кокетливо улыбается ему, чтобы подкупить, выудить разрешение.

Старшие дети говорят на ухо шепотом, младшие - обычным голосом...

В один прекрасный день окружающие признали ребенка достаточно взрослым для нравоучения:

- Есть желания, которые нельзя произносить вслух. Они бывают двух видов: одни нельзя иметь вовсе, а уж если они появились, то этого надо стыдиться; другие иметь допустимо, но говорить о них можно только среди своих.

Некрасиво приставать к взрослым, некрасиво, съев конфету, просить еще одну. Иногда вообще некрасиво просить конфетку; надо подождать, пока дадут.

Некрасиво делать в штанишки и некрасиво говорить "хочу по-маленькому", все будут смеяться. Чтобы не смеялись, нужно сказать на ухо.

Иногда некрасиво громко задавать вопросы.

- Почему у того дяди нет волос?

Дядя смеялся, все смеялись. Спрашивать об этом можно, но тоже на ушко.

Ребенок не сразу понимает, что на ушко говорят для того, чтобы услышал только один человек, поэтому он говорит на ушко, но громко.

- Хочу по-маленькому, хочу пирожное.

Даже если он говорит тихо, то все равно не понимает: зачем скрывать то, о чем присутствующие и так узнают от мамы?

Чужих ни о чем нельзя просить, тогда почему же можно громко просить доктора?

- Почему у этой собачки такие длинные уши? - спрашивает ребенок самым тихим шепотом.

И снова смех. Оказывается, об этом можно спросить громко, потому что собачка не обидится. А вот спрашивать громко, почему у этой девочки такое некрасивое платье, нехорошо. Но ведь ее платье тоже не обидится.

Как же объяснить ребенку, сколько во всем этом обывательской взрослой фальши? Как потом объяснить ему, почему говорить на ухо вообще-то некрасиво?

66. Ребенок неопытен.

Он смотрит на тебя с интересом, жадно слушает твои слова, верит им.

- Это яблочко, тетя, цветочек, коровка, - верит.
- Это красиво, вкусно, хорошо, - верит.
- Это некрасиво, не трогай, нельзя, - верит.
- Дай поцелую, поклонись, скажи спасибо, - верит.

Ребенок ударился: дай мама поцелует, вот уже и не больно.

Он улыбается сквозь слезы: мама поцеловала - уже не больно.

Ударившись, он бежит за своим лекарством, за поцелуем.

Верит.

- Любишь?
- Люблю.

- Мама спит, у мамы головка болит, не надо ее будить.

И он тихонечко, на цыпочках подходит к матери, осторожно тянет за рукав, шепотом задает вопрос. Он не будит маму, он только спрашивает ее, а после: "Спи, мамочка, у тебя головка болит".

- Там, на небе, боженька. Боженька сердится на непослушных детей, а послушным дает булочки, пирожные. Где боженька?

- Там, на небе, высоко. А по улице идет чудной человек, весь белый. Кто это?

- Это пекарь, печет булочки и пирожные.

- Значит, он и есть боженька? Дедушка умер и его закопали в землю.

- В землю закопали? - удивляюсь я. - А как же он ест?

- Его выкапывают, - отвечает ребенок, - лопатой выкапывают. Коровка дает молоко.

- Коровка? - спрашиваю я недоверчиво. - А откуда она берет молоко?

- Из колодца, - отвечает ребенок. Ребенок верит, потому что всякий раз, когда пробует придумать что-нибудь сам, он ошибается. Он вынужден верить.

67. Ребенок неопытен.

Он роняет на землю стакан. Случилось нечто очень странное: стакан исчез, вместо него появились совершенно новые предметы. Он наклоняется, берет в руки осколок, порезался, больно, из пальца течет кровь. Все полно тайн и неожиданностей.

Он двигает перед собой стул. Вдруг что-то мелькнуло у него перед глазами, дернулось, взревело. Стул стал каким-то другим, лежит на земле, а ребенок сидит на полу. Снова боль и испуг.

Мир полон чудес и опасностей.

Он тянет одеяло, чтобы выбраться из-под него. Теряя равновесие, хватается за платье матери. Карабкается вверх, цепляется за край кровати. Овладев этим опытом, тянет со стола скатерть или салфетку. Снова катастрофа.

Он ищет помощи, потому что сам справиться не в силах. Проявляя самостоятельность, он узнает горечь поражения. Зависая от других, он теряет терпение.

Даже сели он не верит или не вполне верит взрослым, потому что его сотни раз обманывали, он все равно вынужден следовать их указаниям, точно так же, как неопытный руководитель вынужден терпеть грубого работника, без которого не может обойтись, как паралитик вынужден принимать помощь и выносить деспотизм жестокого санитаря.

Подчеркиваю, что всякая беспомощность, всякое удивление незнания, ошибка в применении имеющегося опыта, неудача в попытках подражания, всякая зависимость напоминают нам ребенка вне связи с возрастом человека. Мы без труда обнаруживаем черты ребенка в больном, старике, солдате, заключенном. Сельский житель в городе, городской в деревне, разве их удивление не напоминает нам ребенка? Профан задает детские вопросы, парвеню совершает детские бестактности.

68. Ребенок подражает взрослым.

Только подражая, он учится говорить, осваивает большинство форм общения, делает вид, будто вжился в мир взрослых, которых он не может понять, которые чужды ему по духу и для него неприемлемы.

Главные ошибки в наших суждениях о детях мы совершаем именно оттого, что истинные их мысли и чувства заслоняются словами, которые они переняли, готовыми формами, которыми они пользуются, вкладывая, однако, в них иное, свое содержание.

Будущее, любовь, родина. Бог, уважение, долг - эти понятия, забетонированные в слова, рождаются, вырастают, изменяются, крепнут, слабеют, становятся чем-то другим в разные периоды жизни человека. Нужно употребить немало усилий, чтобы не спутать песчаный холмик, который ребенок называет горой, со снежной вершиной Альп. Для того, кто вдумается в душу употребляемых людьми слов, сотрется разница между ребенком, юношей и зрелым человеком, простаком и мыслителем, перед ним возникнет образ человека интеллектуального - независимо от возраста, общественного слоя, уровня образования, культурного лоска, просто человека, ориентирующегося в диапазоне меньшего или большего опыта. Люди разных убеждений (я говорю не о политических лозунгах, зачастую неискренних или вдолбленных силком) - это люди с разным скелетом опыта.

Ребенок не понимает будущего, не любит родителей, не чувствует родины, не понимает Бога, не уважает никого, не знает, что такое долг. Он говорит "когда я вырасту", но не верит в это; называет мать "любимой", но не чувствует этого; родина для него - сад или двор. Бог - это почтенный дядюшка или надоедливый зануда; он только делает вид, что уважает, только поддается принуждению, необходимость которого вдолблена в того, кто приказал и следит за исполнением, однако следует помнить, что приказывать можно не одной только палкой, но и просьбой, ласковым взглядом. Иногда ребенок и в самом деле чувствует то, что говорит, но это лишь моменты чудесного ясновидения.

Ребенок подражает? А что делает путешественник, приглашенный мандарином принять участие в местном обряде или церемонии? Он смотрит, старается ничем не выделиться, не внести замешательства, усваивает суть и связь эпизодов, гордый тем, что справился со своей ролью. А что делает неотесанный простак, допущенный к участию в беседе с господами? Он приспосабливается, подлаживается к ним. А конторщик, служащий, офицер разве не подражают они начальству в разговоре, движениях, улыбке, одежде?

Есть еще одна форма подражания; если девочка, проходя по грязи, приподнимает короткое платье, значит, она взрослая. Если мальчик подражает подписи учителя, это значит, что он проверяет собственную пригодность к высокому посту. И такую форму подражания мы тоже легко найдем у взрослых.

69. Эгоцентризм детского мировосприятия - это тоже недостаток опыта.

От индивидуального эгоцентризма, когда свое сознание он ощущает как центр всех вещей и явлений, ребенок переходит к эгоцентризму семейному, который длится дольше или меньше, в зависимости от условий, в которых он воспитывается. Мы сами укрепляем ребенка в его ошибке, преувеличивая ценность семейного очага, указывая на мнимые и истинные опасности, грозящие ему вне пределов нашей помощи и опеки.

Оставайся у меня, говорит тетя.

Ребенок прижимается к матери, в глазах слезы, ни за что не останется. Он ко мне так привязан!

Ребенок с удивлением и страхом приглядывается к этим чужим мамам, которые ему даже не тети.

Но наступает минута, когда он спокойно начинает сравнивать то, что видит в других домах, с тем, чем обладает сам.

Сначала он захочет только иметь у себя точно такую же куклу, сад, канарейку.

Позже поймет, что другие мамы и папы тоже хорошие, может, даже лучше, чем его.

- Если б у меня была такая мама...

Ребенок сельского двора и хаты относительно раньше раздобывает опыт, познает грусть, которой ни с кем не делится, понимает, что его радость радует только самых близких, понимает, что день именин - только его праздник.

"Мой папа, у нас, моя мама"- столь часто встречаемое в детских спорах восхваление собственных родителей-это скорее полемическая формула, иногда исполненная драматизма защита иллюзии, в которую он хочет верить, но в которой уже начинает сомневаться.

- Вот погоди, я скажу отцу...

- Очень я боюсь твоего отца. И правда: мой отец страшен только для меня...

Я бы назвал эгоцентрическим взглядом ребенка на текущий момент то, что в результате недостатка опыта он живет лишь сегодняшним днем. Игра, отложенная на неделю, перестает быть реальностью. Зима летом кажется сказкой. Оставляя пирожное "на завтра", он отказывается от него по принуждению. Ему трудно понять, что портить вещи означает сделать их не сразу негодными для употребления, а менее ДОЛГОВечными, быстрее поддающимися износу. Рассказ о том, что мама была девочкой, увлекательная сказка. С удивлением, граничащим со страхом. ГЛЯДЕЛ он на незнакомого приезжего, который называет по имени отца: они играли вместе, когда были маленькими...

Меня еще на свете не было..

А эгоцентризм партийный, классовый, национальный: многие ли дорастают до осознания места человека в человечестве и во вселенной? С каким трудом люди свыклись с мыслью, что земля крутится, что она всего лишь планета! А недавняя убежденность масс, вопреки действительности, что ужасы войны невозможны в XX столетии?

И разве не является наше отношение к детям выражением эгоцентризма взрослых?

Я не знаю, что ребенок так хорошо помнит, так терпеливо ждет.

Много ошибок мы допускаем из-за того, что мы сталкиваемся с ребенком принуждения, неволи, барщины, исковерканным, уязвленным, бунтующим.

Нужно приложить много труда, чтобы понять, какой же он, в сущности, каким он может быть.

70. Наблюдательность ребенка.

На экране кинематографа - потрясающая драма.

Вдруг раздается пронзительный детский крик:

- Ой, собачка...

Никто, кроме него и не заметил.

Подобные восклицания иногда можно услышать в театре, на выставке. В костеле, среди праздничной толпы, они смущают близких, вызывают снисходительную улыбку окружающих.

Не в силах объять целое, не в состоянии вдуматься в непонятное содержание, ребенок радостно приветствует знакомую, близкую деталь. Но точно так же и мы радостно приветствуем знакомое лицо, случайно мелькнувшее в многоликом, равнодушном, чужом для нас обществе.

Не в состоянии жить в бездействии, ребенок влезет в любой угол, заглянет в каждую щелку, отыщет, расспросит, разузнает. Ему интересна движущаяся точка муравья, сверкнувшая ящерка, услышанное слово и фраза. Как бываем похожи мы на детей, оказавшись в чужом городе, в незнакомой компании...

Ребенок знает свое окружение, его настроение, недостатки, слабости, знает и, можно сказать, умело использует их. Он предчувствует доброжелательность, угадывает притворство, на лету хватается смешное. Он читает по лицам - вот так же сельский житель читает по небу, какая будет погода. Потому что он годами вглядывается и изучает в школах, в интернатах, эта работа по проникновению в нас вертится совместными УСИЛИЯМИ, коллективных напряжениях. Только мы не желаем ее видеть, пока не нарушат наш святой покой, мы предпочитаем уговаривать себя, что он наивен, не знает, не понимает, что его легко обмануть видимостью. Другая позиция поставила бы нас перед проблемой: или открыто отказаться от привилегии мнимого совершенства, или уничтожить в себе то, что нас в их глазах унижает, делает смешными или убогими.

71. Похоже, что ребенок в поисках все новых и новых впечатлений ничем не может заняться надолго, даже игра быстро надоедает ему. а тот, кто всего час назад был другом, становится врагом. чтобы через минуту вновь стать сердечным другом.

Действительно, в вагоне поезда ребенок становится капризным и раздражительным; когда его сажают в сад, на скамейку, разом теряет терпение; в гостях пристаёт к матери, любимую игрушку уже в угол забросил; на уроке вертится, даже в театре и то не усидит спокойно.

Следует, однако, принять во внимание, что во время путешествия он возбужден и устал, что на скамейку его посадили силой, что в гостях он стесняется, что игрушку и товарища по играм ему выбрали взрослые, пойти на урок его о заставили, а вот в театр, правда, он сам рвался, потому что ему верилось, что там будет очень хорошо.

Как часто мы бываем похожи на ребенка, который украшает кота ленточками, угощает его грушей, дает ему посмотреть свои рисунки и удивляется, что глупый кот старается тактично улизнуть или, придя в отчаяние, царапается и вырывается.

Ребенок в гостях хотел бы посмотреть, как открывается коробочка, стоящая на полке, что там блестит в углу, есть ли картинки в большой книжке, хотел бы поймать золотую рыбку в аквариуме и съесть много-много конфет. Но он ничем не выдает своих желаний, потому что это некрасиво.

- Пошли домой, - говорит плохо воспитанный ребенок.

Ему обещали игру, флажки, бенгальские огни, представление, он ждал - и не дождался.

- Ну что, хорошо, интересно тебе было?

- Замечательно, - отвечает он, зевая или подавляя зевок, чтобы не обидеть...

Летний лагерь. Рассказываю в лесу сказку. Во время рассказа один из мальчиков уходит, потом второй, третий. Меня это удивляет, на завтра я расспрашиваю их и узнаю вот что: один положил палочку под кустик, вспомнил об этом во время сказки, испугался, как бы палочку не забрали, у второго болел пораненный палец, а третий не любит выдуманных историй. А разве взрослый не уходит со спектакля, когда ему неинтересно, когда его мучает боль или когда он забыл бумажник в кармане пальто?

У меня есть множество доказательств того, что ребенок может целыми неделями и месяцами заниматься одним и тем же и не испытывает тяги к переменам. Любимая игрушка никогда не утрачивает для него очарования. Он может много раз с одинаковым интересом слушать одну и ту же сказку. И напротив, у меня есть доказательства, что мать выводит из себя односторонность интересов ее ребенка. Как часто они обращаются к врачу, чтобы он "разнообразил диету, потому что каши и компоты уже надоели ребенку".

Они вам надоели, а не ребенку, приходилось мне объяснять.

72. Скука - предмет для основательных раздумий.

Скука: одиночество, отсутствие впечатлений; скука: излишек впечатлений, крик, суматоха, кутерьма. Скука: нельзя, подожди, осторожно, некрасиво. Скука нового платья, неловкости, смущения, запретов, приказаний, обязанностей.

Полускука балкона и выглядывания в окно, прогулки, визитов, игры со случайными, неподходящими товарищами.

Скука острая, как обрушившаяся болезнь с высоченной температурой, и скука хроническая, тягучая, с обострениями.

Скука: плохое самочувствие ребенка, а значит, жара, холод, голод, жажда, переедание, сонливость и излишек сна, боль и усталость.

Скука: апатия, равнодушие к каким бы то ни было стимулам, вялость, неразговорчивость, ослабление жизненной пульсы. Ребенок лениво встает, ходит сутулясь, волооча ноги, потягивается, отвечает мимикой, односложно, тихо, с гримасой отвращения. Сам ничего не хочет, но в стыки встречает каждую обращенную к нему просьбу. Отдельные внезапные взрывы, непонятные, почти немотивированные.

Скука: чрезмерная подвижность. Минуты не усидит на месте, ничем не может заняться неделю, капризный, недисциплинированный, пристаёт, надоедает, обижается, плачет, злится. Иной раз нарочно провоцирует скандал, чтобы в ожидаемом наказании получить желаемое сильное впечатление. Мы часто усматриваем призрак злого умысла там, где налицо банкротство воли, или переизбыток энергии, там, где налицо отчаяние скуки.

Иногда скука приобретает черты массового психоза. Дети не в силах организовать игру либо оттого, что смущаются, либо из-за разницы в возрасте и привычках, либо из-за необычных условий, впадают в безумие бессмысленного шума.

Они кричат, толкаются, тянут друг друга за ноги, кувыркаются, кружатся едва ли не до потери сознания и падают на землю, возбуждают друг друга, смеются деланным смехом. Чаще всего прежде, чем наступит реакция, "игру" прерывает катастрофа:

драка, порванная одежда, сломанный стул, слишком рьяное рукоприкладство - и вот уже замешательство и взаимные оскорбления. Иногда шумное настроение угасает от сказанных кем-нибудь слов "перестаньте сходить с ума, неужели вам не стыдно", инициатива переходит в энергичные руки и тогда рассказывается сказка, организуется хоровое пение, беседа.

Боюсь, что некоторые воспитатели склонны принимать эти не слишком частые патологические состояния коллективной раздражающей скуки за нормальную игру детей, "предоставленных самим себе".

73. Даже детские игры. рассматриваемые по-газетному поверхностно, еще не дождались основательных клинических исследований.

Следует помнить, что играют не только дети, но и взрослые, что дети не всегда играют охотно, что не все, что мы называем игрой, есть она на самом деле, что многие игры детей - не что иное, как подражание действиям взрослых, что существует разница между играми за городом, в городе и в комнате, что детские игры нам следует рассматривать лишь принимая во внимание положение ребенка в современном обществе.

Мяч.

Обрати внимание на то, сколько усилий прилагает малыш, чтобы поднять его с земли, чтобы катить его в определенном направлении по полу.

Обрати внимание на старания старшего: схватить его правой и левой рукой, несколько раз ударить о землю, о стенку, подбить лаптой, попасть в цель. Кто дальше всех, кто выше всех, кто самый меткий, кто больше всех раз кинет? Соревнование - осознание себя путем сравнения, победы и поражения, совершенствование.

Неожиданности, частенько комического характера. Уже держал мяч в руках, а он выскользнул, ударился об одного и попал в руки совсем другому; борясь за мяч, стукнулись головами, мяч попал под шкаф и сам послушно выкатывается оттуда.

Впечатления. Мяч упал на траву - риск поднять его. Исчез - поиски. Едва не выбил стекло. Залетел на шкаф - обсуждение вопроса, как снять? Попал или нет? Кто виноват: тот, кто не туда кинул, или тот, кто не поймал? Оживленный спор.

Разница в характерах. Один обманывает: делает вид, что бросает, целится в одного, а бьет в другого, ловко спрятал мяч, будто его и нет. Другой дует на брошенный мяч, чтоб быстрее летел, едва не падает, ловя его, пробует поймать его губами, делает вид, что боится, когда в него бросают; притворяется, будто мяч его сильно ударил. Третий бьет по мячу: "Эй ты, мяч, вот я тебе задам". "Там в мяче что-то стучит" трясет мячом, слушает.

Есть дети, которые, не играя сами, любят наблюдать за игрой, в этом они похожи на взрослых, которые наблюдают за партией в бильярд или шахматы. И тут встречаются интересные, фальшивые и гениальные движения.

Целенаправленность движений - это только одна из черт, которые делают этот спорт приятным.

74. Игра не столько стихия ребенка, сколько единственная область, где мы позволяем ему проявлять инициативу в более широком диапазоне.

В игре ребенок чувствует себя до известной степени независимым. Все другое - это мимолетная милость, минутная концессия, а на игру ребенок имеет право.

Играя в лошадки, солдатиков, разбойников, пожарников, он расходует свою энергию во внешне целенаправленных движениях, на минуту отдается иллюзии или сознательно бежит серости жизни. Дети потому так ценят участие ровесников с живым воображением, разносторонней инициативой, с большим запасом сюжетов, почерпнутых из книг, потому так покорно подчиняются их порой деспотической власти, что благодаря им туманные иллюзии легче облекаются в видимость действительности. Дети смущаются присутствием взрослых и посторонних, стыдятся своих игр, отдавая себе отчет в их никчемности и случайности. Сколько в детских играх горького сознания недостатков реальной жизни, сколько болезненной тоски по другой реальности. Палка для ребенка - это не лошадка, просто он из-за отсутствия настоящего коня вынужден примириться с деревянным. А когда он на перевернутом стуле плывет по комнате, то это вовсе не есть поездка в лодке по пруду.

Когда у ребенка в расписании дня имеется купание без ограничений, лес с ягодами, рыбная ловля, птичьи гнезда на высоких деревьях, голубятня, куры, кролики, сливы из чужого сада, клумбы перед домом, игра становится лишней или в корне меняет свой характер.

Кто согласится обменять живую собаку на плюшевую? Кто отдаст жеребенка в обмен на коня-качалку?

Он обращается к игре поневоле, убегает в нее, скрываясь от злой тоски, прячется в ней от пугающей пустоты, от холодного долга. Да, ребенок предпочитает играть, нежели зубрить грамматические формулы или таблицу умножения.

Ребенок привязывается к кукле, щеглу, цветку в горшке, потому что он ничем больше не обладает, вот так же заключенный или старик привязываются к тем немногим вещам, которые у них есть, потому что у них уже ничего не осталось. Ребенок играет во что угодно, лишь бы убить время, лишь бы занять себя, потому что не знает, что делать, потому что ничего другого у него нет. Мы слышим, как девочка излагает кукле правила хорошего тона, как поучает и отчитывает ее. но мы не слышим, как, лежа в постели, она жалуется кукле на взрослых, шепотом поверяет ей свои страхи, неудачи, мечты.

- Я тебе скажу, куколка, только ты никому не говори.

- Ты песик добрый, я на тебя не сержусь, ты мне ничего плохого не сделал.

Одиночество ребенка наделяет куклу душой.

Детство - это не рай, это драма.

75. Пастух предпочитает игру в карты игре в мяч: он и без того достаточно набегался за коровами.

Маленький продавец газет и мальчик на побегушках только в начале своей служебной карьеры бегают охотно, но быстро выучиваются дозировать свои силы, раскладывая их на целый день. Ребенок, вынужденный нянчить младенца, не играет с куклой, напротив, он всячески убегает от ненужной обязанности.

Что же, значит, ребенок не любит работать? Работа ребенка бедных родителей имеет утилитарное, а не воспитательное значение, ни его силы, ни его индивидуальные черты и наклонности при этом во внимание не принимаются. Было бы смешно приводить в качестве положительного примера жизнь детей бедняков: в этой жизни тоже хватает своей скуки, зимняя скука тесной избы сменяется летней скукой двора или придорожной канавы, просто она приобретает другую форму, видоизменяется. Ни бедные родители, ни обеспеченные не в состоянии заполнить день ребенка так, чтобы череда его дней, выстраиваясь в логической взаимосвязи, от вчера через сегодня к завтра, составляла многокрасочное содержание жизни.

Многие детские игры на самом деле есть работа.

Когда они вчетвером строят шалаш, копают куском железа, стекла, гвоздем, вбивают столбики, связывают их, покрывают крышей из веток, выстилают внутри мхом, работая молча, напряженно или лениво, не всегда совершенствуя, развивая дальнейшие планы, делясь результатами наблюдений - это не игра, это работа, пусть без достаточного навыка, несовершенными орудиями, с недостаточными материалами и потому малоэффективная и невыразительная по результатам, но зато организованная так, что каждый вкладывает в нее столько, сколько может, в зависимости от возраста, силы, умения.

Если детская комната, вопреки категорическим нашим запретам и внушениям, так часто превращается в мастерскую и склад хлама, то есть строительного материала для планируемых работ, то стоит подумать: не в этом ли направлении следует направить свои поиски?

Может, для комнаты маленького ребенка нужен не линолеум, а куча желтого песка, большая вязанка деревяшек и деревянная тачка с камнями?

Может, доска, пила, картон, фунт гвоздей, молоток, токарный инструмент были бы более желанными подарками, чем игрушки, а профессионал, обучающий ремеслу, - полезнее, чем учитель гимнастики?

Но тогда из детской пришлось бы удалить больничную тишину, больничную чистоту, благопристойность, покой и ужас перед царапиной на пальце.

Умные родители с неприязненным чувством велят: "Играй!" - и с болью слышат в ответ: "Все только играй да играй". А чем же им заниматься, раз у них нет своего дела?

Многое изменилось, к играм и развлечениям сейчас не относятся со снисходительной терпимостью, они вошли в школьные программы, все громче требуют для них территории. Изменения ежечасны, за НИМИ НЕ поспевает психика среднего отца семейства и воспитателя.

76. Вопреки всему вышесказанному, есть и такие дети, которым не докучает одиночество и которые не ощущают потребности в деятельности.

Этих тихих детей, которых чужие матери ставят в пример своим детям, "не слышно в доме". Они не скучают, они сами отыскивают игру, которую по приказанию взрослых начинают, по приказанию же - послушно прерывают. Эти дети пассивные, они хотят немногого и вяло, поэтому легко подчиняются, иллюзии заслоняют для них действительность. тем более что этого добиваются сами взрослые.

В коллективе они теряются, не могут себя найти, страдают от жестокого равнодушия, не поспевают за его неровным ритмом. Вместо того чтобы понять, матери и здесь жаждут переделать, силой навязать то, что лишь неспешно и осторожно можно выработать в постоянном усилии на пути, усеянном опытом множества неудач, несостоявшихся попыток и болезненных унижений. Всякий бездумный приказ только ухудшает положение вещей. Слова "иди поиграй с детьми" наносят ему не меньший вред, чем "хватит тебе играть с ними".

А как легко узнать его в коллективе детей, если только уметь смотреть!

Вот пример: дети в саду ведут хоровод. Несколько десятков детей поют, держась за руки, а двое в центре играют главную роль.

Ну ступай же, поиграй с ними!

Она не хочет, потому что не знает этой игры, не знает детей, потому что, когда однажды попробовала принять участие в детской игре, ей сказали:

"Нас и так уже слишком много", или: "Ну и недотепа".

Может, завтра или через неделю она решится, попробует снова. Но мать не желает ждать, она освобождает для нее место, вталкивает ее в круг. Робкая девочка неохотно берет за руки соседей, мечтая об одном, чтоб ее никто не заметил. Так и будет она стоять, может, понемногу заинтересуется, может, сделает первый шаг на пути к примирению с новой для нее жизнью коллектива. Но мать совершает новую бестактность: жаждет расшевелить ее посредством более активного участия в игре.

- Девочки, почему у вас в центре все время одни и те же? Вот эта еще не была, выберите ее.

Одна из ведущих отказывается, две другие подчиняются, но без охоты.

Бедная дебютантка в недоброжелательном коллективе.

Эта сцена завершилась слезами ребенка, гневом матери, замешательством участников хоровода.

77. Хоровод в саду как практическое упражнение для воспитателя: число зафиксированных моментов.

Общее наблюдение (за всеми детьми, принимающими участие в игре), индивидуальное (за одним, произвольно выбранным ребенком).

Инициатива, начало, расцвет и распад хоровода. Кто подает идею, организует, ведет, а кто выходит из игры по решению общего собрания? Одни дети выбирают соседей, другие берут за руки двух случайно оказавшихся рядом. Одни охотно разлучаются, чтобы дать место новым участникам. Другие протестуют. Одни часто меняют место, другие все время остаются на одном и том же. Одни в паузах ждут терпеливо, другие теряют терпение, подгоняют: "Ну, начинайте же!" Одни стоят неподвижно, другие переступают с ноги на ногу, жестикулируют, громко смеются. Одни зевают, но не уходят, другие уходят - либо потому, что их не интересует игра, либо потому, что их кто-то обидел. Одни настойчиво требуют главной роли, другие довольствуются положением рядовых участников. Мать хочет подключить к игре малыша - один возражает: "Нет, он слишком маленький", - другой отвечает: "Что он тебе, мешает, пускай стоит".

Если бы игрой руководил взрослый, он ввел бы очередность, справедливое - на его взгляд - распределение ролей и, уверенный, что помогает, внес бы в игру принуждение. Двое, почти все время одни и те же, бегают (кошка и мышка), играют (волчок), выбирают (садовник), остальные, верно, скучают? Один глядит, другой слушает, третий поет шепотом, вполголоса, громко, четвертому вроде бы и хочется принять участие в игре, но он как-то все не решается, сердце от волнения, как сумасшедшее колотится. А десятилетний лидер-психолог быстро оценивает ситуацию, овладевает ею, верховодит.

В любом коллективном действии. а следовательно, и в игре. делая одно и то же, они отличаются хотя бы в самой мелкой детали.

И мы понимаем, каков он в жизни. среди людей, в действии, каков на него "спрос на рынке", что он впитывает, что может, как ценят его окружающие, какова степень его самостоятельности, его стойкость по отношению к массе. Из интимного разговора мы узнаем, чего он хочет, из наблюдения в коллективе на что способен; там узнаем, каково его отношение к людям, здесь увидим скрытые мотивы его отношения. Если мы видим ребенка только в одиночестве, мы узнаем его лишь с одной стороны.

Если дети его слушаются, то как долго он добивался, как пользуется своей властью; если же дети не слушают его, но хочет ли он этого, страдает ли, злится, стремится ли к тому активно или просто бессильно завидует, настаивает или мирится? Часто или редко спорит, капризом или тщеславием руководствуется, тактично или грубо навязывает свою волю? Избегает ли тех, кто руководит им, или же льнет к ним?

Стойте, давайте сделаем так... Подождите, так будет лучше... Я не играю... Ну ладно, говори, чего ты хочешь...

78. Что есть спокойные игры детей как не беседа, обмен мыслями, чувствами, мечтами, воплощенными в драматургическую форму сон о власти.

Играя, они высказывают свои истинные взгляды, как автор по ходу действия пьесы развивает основную мысль. Поэтому в их играх так часто можно заметить неосознанную сатиру на взрослых: когда они играют в школу, наносят визиты, принимают гостей, угощают кукол, покупают и продают, нанимают и увольняют служанок. Пассивные дети серьезно относятся к игре в школу, жаждут получить похвалу, активные берут на себя роль озорников, выходки которых частенько вызывают дружный протест взрослых: не выдают ли они тем самым свое истинное, негативное отношение к школе?

Не имея возможности выйти хотя бы в сад, ребенок тем охотнее совершает путешествие по океанам и необитаемым островам; не имея хотя бы собаки, которая бы его слушалась, командует полком; будучи ничем, мечтает стать всем. Но разве только ребенок? Разве политические партии, по мере того как приобретают влияние на общество, не заменяют воздушные замки черным хлебом реальных завоеваний?

Нам не нравятся некоторые детские игры, мечты, дерзания. Ребенок ходит на четвереньках и рычит, чтобы понять, как ведут себя звери, имитирует хромого, согбенного старика, косит, заикается, шатается, как пьяный, подражает увиденному на улице сумасшедшему, ходит с закрытыми глазами (слепой), затыкает уши (глухой), ложится навзничь и задерживает дыхание (мертвый), смотрит через очки, затягивается папирсой; втайне заводит часы, обрывает мухе крылья (как она будет без них летать); магнитом поднимает стальное перо; разглядывает уши (что там за барабаники), коленки (где там чашечки); предлагает девочке поиграть во врача в надежде увидеть, как у нее там; бежит с увеличительным стеклом, чтобы устроить пожарчик от солнца; слушает, что шумит в раковине; ударяет кремнем о камень.

Все, в чем он может убедиться, он хочет проверить, увидеть, узнать, и все равно столько всего остается, чему приходится верить на слово.

Говорят, что луна одна, а ее отовсюду видно.

- Слушай, я стану за забором, а ты стой в саду.

Закрыли калитку.

- Ну что, есть в саду луна?

- Есть.

- И тут есть.

Поменялись местами, проверили еще раз; теперь все ясно, никаких сомнений: луна не одна, их две.

79. Особое место занимают игры, цель которых заключается в пробе сил, в осознании своего значения, а этого можно достичь, лишь сравнивая себя с другими.

И вот: кто делает самые большие шаги, сколько шагов сможешь пройти с закрытыми глазами, кто дольше простоит на одной ноге, не моргнет, не рассмеется, глядя в глаза, кто может дольше не дышать? Кто громче крикнет, дальше плюнет, пустит самую высокую струю мочи, кто выше кинет камень? Кто спрыгнет с самой высокой лестницы, прыгнет выше и дальше всех, дольше выдержит боль от пожатия? Кто быстрее добежит до черты, кто кого поднимет, перетянет, опрокинет?

"Я могу. Я знаю. Я умею. У меня есть".

"Я могу лучше. Знаю больше. То, что у меня, лучше".

А потом:

"Мои мама и папа, могут, имеют".

Таким образом он обретает признание, занимает соответствующее место в своем кругу. А ведь надо помнить, что благополучие ребенка далеко не в полной мере зависит от того, как его оценивают взрослые, но в равной и даже, может, в большей степени - от мнения ровесников, у которых другие, иной раз не менее твердые принципы в определении значения членов своего сообщества и распределении прав между ними.

Пятилетний ребенок может быть допущен в общество восьмилетних, а их, в свою очередь, могут терпеть десятилетние, которые уже самостоятельно ходят по улице и у которых есть пенал с ключиком и записная книжка. Приятель, который старше на два класса, способен развеять сотни сомнений, за полпирожного или даже задаром он объяснит, просветит, откроет тайну. Магнит притягивает железо потому, что намагничен. Лучшие кони - арабские скакуны, у них тонкие ноги. У королей кровь не красная, а голубая. У льва и орла тоже наверняка голубая (об этом надо бы еще кого-нибудь спросить). Если мертвец возьмет кого-нибудь за руку, то уже не вырвешься. В лесу есть женщины, у которых вместо волос змеи, он сам видел на картинке, даже в лесу видел, но издалека, потому что если поближе подойти, то человек превратится в камень (врет, наверное?). Он видел утопленника, знает, как родятся дети, умеет из бумажки сделать кошелек.

И он не просто болтал, что умеет.

Он действительно сделал кошелек. Мама так не может.

80. Если бы мы не относились пренебрежительно к ребенку, к его чувствам, стремлениям, желаниям, а следовательно, и к играм, мы бы поняли, что он совершенно прав, когда с одним играет охотно, другого же избегает, встречается с ним по принуждению и играет неохотно.

Можно подраться и с лучшим другом, но мир быстро восстанавливается, с немилым же и без всякой ссоры водиться неохота.

- С ним нельзя играть, он ревет неизвестно отчего, чуть что - обижается, жалуется, кричит и бесится, хвастается, дерется, хочет быть главным, сплетничает, обманывает - фальшивый, нескладный, маленький, глупый, грязный, некрасивый.

Один маленький плакса и зануда может испортить всю игру. Присмотритесь, как стараются дети обезвредить его! Старшие охотно принимают в игру малыша, потому что он может на что-нибудь пригодиться, только пусть довольствуется второстепенной ролью, пусть только не мешает.

- Дай ему, уступи, пусти: он маленький...

Вот и неверно: взрослые детям никогда не уступают.

Почему он не любит ходить туда в гости? Ведь там есть дети, ему нравится с ними играть.

Играть-то ему нравится, но только у себя или в саду. А там есть пан, который кричит; там пристают с поцелуями; служанка его обидела; старшая сестра дразнится; там собака, которой он боится. Самолюбие не позволяет ему назвать истинные мотивы, а мать думает, что это каприз.

Не хочет идти в сад. Почему? Потому что ему старший мальчик пригрозил, что побьет; потому что бонна одной девочки сказала, что пожалуется на него; потому что садовник погрозил ему палкой за то, что он на газон за мячиком полез; потому что он обещал мальчику марку принести, а она куда-то задевалась.

Есть капризные дети, я их немало видел на своих приемах. Эти дети знают, чего хотят, но им этого не дают, им не хватает дыхания, они задыхаются под бременем родительской опеки. Дети вообще относятся к взрослым весьма прохладно, а предельно капризные дети свое окружение презируют и ненавидят. Неразумной любовью можно искалечить ребенка, и закон должен взять его под свою защиту.

81. Мы обрядили детей в мундир детства и верим, что они нас любят, уважают, доверяют, что они невинны, доверчивы, благодарны.

Мы с упоением играем роль бескорыстных опекунов, умиляемся при мысли о принесенных нами жертвах, и, можно сказать, до поры до времени нам с ними неплохо. Сначала они верят, потом сомневаются, пытаются отбросить подкрадывающиеся исподволь сомнения, иной раз пробуют бороться с ними, а увидев бессмысленность борьбы, начинают водить нас за нос, подкупать, обманывать.

Они подкупают нас просьбой, благодарной улыбкой, поцелуем, шуткой, послушанием, подкупают сделанными нам уступками, редко и тактично дают нам понять, что и у них есть кое-какие права, иной раз берут нас измором, а иной раз открыто спрашивают: "А что я за это буду иметь?"

Сто лиц покорных и взбунтовавшихся невольников.

- Некрасиво, нездорово, грешно. Пани в школе говорила. Ой, если бы мама знала.

- Не хочешь - можешь идти. Твоя пани не умней тебя. Ну и что ж, что мама знает, что она мне сделает?

Мы не любим, когда отчитываемый нами ребенок что-то бурчит себе поднос, потому что в гневе с уст слетают искренние слова, которые мы слышать не желаем.

У ребенка есть совесть, но ее голос молчит в мелких ежедневных стычках, зато выплывает потаенная ненависть к деспотической и, следовательно, несправедливой власти сильных и поэтому безответственных.

Если ребенок любит веселого дядюшку, то за то, что благодаря ему имеет минуту свободы, за то, что он вносит в дом жизнь, за то, что принес ему подарок. А подарок ценен тем, что удовлетворил давно лелеемую мечту. Ребенок намного меньше ценит подарки, чем мы думаем, неохотно принимает их от несимпатичных ему людей:

"Он думает, что купил меня", - кипит в его душе.

82. Взрослые не умны, они не умеют пользоваться свободой, которой располагают.

Они такие счастливые, все могут купить, что хотят, все им можно, а они всегда на что-то злятся, кричат по пустякам. Взрослые не все знают, часто отвечают, чтобы отвязаться, или шутят, или так, что понять невозможно, один говорит одно, другой - другое, и неизвестно, кто говорит правду. Сколько на небе звезд? Как по-негритянски будет тетрадь? Как засыпает человек? Живая ли вода, и откуда она знает, что сейчас ноль градусов, что из нее должен сделаться лед? Где находится ад? Как тот пан сделал, что в шляпе из часов приготовилась яичница, и часы целы, и шляпа не испортилась: это чудо?

Взрослые не добрые. Родители дают детям есть, но это они вынуждены делать, иначе мы бы умерли. Они ничего детям не разрешают, смеются, когда что-нибудь скажешь, вместо того, чтобы объяснить, нарочно дразнят, шутят. Они несправедливые, а когда их кто-нибудь обманывает, то они ему верят. Любят, чтобы к ним подлизывались. Когда они в хорошем настроении, то все можно, а когда злые, то все им мешает.

Взрослые лгут. Это вранье, что от конфеток делаются червячки, а если не заснешь, то тебя волк утащит, а если играть с огнем, то рыбы ловятся, а если бить друг друга ногами, то дьявола можно разбудить. Они не держат слова: обещают, а потом забывают, или выкручиваются, или в наказание не разрешают, да и так бы ведь не позволили.

Они велют говорить правду, а скажешь правду, обижаются. Они двуличные: в глаза говорят одно, а за глаза другое, не любят кого-нибудь, а сами притворяются, будто любят. Только и слышишь от них: "Пожалуйста, спасибо, извините, кланяюсь", можно подумать, и в самом деле добрые.

Убедительно прошу вас обратить внимание на выражение лица ребенка, когда он, весело подбежав к вам, в запальчивости скажет или сделает что-нибудь неуместное, и вдруг вы резко одергиваете его.

Отец пишет, ребенок прибегает с чрезвычайным известием и тянет его за рукав. Он не понимает, что из-за этого на важном документе появится клякса. Обруганный, он смотрит полными удивления глазами: что случилось?

Опыт нескольких неуместных вопросов, неудавшихся шуток, выданных тайн, неосторожных признаний учит ребенка относиться к взрослым, как к прирученным, но диким зверям, на которых никогда нельзя целиком положиться.

83. Кроме пренебрежения и антипатии, в отношении детей к взрослым можно заметить и некоторое отвращение.

Колючая борода, жесткое лицо, запах сигары отталкивают ребенка. После каждого поцелуя он старательно вытирает лицо, пока ему это не запретят. Большинство детей терпеть не могут, когда их берут на колени, если возьмешь его за руку - он осторожно высвобождает ее. Толстой заметил эту черту сельских детей, она свойственна всем не запуганным и не подавленным. О запахе пота, сильном аромате духов ребенок с отвращением говорит: "Воняет", - пока его не научат, что так говорить некрасиво, что духи пахнут очень хорошо, просто он в этом не разбирается...

Все эти господа и дамы с их отрывкой, ломотой в костях, давлением, горечью во рту, боязнью сквозняков и сырости, со страхом перед перееданием, с кашлем, беззубые, еле ноги волочат, толстые, красные, сопящие,- все это так противно.

А эти их ласки, объятия, поцелуи, похлопывания по плечу, эта фамильярность, снисходительность, бессмысленные вопросы, смех неизвестно отчего.

- На кого похожа? Ого, какой большой стал. Поглядите только, как он растет! - Ребенок, смущенный, ждет, когда это кончится.

Им ничего не стоит сказать при всех: "Эй, штаны потеряешь", или:

"Ночью рыбу будешь ловить". Они неприличны...

Ребенок чувствует себя более чистым, лучше воспитанным, более достойным уважения. Иногда он это и сам говорит.

- Он боится есть, боится сырости. Трус. Я вот совсем ничего не боюсь. Раз они боятся, пускай сами и сидят на печи, нам-то почему они все запрещают?

Дождь: он выбежит из укрытия, постоит под ливнем, со смехом убежит, приглаживая волосы. Мороз: он согнет руки в локтях, сгорбится, ссутулит плечи, задержит дыхание, напряжет мускулы, пальцы коченеют, губы синие, поглазеет на похороны, на уличную драку и бежит погреться: брр, замерз, весело.

Бедняги эти старики, которым все мешает.

И едва ли не единственное доброе чувство, которое ребенок постоянно к нам питает, это жалость.

Наверное, что-то им мешает, раз они несчастливы.

Бедный папа много работает, мама часто больна, они скоро умрут, бедняжки, не стоит их огорчать.

84. Оговорка.

У ребенка, кроме перечисленных выше чувств, которые он несомненно испытывает, кроме собственных размышлений, имеется и сознание долга, он не может полностью избавиться от внушенных ему взглядов и чувств. Все они переживают конфликт раздвоения личности: активные - сильнее и раньше, пассивные - позже и не так явно. Активный дойдет до всего сам, пассивному "откроет глаза" товарищ по заключению. Душа ребенка так же сложна, как и наша, полна аналогичных противоречий, находится в трагическом борении с извечным: хочу, но не могу, знаю, что надо, но не могу.

Воспитатель, который не вдалбливает, а освобождает, не тянет, а поднимает, не угнетает, а способствует формированию личности, не диктует, а учит, не требует, а спрашивает, вместе с ребенком переживает множество вдохновенных минут. Ему не раз придется затуманенными от слез глазами смотреть на борьбу ангела с дьяволом, где белый ангел одерживает победу.

Солгал. Потихоньку слизал варенье с торта. Задрал девочке подол. Бросал камнями в лягушку. Смеялся над горбуном. Сломал статуэтку и сложил, чтобы видно не было. Курил. Был злым и мысленно проклинал отца.

Он поступил дурно и чувствует, что это не в последний раз, что его снова что-нибудь будет искушать, что его снова подговорят.

Случается, что ребенок вдруг становится тихим, послушным и чувствительным. Взрослые уже знают: "Наверное, у него что-то на совести". Часто этой странной перемене предшествует буря чувств, слезы, пролитые в подушку, твердые решения, принятые про себя, торжественная клятва. Бывает, что мы готовы простить, если получим заверение - нет, не гарантию, но иллюзию, - что шалость не повторится.

- Я не стану другим. Я не могу обещать.

Эти слова диктует не упрямство, а честность.

- Я понимаю, что вы говорите, но не чувствую, - сказал мне двенадцатилетний мальчик.

Эту честность, достойную уважения, мы встречаем и у детей с дурными наклонностями.

- Я знаю, что воровать нельзя, что это стыдно и грешно. Я не хочу воровать. Я не знаю, не украду ли я снова. Я не виноват.

Какие горькие минуты переживает воспитатель, видя отражение собственного бессилия в беспомощности ребенка.

85. Мы поддаемся обману, что ребенок может долго довольствоваться ангельским мироощущением, где все просто и ясно, что мы сумеем скрыть от него невежество, бессилие, противоречия, наши поражения и горечи - и то, что у нас нет формулы счастья.

Как наивен рецепт самоучек от педагогики, что детей следует воспитывать последовательно; что отец не должен критиковать действия матери; что взрослые не должны ссориться при детях; что служанка не должна лгать, будто "господ нет дома", когда звонит нежеланный гость.

А почему нельзя мучить зверей, если мухи в страшных мучениях сотнями гибнут на липучке? Почему мама покупает красивое платье, а сказать при чужих, что платье красивое, нехорошо? Разве кот обязательно хитрый? Молния сверкнула: няня перекрестилась и говорит, что это Бог. а пани – что электричество? За что надо уважать взрослых? И бандита тоже? Я слышал, как дядя сказал: "У меня кишка кишке кукиш показывает", - а так говорить нельзя. Почему "пся кревь" - это ругательство? Кухарки верят в сны, а мама нет. Почему говорят: здоров, как бык, ведь и быки болеют? Собака тоже достает воду из колодца? Почему некрасиво спрашивать, сколько стоит подарок? Как объяснить все это маленькому ребенку и не усугубить его недоумения, не укоренить его непонимания?

Ох, уж эти наши ответы...

Так случилось, что дважды я был свидетелем, как ребенку перед книжной витриной объясняли, что такое глобус.

- Что это, мячик? - спрашивает ребенок.

Мячик, да, мячик, - отвечает няня.

В другой раз:

- Мама, что это за мячик?

- Это не мячик, а земной шар. На нем дома, лошадки, мамочка.

Мамочка? - Ребенок поглядел на мать с состраданием и ужасом и вопроса не повторил.

86. Мы видим детей в бурных проявлениях радости и горя, когда они отличаются от нас, и не замечаем спокойных настроений, тихих раздумий, глубоких впечатлений, болезненных удивлений. мучительных подозрений и унижительных сомнений, в которых они схожи с нами.

"Настоящим" бывает не только ребенок, скачущий на одной ножке, но и ребенок, разрешающий тайны удивительной сказки жизни. Надо только исключить действительно "искусственных" детей, которые бессмысленно повторяют фразы, заученные либо подхваченные у взрослых. Ребенок не умеет думать, как взрослый, но он может по-детски задуматься над серьезными проблемами взрослых. Ошибаться его заставляет недостаток знаний и опыта.

Я рассказываю сказку: волшебники, драконы, колдуньи, заколдованная принцесса, вдруг раздается наивный, на первый взгляд, вопрос:

- А это правда?

И я слышу, как кто-то снисходительно объясняет:

- Да ведь пан учитель говорил, что это сказка.

Ни герои, ни действие неправдоподобными не бывают; так могло быть, но так не было, потому что мы знаем заранее: сказки - это не правда.

Речь, которая должна была распутать угрозы и странности окружающего мира, напротив, углубила и расширила неведение. Раньше маленькая текущая жизнь личных потребностей требовала определенного количества твердых ответов, теперь же новая большая жизнь снова утопила их во всех проблемах разом, вчерашних и завтрашних, близких и далеких. Нет времени ни разгадывать, ни даже просто рассматривать все. Теоретическое знание отрывается от будничной жизни, воспарив куда-то ввысь, где его невозможно проверить.

На этой стадии активный и пассивный темпераменты превращаются в разные типы мышления: реалистический и рефлексивный.

Реалистический верит или не верит, в зависимости от воли авторитета, удобней, выгодней верить; рефлексивный расспрашивает, делает выводы, возражает, бунтует мыслью и делом. Неосознанный бунт первого мы противопоставляем жажде познания второго; это ошибка, она затрудняет диагноз и делает негодной воспитательную терапию.

В психиатрических клиниках стенограф записывает монологи и разговоры пациентов, то же самое будет когда-нибудь в педологических лабораториях. Сегодня же мы располагаем лишь материалом детских вопросов.

87. Жизнь - сказка. Сказка о мире животных.

В море есть рыбы, которые глотают людей. Они больше корабля? А когда рыба глотает человека, то он задыхается? А что случится, если она съест святого? Что она ест, когда ни один корабль не разбивается? А можно поймать такую рыбу? А как живут в море обыкновенные рыбы? Почему их не выловят? Можно ли из большой рыбы сделать лодку? Эти рыбы доисторические?

У пчел есть королева, а почему у них нет короля, он, наверное, умер? Раз птицы знают, как лететь в Африку, значит, они умнее людей: они ведь не учились в школе. Почему сороконожка, у нее же не сорок ног, сколько их на самом деле? Все ли лисы хитрые, неужели они не исправятся, почему они такие? Если бить и мучить собаку, неужели она будет верна и такому хозяину? А почему нельзя смотреть, как собака вскакивает на другую собаку? Были ли чучела живыми зверями, можно ли сделать чучело из человека? Очень ли неудобно улитке? Если ее вытащить, она умрет? почему она такая мокрая? Она рыба? А она понимает, когда говоришь: "Улитка, выставь рожки"? Почему у рыб холодная кровь? Почему змее не больно, когда она меняет кожу? О чем разговаривают муравьи? Почему человек умирает, а зверидохнут? Помрет ли паук, если ему порвать паутину? Откуда он берет нитку, чтобы сделать новую паутину? Как из яйца рождается курица, может, яйцо надо в землю закопать? Если страус ест камни и железо, то чем он делает по-большому? Откуда верблюд знает, на сколько дней он должен запастись водой? Неужели попугай ни капельки не понимает того, что говорит? Он умнее собаки? Почему собаке

нельзя подрезать язык, чтобы она тоже разговаривала? Робинзон первый научил попугая говорить, это трудно, как это делается?

Цветная сказка о растениях. Дерево живет, дышит. умирает. Из маленького желудя вырастает дуб.

Из цветка получается груша, как это увидеть? А рубашки растут на деревьях? Так говорила учительница в школе (божится), правда ли это? Отец ответил: "Не болтай глупости", мама - что растут не на деревьях, потому что лен растет в поле, а учительша сказала, что на арифметике об этом говорить нельзя, она расскажет об этом позже. Значит, это правда, хоть бы одно такое дерево увидеть!

Какое место среди всех чудес и чудищ занимает дракон? Его, правда, нет, но ведь он мог бы быть. Как Крак убил дракона, если его не было? Если никогда не было сирен, то зачем их рисуют?

88. Сказка о народах.

Негр черный, хоть бы мылся целыми днями. А язык у него не черный. Зубы тоже нет. Он же не черт: ни рогов, ни хвоста у него нет. Дети у него тоже черные. Они ужасные дикари: едят людей. В бога они не верят, только верят в жаб. Раньше все в деревья верили, глупыми были, греки тоже верили во всякую ерунду, но они были умными, почему же тогда они верили? Негры ходят по улице голыми и им нисколько не стыдно. В нос они всовывают ракушки, думают, что это красиво. Почему им никто не скажет, чтобы они этою не делали? Им везет: они едят финики, инжир и бананы, у них обезьяны есть, и учиться им совсем не надо: маленький мальчик сразу идет на охоту.

Китайцы носят косу, они очень смешные. Французы очень умный народ, но едят лягушек и говорят: бонжур. Хоть и умные, а так смешно разговаривают: "бон-пон-фон-бздон". А немцы говорят: "дердидас, капуста и квас". Евреи всего боятся, кричат: "ай-вай, мир" и обманывают. Еврей дня прожить не может, чтоб не обмануть, они и господа убили. В Америке тоже есть поляки, что они там делают, зачем туда уехали, им там хорошо? Цыгане крадут детей, калечат их и велят просить милостыню или в цирк отдают. Вот, наверное, в цирке здорово выступать, хотя там и выкручивают руки. А если разочек выкрутить руку, то что - всегда можно всякие штуки выкозюлировать? Гномы есть на самом деле? почему их нет? если их нет, то откуда все знают, как они выглядят? По улице шел маленький человечек, все на него оглядывались. Правда, что лилипуты никогда не растут, это они в наказание такие маленькие? Финикийцы были волшебниками? как они из песка могли сделать стекло? Это трудно? Ходят ли горцы и по горам, из которых бьет огонь? А моряки - это народ? Они могут жить в воде? кем труднее быть - моряком или водолазом? кто из них главней?

Иногда вопрос выражает тревогу:

- Если я весь, с ног до головы, вымажусь чернилами, негры меня признают?

Ребенок с трудом мирится с информацией, которая не может иметь практического применения. Ему хочется тоже сделать так или попробовать. Хотя бы увидеть вблизи.

89. Сказка о человеке.

Бывают люди, у которых глаза стеклянные. Можно ли эти глаза вынимать, можно ли этими глазами видеть? Зачем парики и почему все смеются над лысыми? Есть ли люди, которые умеют говорить животом? Это они пупком говорят? Зачем нужен пупок?

Настоящие ли барабанчики в ушах? Почему и слезы и море соленые? Почему у девочек длинные волосы и там тоже все по-другому? На сердце растут грибы? А почему тогда на первое апреля бывают картинки с грибами на сердце? Умирать обязательно? Где я был, когда меня не было на свете? Служанка говорит, что нельзя так смотреть, что от этого можно заболеть, а если три раза плюнуть, то не заболеешь. Что делается в носу, когда чихаешь? Сумасшедший - это больной? а пьяный тоже больной? кто хуже: пьяный или сумасшедший? Почему мне сейчас нельзя знать, как родятся дети? Отчего ветер: оттого, что кто-то повесился? Что лучше - быть слепым или глухим? Почему дети умирают, а старики живут? Когда нужно больше плакать: когда умрет братик или бабушка? Почему канарейка не может попасть в рай? Мачеха обязательно должна бить детей? Грудное молоко тоже от коровы? Когда что-то снится, то это на самом деле или только кажется? Почему у некоторых волосы рыжие? Почему без мужа нельзя иметь ребенка? Что лучше - съесть поганку или чтоб змея укусила? Правда ли, что если постоять на дожде, то быстрее вырастешь? Что такое эхо, почему оно живет в лесу? Почему, если сложить ладонь подозрной трубой, можно увидеть целый дом? Как он там умещается? Что такое тень, почему от нее нельзя

убежать? Правда ли, что если девочку поцелует усатый, у нее усы вырастут? Правда, что на зубах червяки, только их нельзя увидеть?

90. Сказка об авторитетах.

У ребенка множество богов, божков и героев.

Авторитеты делятся на видимые и невидимые, живые и мертвые. Их иерархия невероятно сложна. Мать, отец, бабушка, дед, тетя, дядя, домашняя прислуга, полицейский, солдат, король, доктор, просто старшие, ксендз, учитель, более осведомленные соученики.

Авторитеты зримые, но неживые: крест, свиток Торы, молитвенник, иконы, портреты предков, памятники великих людей, фотографии неизвестных.

Авторитеты невидимые: бог, здоровье, душа, совесть, умершие, волшебники, черти, ангелы, духи, волки, родственники, живущие далеко, о которых в доме часто говорят.

Авторитеты требуют послушания, это ребенок понимает, с болью понимает. Они требуют любви - с этим примириться много труднее.

- Я больше люблю папу и маму.

Малыши кокетничают невнятным ответом на нелепый вопрос. Дети постарше этого вопроса терпеть не могут: он их смущает и унижает. Ребенок иногда любит сильно, иногда слабее, иногда постольку, ровно столько, сколько необходимо, иногда ненавидит - это ужасно, что же делать, коли ненавидит.

Уважение - чувство настолько сложное, что ребенок боится самостоятельно принимать решения, сдается на милость старших.

Мать распоряжается служанкой, та боится матери. Мать сердилась на бонну. Но мать должна спросить разрешения у доктора. И полицейский может ее наказать. А вот товарищ по классу не обязан ее слушаться. На папу сердился начальник, и у папы плохое настроение.

Солдат боится офицера, офицер генерала, генерал - короля. Тут все понятно. Может, поэтому мальчиков так интересуют военные, может, поэтому дети так точно дозируют уважение к товарищам в зависимости от того, в каком классе те учатся, - тут тоже все легко понять.

В высшей степени достойны уважения посредники между авторитетами зримыми и невидимыми. Ксендз советуется с богом, у доктора какие-то свои связи со здоровьем, у солдата - свои отношения с королем, а служанка много чего знает о чарах, духах и о страшном.

Случается, впрочем, что более всех достойным уважения оказывается пастух, вырезающий ножиком фигурку: этого не умеют ни мама, ни генерал, ни доктор.

91. Почему от неспелых фруктов болит живот?

Где здоровье - в животе или в голове? Здоровье - это душа? Почему собака может жить без души, а человек нет? А доктор может заболеть и умереть, как это? Почему все великие люди умерли? Правда, что есть такие, которые пишут книги и живы? Королевы всегда умирают: они не жильцы на свете. У королев есть крылья? Ксендз видел бога? Может ли орел долететь до самого неба? Бог молится? Что делают ангелы - спят, едят, играют в футбол? кто шьет им платья? Черту очень больно? Поганки отравили черти? Если бог не любит убийц, почему же он велит за них молиться? Моисей очень испугался, когда увидел бога? Почему папа не молится, ему бог разрешил? Гром - это чудо? Воздух - тоже бог? Почему нельзя увидеть воздух? Сразу ли он входит в пустую бутылку или постепенно? откуда он знает, что там уже нет воды? Почему бедняки ругаются, если бы они не ругались, им бы лучше жилось? Если это не чудо, то почему никто не может сделать дождь? Из чего сделаны тучи? Тетя, которая далеко-далеко, она что - в гробу?

Как наивна надежда родителей (только не называйте их передовыми) что, сказав детям - бога нет, они облегчают им понимание окружающего мира: нет бога, а что же есть? кто все сделал и сделает то, что будет, когда я умру? Откуда взялся первый человек? Правда ли, что если не молиться, то живешь, как

скотина? Папа говорит, что ангелов нет, а я сама ангела видела. Если это не грех, то почему нельзя убивать? Ведь и курице больно, когда ее режут.

Те же сомнения и тревожные вопросы.

92. Грустная сказка, тайна бедности.

Почему голоден, почему беден, почему ему холодно, почему не купит того, что надо, почему у него нет денег, почему ему не дадут "за так"?

Ты говоришь:

Бедные дети грязные, говорят нехорошие слова, на голове у них червяки. Бедные дети болеют, от них можно заразиться. Они дерутся, швыряются камнями, выбивают друг другу глаза. Во двор ходить нельзя, на кухню - тоже: там нет ничего интересного.

А жизнь возражает:

"И вовсе они не болеют, целыми днями носятся, где хотят, пьют воду из колодца, покупают вкусные конфеты в разноцветных фантиках. Мальчик делает себе метлу, метет двор, убирает снег - это ужасно приятно. Никаких червяков у них нет, это неправда, камнями они не швыряются, глаза у них на месте, они не дерутся, а борются. Нехорошие слова смешные, а в кухне в сто раз интересней, чем в комнате".

Ты говоришь ребенку:

- Бедных нужно любить и уважать, они добрые, тяжело работают. Поблагодари кухарку - она готовит нам обед, сторожа - он следит за порядком. Поиграй с его ребятишками.

А жизнь возражает:

"Кухарка зарезала курицу, завтра будем ее есть, мама тоже будет, потому что вареной курице не больно, а кухарка убила живую, мама на это даже смотреть не могла. Сторож утопил щенят, а они были такие хорошенькие. У кухарки шершавые руки, она вечно возится в грязной воде. От мужика воняет. От еврея тоже. Торговку не называют пани, просто говорят - торговка, и сторожа называют не пан, а просто - сторож. Дети бедняков грязные, когда им что-то показываешь, они начинают просить: "Дай", если не дашь, то срывают шапку, смеются, а один даже плюнул, прямо в лицо плюнул..."

Ребенок еще не слышал о злых волшебниках, но уже с опаской приближается к нищему, чтоб дать грошик.

Ребенок знает, что и тут ему всего не говорят, что и в этом кроется что-то грязное, чего ему не хотят или не могут объяснить.

93. Странности светской жизни и правил хорошего тона.

Некрасиво класть палец в рот, ковырять в носу, шмыгать носом. Некрасиво просить, говорить: "Не хочу", отстраняться, когда тебя целуют, говорить: "Это неправда". Некрасиво громко зевать, говорить: "Мне скучно". Некрасиво подпирать голову рукой, первым подавать руку взрослому. Некрасиво болтать ногами, держать руки в карманах, оглядываться на улице. Некрасиво громко делать замечания. Некрасиво показывать пальцем.

Почему?

Эти запреты и заповеди - из разных источников, ребенок не в состоянии уловить их сути и связи.

Некрасиво бегать в одной рубашке и некрасиво плевать.

Почему некрасиво отвечать на вопросы взрослых сидя? Надо ли кланяться отцу, если встречаешь его на улице? Что делать, если кто-то говорит неправду, например, дядя говорит:

"Ты девчонка", зная, что он мальчик, или: "Ты моя невеста", или: "Я тебя у мамы купил", - это ведь ложь?!

- Почему с девочками надо быть вежливым? - спросил меня ученик во время диктанта.

- Это имеет историческое объяснение, - ответил я.

Почему ты написал "вернулся" через "и"? - спросил я его несколькими минутами позже.

- Это имеет историческое объяснение, - ответил он со злорадной ухмылкой.

На тот же вопрос одна мать ответила:

- Понимаешь, девочка будет рожать детей, ей будет больно и т. д.

Вскоре между братом и сестрой вновь вспыхнула ссора.

- Что мне, мамочка, до того, что она будет рожать детей! Мне главное, чтоб она не была плаксой.

Наименее удачным представляется мне объяснение, которое встречается чаще всего:

- Над тобой будут смеяться. Это удобно и эффективно, ребенок боится быть смешным.

Но над ним будут смеяться и за то, что он слушается маму, и за то, что поверяет ей свои тайны, и за то, что в будущем не захочет играть в карты, пить водку, идти в публичный дом.

Да и родители, пугая ребенка тем, что он покажется смешным, совершают непоправимую ошибку. Самая вредная ошибка - скрывать недостатки ребенка и пробелы в его воспитании:

ребенок до поры до времени при гостях за приличное вознаграждение являет пример хорошего воспитания, а потом мстит за это.

94. Родная речь - это не подобранные и приспособленные для ребенка запреты и нравоучения, а воздух, которым дышит его душа наравне с душой всего народа.

Правда и сомнение, вера и обычай, любовь и ненависть, легкомыслие и серьезность, достоинство и раболепие, богатство и бедность, столетия упорного труда и мрачные годы рабства, все, что сотворил во вдохновении поэт и вырыгал в пьяном бреду сброд.

Кто размышлял над этим, кто писал об этом, кто исследовал, как уничтожать в этой стихии вредные бактерии и насыщать ее озоном? Кто знает, может, тогда выяснилось бы, что не простонародное "срать", а салонное "женщина - пальчики оближешь" содержит в себе зародыши разложения?

"Да будет благословен. Бог покарал. Нечистый попутал. Как в раю. На седьмом небе. В доме - сущий ад. Скатертью дорожка. Как у бога за пазухой. Бог подаст. Святоша. Бубнит как пономарь. Без гроша за душой. Душа в пятки ушла. Продал душу дьяволу. Греховодник. Седина в бороду - бес в ребро.

На здоровье. Твое здоровье. Понедельник - день тяжелый. Икаю - значит, кто-то обо мне вспоминает. Нож упал - гость торопится. Суп пересолен - кухарка влюбилась. Одной ногой в могиле.

Китайские церемонии. Цыганская свадьба. Барская милость. Нахальная рожа. Сиротская доля.

Старый зануда, старый идиот. Сопляк, дурак, щенок, желторотый, молоко на губах не обсохло.

Не слепой, а незрячий. Не старый, а пожилой. Не калека, а инвалид.

Собачья погода. Дошел до ручки. Ссучился. Сука. Взбесился со злости.

Орет как угорелый. Волчий аппетит. Я ему покажу, где раки зимуют.

Без царя в голове. В голове ветер. Пускать пыль в глаза. Шариков не хватает. Лопнуть со смеху. Дешево отделаться. Знать, как свои пять пальцев. Она еще себя покажет. Жизнь мне отравила.

Что это такое? Откуда это взялось? Кому это нужно?

Пробка это существительное, пробка это подлежащее.

А почему: глуп как пробка? Пан, который выдумал грамматику, был умный?

95. Дети не любят этих непонятных выражении. хоть норой и пытаются поразить ими окружающих.

Они усваивают язык взрослых избирательно, явно сопротивляясь некоторым общеупотребительным оборотам.

"Послушай, дай мне это. Слушай, одолжи мне. Эй, покажи-ка".

"Эй, слушай" - аналоги нашего "пожалуйста". Просить - для ребенка значит "просить милостыню" (нищий просит). Ребенку не по душе этот унижительный оборот.

"Думаешь, я просить буду? Не проси его. Вот еще, просить я его буду!"

"Погоди, ты у меня еще попросишь!"

Мне запомнилось одно на удивление обаятельное выражение:

- Вот, оказывается, ты какой, а я еще тебя просил...

Даже обращаясь к взрослым, ребенок предпочитает форму "пусть мама, пусть пан" и только по принуждению "просит".

Словом "понимаешь" ребенок заменяет не менее неприятное "прости".

Понимаешь, я нечаянно. Понимаешь, я не хотел. Понимаешь, я не знал.

А разнообразие оборотов уговаривания и предупреждения, чтобы избежать внезапных сцен:

"Перестань, отстань, не начинай, проходи, ступай своей дорогой. Прекрати же. Отойди же. Говорю тебе, перестань. Прошу тебя перестать (это не просьба, а приказ). Ты отстанешь когда-нибудь? Слушай, ты перестанешь наконец?"

Угроза:

- Получить хочешь? Нарываешься? Вот увидишь, пожалеешь еще. Ты у меня поплачешь.

Пренебрежительное удвоение выражения:

- Ладно, ладно.. Да знаю, знаю... Погоди, погоди...

Мы заставляем ребенка бояться.

"Очень мне надо бояться... Не воображай, что я боюсь. Вот еще, испугался я его очень".

Любая собственность ребенка сомнительна: ему нельзя отдать ее, не спросив разрешения, нельзя уничтожить, он обладает только правом пользования.

- Твоя парта, твой стол?

- А вот мой (или: твой, что ли?).

- Я первый сюда сел.

"Первый" занял место, начал играть, начал копать. Взрослые, охраняя собственный покой, очень поверхностно разрешают споры детей.

Он ко мне пристал. Он первый начал. Я себе стою, а он...

Интересна форма отрицательная:

А я как не стукну его... А я как не начну убегать... А мы как не начнем смеяться.

Содержание рассказа - озорство, и может, "не" эхо запретов?

Помни, ты обещал. Дал слово. Нарушил слово.

Кто не сдержит обещания, тот свинья. Взрослые должны помнить об этом.

Богатейший материал для изучения.

96.

Ребенок, не окончательно отлученный от низов, любит кухню, и любит не потому, что там есть чернослив и изюм, а потому, что там всегда что-то делается, когда в комнатах не делается ничего, любит кухню, потому что там интереснее сказки, - ведь, кроме сказки, он услышит там еще и повесть из настоящей жизни, да и сам что-нибудь расскажет, и его с интересом выслушают, потому что в кухне он человек, а не болонка на атласной подушечке.

- Сказку тебе? Ладно. Так что же я тебе хотела рассказать? Ну, значит, вот как дело было... Сейчас. Дай только вспомнить, с чего все началось.

Прежде чем завяжется сказка, у ребенка есть время устроиться поудобнее, поправить одежду, откашляться, приготовиться к долгому слушанию.

Вот, значит, идет она по лесу. А там темным-темно, ничего не видать: ни деревьев, ни зверей, ни камней. Темень, хоть глаз выколи. И уж так она боится, так боится. Перекрестилась раз, страх немного поутих, перекрестилась другой и пошла себе дальше.

Я пробовал так рассказывать - это нелегко. У нас нет терпения, мы торопимся, мы не уважаем ни сказки, ни слушателя. Ребенок не поспевает за темпом нашего рассказа.

Может, умей мы так рассказать о полотне, которое делается из льна, ребенок не думал бы, что рубашки растут на деревьях, а земля засеивается золой...

Рассказ о случае из жизни:

Встаю я утром, а у меня все в глазах двоится. Смотрю на камин - два камина, на стол - два стола. Знаю же, что один, а вижу два. Тру глаза - не помогает. А в голове что-то стучит.

Ребенок ждет разгадки, и когда наконец произносится незнакомое слово "тиф", он уже подготовлен к восприятию неизвестного ему выражения.

- Доктор говорит: тиф... Пауза. Рассказчик отдыхает, отдыхает и слушатель.

- Ну вот, значит, как заболел я этим тифом...

И рассказ течет дальше.

Простая история о том, как в деревне жил крестьянин, который никаких собак не боялся, как он побился об заклад, и пса, злющего, как волк, взял на руки и понес, будто телка, превращается в эпос. А как на свадьбе один бабой переоделся и его никто не узнал... А как крестьянин украденного коня искал...

Может, будь мы более чуткими, на эстраде появился бы сказочник в сермяге, научил бы нас, как говорить с детьми, чтобы они слушали. Да, нам нужно быть чуткими, но мы предпочитаем запреты.

97. Это правда?

Надо понять сущность этого вопроса, который мы терпеть не можем, считая его лишним.

Если мама или учительница сказала, значит, это правда.

Ребенок ведь уже убедился, что каждый человек обладает лишь частичкой знания, и, например, кучер знает о лошадях больше, чем даже отец. Потом, не всякий, кто знает, скажет. Иногда им не хочется, иногда они адаптируют правду до детского уровня, часто скрывают ее либо сознательно фальсифицируют.

Кроме знания, существует еще вера: один верит, другой нет, бабушка верит снам, мама - нет.

Кто прав?

Наконец, существует ложь в форме шутки и ложь, чтобы похвалиться.

- Правда, что земля - шар?

Все говорят, что правда. Но стоит кому-то одному сказать, что неправда, останется тень сомнения.

- Вы были в Италии, правда, что Италия похожа на сапог?

Ребенок хочет знать, видел ли ты это сам или знаешь от других, откуда знаешь. Хочет, чтобы ответы были короткими и уверенными, понятными, правдивыми, серьезными и честными.

- Как термометр мерит температуру?

Один говорит: ртуть, другой: живое серебро (почему живое?), третий, что тела расширяются (а разве термометр-тело?), а четвертый: подрастешь - узнаешь. Сказка об аисте оскорбляет и злит детей, как всякий шутливый ответ на серьезный вопрос, типа "откуда берутся дети?" или "почему собака лает на кота?".

- Не хотите говорить, не надо, не облегчайте мне работу, но зачем вы мешаете мне, почему смеетесь над тем, что я хочу знать?

Ребенок, мстя товарищу, говорит:

- Я знаю, но раз ты такой, не скажу.

В наказание не скажет. Но взрослые-то за что его наказывают?

Приведу еще несколько детских вопросов:

- Этого никто на свете не знает? Этого нельзя знать?

- Кто это сказал? Все или только один? Так всегда бывает? Так должно быть?

98. Можно ли?

Не разрешают, потому что грех, потому что вредно, потому что некрасиво, потому что слишком мал, потому что не разрешают, и точка.

И тут есть сомнительные и путанные проблемы. Иной раз что-то оказывается вредным только потому, что мама в дурном настроении. В другой раз – разрешают и маленькому, потому что отец в хорошем настроении либо пришли гости.

- Почему они запрещают, что им, это мешает, что ли?

Счастье, что рекомендуемая теорией последовательность на практике невыполнима. Потому что не хотите же вы ввести ребенка в жизнь с убеждением, что все справедливо, разумно, правильно, обоснованно и неизменно? В теории воспитания мы часто забываем о том, что должны учить ребенка не только ценить правду, но и распознавать ложь, не только любить, но и ненавидеть, не только уважать, но и презирать, не только соглашаться, но и возражать, не только слушаться, но и бунтовать.

Мы часто встречаем взрослых людей, которые обижаются, когда надо бы не обратить внимания, презирают, когда надо бы посочувствовать. Потому что в области негативных чувств мы самоучки, потому что, обучая нас азбуке жизни, нам преподают только несколько букв, а остальные скрыты от нас. Что же удивительного, если мы читаем книгу жизни с ошибками? Ребенок чувствует рабство, страдает из-за цепей, рвется к свободе, но не обретает ее, потому что путы, меняя форму, не меняются по существу - запрет и принуждение остаются. Мы не в силах изменить нашей взрослой жизни, потому что воспитаны в неволе, мы не можем дать ребенку свободу, пока сами живем в оковах.

Если бы я исключил из воспитания все то, что прежде времени сковывает моего ребенка, это вызвало бы суровое неодобрение и его ровесников, и взрослых. Разве необходимость прокладывать новые пути, тяготы движения против течения не были бы трудом еще более тяжким? Как горько расплачиваются в школах-интернатах недавние вольные жители сельских дворов за несколько лет относительной свободы в поле, конюшне, людской...

Я писал эту книгу в полевом лазарете, под грохот пушек во время войны.

Одной программы снисходительности не доставало.

99. Почему девочка в нейтральном возрасте уже столь сильно отличается от мальчика?

Потому что, помимо общей детской обездоленности, она подвержена дополнительным ограничениям, как женщина. Мальчик, лишенный прав из-за того, что он ребенок, обеими руками захватил привилегии пола и не желает делиться с ровесницей.

- Мне можно, я могу, я ведь мальчик.

Девочка - белая ворона в их среде. Один из десяти непременно спросит:

- Почему она с нами?

Стоит возникнуть ссоре, которую мальчики честно разрешают между собой, щадя самолюбие другого, не грозя ему изгнанием, как для девочки мгновенно готов суровый приговор:

- Не нравится - катись к девчонкам.

Девочка, предпочитающая играть с мальчиками, на подозрении и в собственной среде:

- Не хочешь - отправляйся к своим мальчишкам.

Изгнанница отвечает на презрение презрением - защитная реакция задетой гордости.

Редкая девочка не падет духом, сумеет пренебречь мнением окружающих, стать выше толпы.

Во что вылилась враждебность большинства детей к девочке, которая предпочитает играть с мальчиками? Наверное, я не ошибусь, утверждая, что эта враждебность создала суровый, жесткий закон:

- Позор девочке, если мальчик увидит ее трусики.

Этого закона в той форме, какую принял он среди детей, не могли выдумать взрослые.

Девочка не может нормально бегать, потому что если она упадет, то прежде чем она успеет оправить платице, уже слышится злобное:

- Трусики, трусики!

- Врешь! - Или вызывающе: - Ну и пусть! - отвечает она, покраснев, смущенная, униженная, страдающая. Если она вдруг полезет в драку - тот же окрик одернет, оскорбит и парализует ее. И постепенно девочки становятся не такими ловкими, как мальчики, а значит, они меньше достойны уважения. Они не дерутся, зато обижаются, ругаются, ябедничают и ревут. А тут еще взрослые требуют уважения к девчонкам. С какой радостью дети говорят о ком-нибудь из взрослых:

- Он мне никто. Его мне слушаться не надо.

А девчонке он должен уступать - с какой стати?

Пока мы не освободим девочек от тисков "это неприлично", истоки которого в особенностях их одежды, не стоит стараться, чтобы они стали друзьями мальчиков. Мы решили эту проблему на свой лад: отрастили мальчикам длинные волосы, опутали их такой же густой сетью правил хорошего тона и пускай теперь играют вместе. Вместо того, чтобы растить мужественных дочерей, мы удвоили число женоподобных сыновей.

Короткие платья; купальные, спортивные костюмы: новые танцы – смелые попытки решения проблемы на новых основах. Сколько в предложениях моды скрывается размышлений? Надеюсь, что это не легкомыслие.

Не стоит обижаться и критиковать: в обсуждении так называемых щекотливых тем мы, верные предрассудку, храним осторожность.

Я не хотел бы возобновлять попытку обсуждения всех этапов развития всех детей в короткой брошюре.

100.

Ребенок, который вначале радостно плывет по поверхности жизни, не видя ее мрачной глубины, предательских течений, тайных чудищ, скрытых враждебных сил, доверчиво, восхищенно улыбаясь многоцветным чудесам, внезапно пробуждается от голубого полусна и, с остановившимся взглядом, затаив дыхание, дрожащими губами испуганно шепчет:

- Что это? почему? зачем? Пьяный качается, слепой палкой нащупывает дорогу, эпилептик падает на тротуар, преступника ведут в тюрьму, лошадь сдохла, петуха зарезали.

- Почему? Зачем все это? Отец бранится, а мама все плачет, плачет. Дядя целует горничную, она ему грозит пальцем, они смеются, смотрят в глаза друг другу. Вздволнованно говорят о ком-то, кто родился под недоброй звездой, и ему за это ноги поломать надо.

- Что это, почему?

Он и спрашивать-то не смеет. Он чувствует себя маленьким, одиноким и беспомощным перед лицом таинственных сил.

Он, бывший прежде владыкой, желание которого было законом, вооруженный своими слезами и улыбкой, обладающий мамой, папой, няней, вдруг понял, что это не они для него, а он - для них, что они завели его для собственного развлечения. Чуткий, как умный пес, как плененный царевич, он всматривается в мир вокруг себя, вглядывается в мир вокруг себя, вглядывается в себя.

Они что-то знают, они что-то скрывают. Они не то, чем себя называют, и они требуют, чтобы и он не был тем, чем есть на самом деле. Они ратуют за правду - а сами врут и заставляют врать других. Они совершенно по-разному говорят с детьми и друг с другом. Они смеются над детьми. У них какая-то своя жизнь, и они сердятся, когда ребенок хочет проникнуть в нее, они хотят, чтобы он верил им на слово, они радуются, когда наивным вопросом он обнаруживает свое непонимание.

Смерть, животные, деньги, правда, бог, женщина, разум - во всем примесь фальши, какой-то дурной загадки, унижительной тайны. Почему они не хотят сказать, как все обстоит на самом деле?

И ребенок с грустью вспоминает раннее детство.

101. Второй период неуравновешенности, о котором могу определенно сказать лишь то, что он существует, я назвал школьным.

Это название-отговорка, название-незнание, название-отступление, одно из множеств названий-этикеток, которые наука пускает в оборот, обманывая профанов, прикидываясь всезнающей, когда едва начинает догадываться.

Школьная неуравновешенность - это не перелом на границе младенчества и раннего детства и не период созревания.

Физические его проявления: ухудшение внешнего вида, сна, аппетита, пониженная сопротивляемость болезням, появление скрытых до этого наследственных пороков, плохое самочувствие.

Психическое одиночество, душевный разлад, враждебность к окружению, податливость моральной заразе, бунт врожденных наклонностей против навязанных воспитательских влияний.

Что с ним случилось? Я его не узнаю,--так характеризует его мать.

Иногда:

- Я думала, что это капризы, сердилась, ругала его, а он, верно, давно уже был болен.

Для матери неожиданностью является тесная связь между замеченными физическими и психическими изменениями.

- Я приписывала это дурному влиянию товарищей.

Да, но почему же среди множества одноклассников он выбрал плохих, почему так легко удалось им подчинить его своей воле, заставить слушаться?

Ребенок, ощутивший боль отлучения от самых близких и еще слабо сросшийся с детским коллективом, испытывает тем большие страдания, что на него сердятся, что не хотят помочь, что ему не к кому обратиться за советом, не к кому притулиться, не на кого опереться.

Когда видишь эти внезапные перемены в интернате, где множество детей, где из ста нынче один, завтра другой вдруг "портится", становится ни с того ни с сего ленивым, неловким, капризным, сонным, раздражительным, недисциплинированным, лживым, чтобы через год снова обрести равновесие, "исправиться", трудно сомневаться, что эти перемены зависят от процесса роста, кое-какое представление о котором дают объективные беспристрастные параметры: вес и размеры.

Мне думается, будет время, когда вес, размеры, а может, еще и другие обнаруженные человеческим гением параметры станут сейсмографом скрытых сил организма, позволят не только распознать, но и предвидеть тенденции развития личности.

102. Неправда, что ребенок хочет звезду с неба, что его можно подкупить лестью и уступчивостью, что он врожденный анархист.

Нет, ребенок обладает чувством долга, не навязанным насильно, тяготеет к порядку, не отказывается от правил и обязанностей. Он только хочет, чтобы бремя не было непосильным, чтобы оно не ломало ему хребет, чтобы он встречал понимание, когда зашатается, поскользнется, усталый, остановится, чтобы перевести дух.

"Попробуй, посмотрим, сдвинешь ли с места, сколько шагов пройдешь с грузом, сможешь ли сделать столько каждый день" - это основной принцип ортофрении.

Ребенок хочет, чтобы к нему относились серьезно, хочет доверия, хочет получить от нас помощь и советы. Мы же относимся к нему несерьезно, беспрестанно подозреваем, отталкиваем не понимаем, отказываем в помощи.

Мать не хочет привести факты. Врачу, к которому пришла за консультацией, говорит вообще:

- Нервная, капризная, непослушная.
- Факты, сударыня, называйте симптомы, а не диагноз.
- Укусила подругу. Прямо стыдно сказать. А ведь любит ее, всегда с ней играет.

Пятиминутная беседа с девочкой, и выясняется: она ненавидит "подругу", которая смеется над ней, над ее платьями, а маму назвала "тряпичницей".

Еще один пример: ребенок боится спать один в комнате, приходит в отчаяние при мысли о приближающейся ночи.

Почему же ты мне не сказал? Да именно что сказал. А мать не обратила внимания: стыдно, такой большой мальчик, а боится, вот и вся ее реакция.

Третий пример: плюнул в бонну, вцепился ей в волосы, с трудом оторвали.

А бонна ночью брала его в постель и велела прижиматься, грозилась, что запрет его в сундук, увезет и бросит в реку.

Поразительно одиноким может быть ребенок в своем страдании...

103. Период примирения, затишья.

Даже нервные дети снова становятся спокойными. Возвращается живость, детская подвижность, гармония жизненных функций. Появляются и уважение к старшим, и послушание, и хорошее настроение, исчезли мучительные вопросы, капризы, шалости. Родители снова довольны. Ребенок внешне ассимилируется в семье и среде, пользуясь относительной свободой, не требует большего, остерегается высказывать свои взгляды, заранее зная, что они будут приняты враждебно. Школа с ее мощными традициями, шумной и эмоциональной жизнью, распорядком, заботами, поражениями и победами, друг-книга делаются содержанием жизни. Факты не оставляют времени на бесплодное ожидание.

Ребенок теперь уже знает. Знает, что не все в мире и порядке, что существуют добро и зло, знание и невежество, справедливость и несправедливость, свобода и зависимость. Понимать-то он пока не понимает, да и что ему, в конце концов, до всего этого? Он со всем соглашается, плывет по течению.

Итог? Надо молиться, в сомнительных случаях молитву подкрепить милостыней, так все делают. Грех? Раскаешься, и Бог простит.

Смерть? Что ж, нужно плакать, носить траур, со вздохом вспоминать, так все делают.

Они хотят, чтобы он был образцовым, примерным, веселым, наивным, благодарным родителям ну что ж, на здоровье.

"Пожалуйста, спасибо, извините, мамочка велела кланяться, желают от всего сердца (а не от одной его половины)" - это так просто, легко, а зато заработаешь похвалу, в покое тебя оставят.

Он знает, к кому, как и с какой просьбой обратиться, как ловко вывернуться из неприятного положения, чем кому угодить, и только смекает, стоит ли...

Хорошее душевное самочувствие, физическое благополучие делают его терпимым, склонным к уступкам; родители, по сути дела, добрые, мир, вообще говоря, не плох, жизнь, если не обращать внимания на частности, прекрасна.

Этот этап, который может быть использован родителями, чтобы подготовить себя и ребенка к ожидающим его новым проблемам, является периодом наивного покоя и безмятежного отдыха.

"Помогли арсеник или железо, хорошая учительница, коньки, пребывание на даче, исповедь, материнские наравоучения".

Родители и ребенок обманывают себя, что они уже обо всем договорились, что преодолели все трудности, меж тем недалек час, когда не менее важная, чем рост, но наименее всего освоенная современным человеком функция размножения начнет трагически усложнять продолжающуюся функцию развития личности, смущать душу и искушать тело.

104. Снова - всего лишь попытка узнать правду, мелкие облегчения в ее понимании и опасность впасть в заблуждение, что вот она, истина, уже здесь, в то время как у нас есть только тень, только несколько черточек общего контура.

Ни период отклонения, ни период уравниваемости не являются объяснением явления, это только его общеизвестные проявления. Тайны, которыми мы овладели, мы вычеркиваем как объективные математические формулы, те же, по отношению к которым мы беспомощны, смущают и раздражают нас. Пожар, наводнение, град- это катастрофа, но только в плане убытков, которые они приносят, и поэтому мы организуем пожарную команду, строим плотины, страхуемся, защищаемся. Мы приспособились к веснам и осеням. С человеком же мы боремся безуспешно, потому что, не зная его, не умеем организовать гармонического общежития.

Сто дней ведут к весне. Еще нет ни одной травинки, ни одного бутона, а уже в земле и корнях звучит приказ весны, которая таится в укрытии, дрожит, выжидает, набирает силы - под снегом, в голых ветвях, в морозном вихре, чтобы вдруг распуститься пышно и ярко. Только поверхностное наблюдение усматривает непорядок в переменной погоде мартовского дня. Там, в глубине, скрыто то, что неуклонно созревает с часу на час, строится в ряды и скапливается, мы только не умеем отделить железного закона астрономического года от его случайных, мимолетных перекрещиваний с законом менее известным или не известным вовсе.

Между периодами жизни нет межевых столбов, это мы их расставили, также, как выкрасили карту мира в разные цвета, установив искусственные границы государств, меняя их раз во сколько-то лет.

- Он из этого вырастет. Это переходный возраст. Сто раз еще изменится.

И воспитатель со снисходительной улыбкой ждет, когда же ему поможет счастливый случай и процесс роста.

Каждый исследователь любит свою работу за муки поисков и наслаждение борьбы, но человек добросовестный еще и ненавидит ее-- он боится ошибок, которые совершает, видимости. которую создаст.

Каждый ребенок переживает периоды старческой усталости и полноты жизнедеятельности, но это не означает, что следует потакать или трепетать, так же как не означает, что следует бороться или тормозить. Сердце не поспевает за ростом, значит, надо дать ему отдохнуть. А может, наоборот - побуждать к более активному действию. чтобы оно окрепло как следует? Эту проблему можно решить только индивидуально, в каждом конкретном случае и в каждый конкретный момент, нужно только, чтобы мы завоевали доверие ребенка, а он заслужил нашу веру.

А прежде всего нужно, чтобы наука знала.

105. Следует произвести генеральный пересмотр всего того, что мы приписываем сегодня периоду созревания, с которым мы всерьез считаемся (и это правильно), но не преувеличенно ли, не односторонне ли, а главное, учитываем ли мы составляющие его факторы?

Разве познание предыдущих этапов развития не позволило бы объективнее приглядеться к этому новому, но всего лишь одному из многих периодов неуравновешенности, с чертами, похожими на прежние, лишить его нездорового ореола таинственной исключительности? Разве не обрядили мы созревающую молодежь в униформу неуравновешенности и возбудимости, как младших в униформу покоя и беспечности, разве не передается ей это наше внушение? И не влияет ли наша беспомощность на турбулентность процесса? Не слишком ли много мы разглагольствуем о пробуждающейся жизни, рассвете, весне и порывах, не слишком ли мало у нас фактических научных данных об этом периоде?

Что определяет: явление общего бурного роста или развитие отдельных органов? Что зависит от изменений в кровеносной системе, сердце и сосудах, от наследственного либо качественно нового

окисления тканей мозга и их возрождения, а что - от развития желез, голосовых связок и волосяного покрова на коже?

Если некоторые явления вызывают панику среди молодежи, болезненно поражая ее, собирая богатый урожай жертв, ломая ряды и внося в них уничтожение, то это не потому, что так должно быть, но оттого, что таковы сегодняшние социальные условия, оттого, что вся современная жизнь способствует именно такому течению этого отрезка жизненного цикла.

Уставший солдат легко поддается панике, недоверчиво глядя на тех, кто ведет его, подозревая измену или видя нерешительность командиров; еще легче, когда его мучает беспокойство, незнание, где он, что перед ним, что по сторонам и за ним, легче всего, когда атака начинается неожиданно. Одиночество благоприятствует панике, сплоченная колонна, плечо к плечу, умножает спокойное мужество.

Вот так и молодежь, уставшая от собственного роста и одинокая, лишенная умного руководства, заплутавшая в лабиринте жизненных проблем, вдруг сталкивается с противником, имея преувеличенное представление о его сокрушительной силе, не зная, откуда он взялся. как от него прятаться, как защищаться.

Еще один вопрос.

Не путаем ли мы патологию периода созревания с его физиологией, не сформировали ли наши взгляды врачи, наблюдающие лишь *maturitas difficilis* - созревание трудное, ненормальное? Не повторяем ли мы ошибки столетней давности, когда все нежелательные симптомы у ребенка до трех лет приписывались тому, что у него режутся зубки? Может, то же, что сегодня сохранилось от легенды о "зубках", через сто лет останется от легенды о "половом созревании"?

106. Исследования Фрейда сексуальной жизни детей запятнали детство, но не очистили ли они тем самым молодежь?

Распространение любимой иллюзии о безупречной белизне ребенка развивало другое чудовищное заблуждение: вдруг "в нем пробудится зверь и бросит его в болото"? Я привел эту крылатую фразу, чтобы подчеркнуть, насколько фаталистичен наш взгляд на эволюцию влечения, так же связанного с жизнью, как и рост.

Нет, туман зыбких чувств, которым только сознательная или неосознанная извращенность придаст преждевременную форму, это не пятно: но пятно и невыразительное поначалу "что-то", которое медленно и на протяжении многих лет все более явно окрашивает чувства представителей обоих полов, чтобы в момент созревания влечения и полной зрелости органов привести к зачатию нового живого существа, преемника в веренице поколений.

Половая зрелость: организм готов без вреда для собственного здоровья дать здорового потомка.

Зрелость полового влечения: четко оформившееся желание нормального соединения с представителем противоположного пола.

У молодежи мужского пола половая жизнь начинается иногда прежде, чем созреет влечение; у девушек это осложняется в зависимости от замужества или насилия.

Трудная проблема, но тем глупее впадать в беспечность, когда ребенок ничего не знает, и паниковать, когда он о чем-то догадывается.

Не для того ли мы грубо отталкиваем его всякий раз, как его вопрос касается запрещенной области, чтобы, обескураженный, он не отважился бы в будущем обращаться к нам, когда начнет не только предчувствовать, но и ощущать?

107. Любовь.

Ее взяло в аренду искусство, приделало крылья и набросило смирительную рубашку, попеременно то становилось перед ней на колени, то било по морде, усаживало на трон и выгоняло на панель, совершало тысячу бессмыслиц обожания и посрамления. А лысая наука, водрузивши на нос очки, признавала ее достойной внимания лишь тогда, когда могла изучать ее гнойники. Физиология любви

знает только одностороннее: "служит для сохранения рода". Этого слишком мало, слишком убого. Астрономия знает о солнце больше, чем то, что оно светит и греет.

И так случилось, что любовь в общем предстает грязной и глупой, и всегда подозрительной и смешной. Достойна уважения только привязанность, которая всегда приходит только после совместного рождения законного ребенка.

И вот мы смеемся, когда шестилетний мальчик отдает девочке половину пирожного; смеемся, когда девочка буйно краснеет в ответ на поклон соученика. Смеемся, поймав школьника на том, что он любит ее фотографией; смеемся, что она вскочила с места, чтобы открыть дверь репетитору брата.

Но недовольно морщимся, когда он и она как-то слишком тихо играют или, меряясь силой, запыхавшись, валятся на землю. Но сердимся, когда любовь дочки или сына не совпадает с нашими намерениями относительно них.

Мы смеемся, потому что приближается; возмущаемся, когда путает наши расчеты. Мы раним детей насмешками и подозрением, мы порочим чувство, не приносящее доход.

И вот они прячутся, но любят.

Он любит ее, потому что она не такая дура, как все, потому что веселая, потому что не ругается, потому что носит распущенные волосы, потому что у нее нет отца, потому что она очень симпатичная, не такая, как все.

Она любит его, потому что он не такой, как все эти мальчишки, потому что не болван, потому что смешной, потому что у него глаза сияют, потому что у него красивое имя, потому что какой-то очень симпатичный.

Скрываются и любят.

Он любит ее, потому что она похожа на ангела на иконе в боковом алтаре, потому что она чистая, а он специально ходил на одну улицу, чтобы увидеть "ту самую" у ворот.

Она любит его, потому что он согласился бы пожениться при условии никогда-никогда не раздеваться в одной комнате. Он бы ее два раза в год целовал бы в руку, а один раз - по-настоящему.

Они узнают все чувства любви, кроме одного, грубое подозрение которого звучит в жестоком:

"Вместо того, чтобы романы крутить, лучше бы... Чем себе голову любовью забивать, лучше бы..."

Почему они выследили и травят их?

Разве это плохо, что он любит? Даже не любит, а просто очень она ему нравится. Больше, чем родители? Может, это как раз и грешно?

А если бы кто-нибудь из них должен был умереть? Боже, ведь я прошу здоровья для всех.

Любовь в период созревания не является чем-то новым, испытываемым впервые. Одни любят еще будучи детьми, другие, еще будучи детьми, уже смеются над любовью.

- Ты с ней гуляешь, она тебе уже показала?

И мальчик, желая доказать, что с ней не гуляет, нарочно подставляет ей подножку или грубо тянет за косу.

Выбивая из головы преждевременную любовь, не вбиваем ли мы преждевременную развращенность?

108. Период созревания.

Как будто все предыдущие не были постепенным созреванием, иногда более медленным, иногда более быстрым. Присмотритесь к кривой веса - и вы поймете усталость, неловкость, лень, полусонную

меланхоличность, полутона, бледность, сонливость, безволие, капризность, нерешительность - характерные черты этого возраста, назовем его возрастом "большого неравновесия", чтобы отличить от прежних периодов жизни ребенка.

Рост это работа, тяжелая работа организма, а условия жизни не жертвуют ей ни единым часом учебы, ни единым рабочим днем на заводе. Как часто этот процесс протекает в состоянии, близком к болезни, потому что преждевременный, потому что слишком неподготовленный, потому что с отклонениями от нормы.

Первая менструация для девочки - трагедия, ее заранее научили бояться вида крови. Развитие груди смущает ее, потому что ее приучили стыдиться своего пола, а грудь демаскирует ее, все будут видеть в ней девочку.

Мальчик, который физиологически переживает то же самое, психически реагирует иначе. Он с нетерпением ждет появления первых признаков усов, потому что ему это импонирует, много обещает, и если он стыдится ломающегося голоса и обветренных рук, то это значит, что он просто еще не готов, что ему нужно немного подождать. Замечали ли вы, с какой завистью и неприязнью относятся бедные девочки к привилегиям мальчиков? Раньше, когда ее наказывали, она чувствовала хотя бы тень вины, а тут - разве она виновата, что не мальчик?

Девочки раньше начинают преображаться и щеголять своей единственной привилегией.

- Я уже почти взрослая, а ты все еще сопляк. Через три года я смогу выйти замуж, а ты все еще будешь корпеть над книжкой.

Милый товарищ вчерашних игр отвечает пренебрежительной усмешкой:

- Выйдешь замуж? Подумаешь. Я свое и не женясь возьму.

Она раньше созревает для любви, он - для интрижки; она для супружества, он для борделя, она для материнства, он - для совокупления: "наподобие мух, как говорит Куприн, которые на секунду сцепились на оконной раме, а потом с глуповатым удивлением поскребли себя лапками по шее и разлетелись навеки".

Давнишняя искусственная неприязнь двух полов приобретает теперь новую окраску, чтобы спустя некоторое время вновь сменить обличье, когда она ускользает, а он на нее охотится, чтобы в конце концов укрепиться во враждебном отношении к супруге, которая для него бремя, она лишает его привилегией, приобретая их сама.

109. Роковую окраску приобретает давнишняя утаиваемая неприязнь к взрослому окружению.

Как часто это бывает: ребенок провинился, разбил окно. Он должен чувствовать себя виноватым. Справедливо выговаривая ему, мы редко встречаем раскаянье, чаще - сопротивление, досаду, нахмуренные брови, взгляды исподлобья. Ребенок хочет, чтобы воспитатель проявил доброе свое отношение к нему именно тогда, когда он виноват, когда он плохой, когда с ним случилась неприятность. Разбитое стекло, пролитые чернила, порванная одежда - все это результаты неудавшихся начинаний, предпринятых вопреки предостережениям взрослых. А взрослые, потеряв деньги в плохо обдуманном предприятии, - как они воспринимают претензии, упреки и осуждение?

Неприязнь к суровым и принципиальным панам существует в ту пору, когда ребенок считает взрослых высшими существами. И вдруг он ловит их с поличным.

- Ах, значит, вот как, значит, вот она, ваша тайна, значит, вот что вы скрывали, и впрямь было чего стыдиться.

Он слышал об этом и раньше, но не верил, сомневался, его это пока не касалось. А теперь он хочет знать, и есть от кого узнать, и ему нужны эти сведения для борьбы с ними, и наконец он сам чувствует свою причастность ко всему этому. Раньше было: "Этого я не знаю, зато вот это знаю наверняка", - теперь же все прояснилось.

Значит, можно хотеть, но не иметь детей; значит, вот почему девушка может родить ребенка; значит, можно не рожать, если не хочешь; значит, за деньги; значит, болезни; значит, все так делают?

А они живут, и ничего, им ничуть не стыдно.

Их улыбки, взгляды, запреты, страхи, смущение, недомолвки - все, такое непонятное раньше, теперь становится ясным и поразительно достоверным.

- Ну что ж, теперь сочтемся. Учительница польского строит глазки математику.

- Пойди сюда, нагнись, я тебе шепну кое-что...

И злая торжествующая улыбка, и подглядывание через замочную скважину, и сердце, пронзенное стрелой, на промокашке или на доске.

Старуха вырядилась. Старик кокетничает. Дядя берет за подбородок и говорит: "Не обращай внимания, он еще сопляк".

Нет, не сопляк, "я знаю".

Они еще делают вид, еще пытаются лгать, значит, надо отслеживать, разоблачать обманщиков, мстить им за годы неволи, за украденное доверие, за вынужденные ласки, за выманенные признания, за обманутое уважение.

Уважать? Нет, презирать, насмехаться, унижать. Бороться с ненавистной зависимостью.

Я не ребенок. Мое дело, что я думаю, не надо было меня рожать. Ты мне завидуешь, мама? Взрослые не святые.

Или притвориться, что не знаешь, пользуясь тем, что они не посмеют признаться открыто, насмешливым взглядом и полуулыбкой говорить "я знаю", когда губы говорят другое:

- Не понимаю, что в этом плохого, не понимаю, чего вы хотите.

НО,

Следует помнить, что ребенок недисциплинирован и злобен не оттого, что "знает", а оттого, что страдает. Безмятежное незнание снисходительно, в то время как раздражающая усталость агрессивна и мелочна.

Было бы ошибочно считать, что понимать - означает избежать трудностей. Как часто воспитатель, сочувствуя ребенку, вынужден скрывать свои добрые чувства, вынужден обуздывать его выходки, чтобы воспитать в ребенке дисциплину поведения, хотя тот об этом и думать не желает. Здесь тяжкому испытанию подвергаются и основательная научная подготовка, и немалый опыт, и душевное равновесие.

- Я понимаю и прощаю, но люди, общество не простят.

На улице ты должен вести себя прилично, удерживаться от слишком бурных проявлений веселости, не давать выхода гневу, не высказывать вслух замечаний и оценок, оказывать уважение старшим.

Даже при всем желании и напряжении всех душевных и умственных сил, это бывает нелегко, а найдет ли ребенок поддержку в родном доме?

Когда ему 16, родителям чаще всего за 40: возраст болезненной рефлексии, нередко - возраст последнего протеста собственной жизни, момент, когда баланс прошлого обнаруживает очевидный дефицит.

Что у меня за жизнь? - говорит ребенок.

А я что видела в жизни? - отвечает мать.

Предчувствие подсказывает, что и он не выиграет в лотерее жизни, но мы-то уже проиграли, когда он надеется и ради этой напрасной надежды рвется в будущее, не обращая внимание на то, что вычеркивает нас из жизни.

Помните ли вы тот миг, когда своим лопотаньем он разбудил вас ранним утром? За труд вставания вам заплатили поцелуем, за пряник мы получали банкноту благодарной улыбки. Туфельки, чепчик, слюнявчик, все такое дешевое, милое, новое, очаровательное. А теперь все дорогое, моментально рвется, а взамен ничего, слова доброго не скажет. Не напасешься - подметки сбивает в погоне за идеалом. И растет-то как, а на вырост ведь ничего носить не желает.

- Вот тебе на карманные расходы...

Ему надо развлекаться, у него свои небольшие потребности. И он вынужден с безучастным видом принимать наши деньги - как милостыню от врага.

Боль ребенка болью отзывается в сердце родителей, страдание родителей невольно становится болью ребенка. Если так сильна эта связь, насколько была бы она сильнее, когда бы ребенок не готовил бы себя постепенно, против нашей воли, сам, собственными силами, к тому, что мы не всемогущи, не всезнающи, не совершенны.

111. Если внимательно взглядеться не в совокупную душу детей этого возраста, а в ее составные части, не во всех вместе, а в каждого в отдельности, то мы вновь увидим две полярно отличные организации.

Мы увидим ребенка, который тихонько плакал в колыбельке, медленно обретал уверенность в собственных силах, безропотно отдавал печенье, издали, не смея приблизиться, глядел на детей, игравших вместе, а теперь топит свою боль и бунт в никому не видимых, ночных слезах.

Мы увидим и другого ребенка, который синел от крика, которого ни на минуту нельзя было оставить одного, который отбирал у сверстников мяч, командовал: "Кто будет играть, скорее беритесь за руки", а теперь будоражит всех вокруг, навязывает свою программу бунта сверстникам и всему обществу.

Долго и упорно искал я объяснения этой мучительной загадки: почему в жизни и юных, и взрослых порядочность так часто вынуждена прятаться или тихонько, с трудом пробивать себе дорогу, в то время как спесь кричит о себе на всех перекрестках, почему доброта так часто синоним глупости или нерасторопности. Как часто осторожный общественный деятель и добросовестный политик уступает, сам не зная почему, а мог бы найти объяснение в словах Еллены:

- У меня не хватает нахальства отвечать на их выдумки и нападки, я не умею разговаривать и находить общий язык с теми, у кого на все готов наглый ответ альфонсов.

Что делать, чтобы в брожении соков коллективного организма могли занять места и активные, и пассивные, чтобы в нем свободно обращались элементы всех плодотворных сфер?

-Я этого не прошу. Я знаю, что делать. Довольно с меня этого добра, - говорит активный бунтовщик.

- Успокойся. Зачем тебе это? Возможно, тебе это только кажется.

Эти простые слова, выражения подлинного сомнения, действуют успокаивающе, обладают большей силой, нежели искусственная фразеология тирании, которой пользуемся мы, взрослые, желая поработить детей. Сверстника не стыдно послушаться, но дать убедить себя взрослому, а тем паче позволить влиять на себя, означает дать себя перехитрить, обмануть, признаться в собственном убожестве. К сожалению, они правы, не доверяя нам.

Но как, повторяю, защитить рефлексию от ненасытного тщеславия, робкое размышление от кричащего аргумента, как научить отличать чистую идейность от идейности карьериста, как оградить моральную устойчивость от насмешки, а юношескую мечтательность от утонченной демагогии?

Ребенок вступает в жизнь, в жизнь вообще, а не в половую, он весь созревает, не физиологию имеем мы в виду, говоря это.

Если ты поймешь, что не сумеешь решить ни одной из этих задач без их участия, если скажешь им все, что тут написано, а кончив, услышишь:

- Ну, пассивные, пошли домой.

- Не активничай, получить по носу.

- Эй ты, догматичная среда, шапку мою забрал.

Не думай, что они издеваются над тобой, не говори:

"Не стоило..."

112. Мечты.

Игра в Робинзона перевоплотилась в мечту о путешествиях, игра в разбойников в мечту о приключениях.

И снова реальной жизни недостаточно, и мечта становится формой побега от действительности. Не хватает материала для размышлений - появляется его поэтическое осмысление. В мечту воплощаются чувства, которые не находят применения в действительности. Мечта становится жизненной программой. Умей мы ее расшифровывать, мы бы увидели, что мечты сбываются.

Если мальчик из простонародья мечтает стать врачом, а становится санитаром, он выполнил свою жизненную программу. Если он мечтает о богатстве, а умирает на голом тюфяке, то мечта его не исполнилась только внешне: ведь он мечтал не о трудном пути ради достижения цели, но о сладостях мотовства; мечтал пить шампанское, а накачивался самогоном; мечтал о салонах, а устраивал гулянки в кабаках; мечтал расшвыривать направо и налево золото, а бросал медяки.

Другой мечтал стать ксендзом, а стал учителем или даже просто сторожем, но, будучи учителем, стал ксендзом, будучи сторожем, стал ксендзом.

Она мечтала быть грозной королевой, и разве не тиранит она мужа и детей, став женой мелкого чиновника? Другая мечтала стать любимой королевой, и разве не царствует она в народной школе? Третья мечтала стать великой королевой, и разве не стало славным ее имя, имя замечательной, необыкновенной портнихи или экономки?

Чем притягивает молодежь художественная богема? Одних привлекает распущенность, других - экзотика, третьих блеск славы, честолюбие, карьера, и лишь один из десяти любит искусство как таковое. Один из всей компании настоящий художник, он, единственный, не продавший своего искусства, умирает в нищете и забвении, но ведь он и мечтал о творческой победе, а не о почестях и золоте. Прочтите "Творчество" Золя: в жизни больше логики, чем нам кажется.

Одна мечтала о монастыре, а очутилась в публичном доме, но там она стала сестрой милосердия и в свободное от своих занятий время выхаживает больных подруг, терпеливо выслушивает их признания, сочувствует их горестям. Вторая всю жизнь хотела развлекаться и так выполняет свою жизненную программу в отделении для больных раком, что даже умирающий, слушая ее болтовню, улыбается, следя угасающим взглядом за ее прелестной фигуркой.

Бедность...

Ученый размышляет над этой проблемой, исследуя, строя гипотезы, развивая теории, юноша мечтает, что построит больницы, будет раздавать вспомоществование. В детских мечтах присутствует Эрос, в них до поры до времени нет места Венере. Формула о том, что любовь - эгоизм биологического вида, представляется мне вредной. Дети любят особ своего пола, стариков, людей, которых они никогда не видали, даже тех, кого нет на свете. Даже познав эротическое влечение, они еще долго любят идеал, а не плоть.

Тяга к борьбе, уединению, славе, труду, самопожертвованию, жажда обладания, самоотдачи, исследования, честолюбие, дурная наследственность - все это находит выражение в мечте, какую бы форму она ни принимала.

Жизнь превращает мечты в действительность, из его юношеских мечтаний она ваяет один монументальный образ действительности.

113. Первая стадия периода созревания:

Знаю, но еще не чувствую, чувствую, но еще не верю, сурово осуждаю то, что делает природа с другими, терплю, потому что то же грозит и мне, неуверен, что сумею избежать этого. Но я не виноват в том, что их презираю, а за себя только боюсь.

Вторая стадия: во сне, в полусне, в мечте, в пылу игры, вопреки сопротивлению, вопреки отвращению, вопреки запрету все чаще и все очевиднее возникает чувство, которое к болезненному конфликту с внешним миром добавляет тяжесть конфликта с самим собой. Силком отброшенная мысль возвращается вновь и вновь, как симптом болезни, как первые признаки жара. У сексуальных чувств есть инкубационный период: сначала они удивляют, застают врасплох, потом - будят тревогу и вызывают отчаяние.

Стихает эпидемия тайн, с усмешечкой нашептываемых на ушко, теряют очарование пикантные шуточки, ребенок вступает в период исповеди: вот когда главное значение приобретает дружба, прекрасная дружба сирот, брошенных на произвол судьбы в джунглях жизни, сирот, которые поклялись, что будут помогать друг другу, не кинут друга в беде, что их не разлучат невзгоды.

Теперь уже ребенок, сам несчастный, подходит к чужой нищете, страданию, увечью не с готовыми формулами и печальным удивлением, но с горячим сочувствием. Слишком занятый собой, он не может слишком долго предаваться унынию по поводу чужих бед, но у него найдется слово участия и для обманутой девушки, и для избитого малыша, и для преступника, на которого надели наручники.

Каждый новый лозунг, идея, выпренная фраза обретают в нем чуткого слушателя и горячего сторонника. Книжки он не читает, а глотает, как запойный пьяница водку, и молится о чуде! Детский сказочный бог, позже – бог - виновник всего плохого, первопричина всех несчастий и бед, тот, который все может, но не хочет, возвращается вновь - на этот раз как бог - притягательная тайна, бог - прощение, бог - разум, превышающий слабое людское разумение, бог – тихая пристань во время урагана.

Раньше он говорил: "Если взрослые заставляют молиться, то, наверное, и молитва тоже ложь. Если они выгоняют моего друга, то, верно, он-то и сумеет помочь мне найти верную дорогу",- потому что разве можно им верить? Теперь по-другому, враждебность и неприязнь уступают место сочувствию. Определение "свинство" его уже не удовлетворяет: тут что-то бесконечно более сложное. Но что же? Книжка только внешне, только на минуту рассеивает сомнения, а ровесник сам слаб и мало знает. И тут наступает момент, когда можно снова завоевать ребенка, он ждет, он хочет услышать от тебя многое.

Что же сказать ему? Да уж, верно, не то, как оплодотворяются цветы и размножаются бегемоты, и не о том, как вреден онанизм. Ребенок чувствует, что речь идет о чем-то неизмеримо более важном, а не просто о чистых пальцах и простынях, что тут на весы ложится вся его душевная организация. Весь смысл его существования, жизнь.

И он мечтает снова стать наивным малышом, который верит всему, что бы ему ни сказали, который еще не начал размышлять и задумываться.

А еще лучше: наконец-то стать взрослым, убежать от "переходного" возраста, стать, как они, как все.

И он мечтает о монастыре, уединении, набожных размышлениях.

Еще лучше - слава, героические подвиги.

Путешествия, впечатления. Танцы, развлечения, море, горы.

Но самое прекрасное - умереть: потому что к чему жить, зачем мучиться?

Воспитатель - в зависимости от того, что накопил он за долгие годы наблюдения за ребенком к этому моменту, - может дать ему программу того, как познать самого себя, как победить себя, какие усилия приложить, как искать собственную дорогу в жизни.

114. Бесшабашное озорство, легкомысленный смех, веселье молодости.

Да, радость - оттого, что все вместе, триумф желанной победы, взрыв веры что, вопреки всему, мы пройдем, мы овладеем миром.

- Нас так много, столько молодых лиц, стиснутых кулаков, столько умных голов - не сдадимся, и все.

Рюмка вина, пивная кружка рассеивают остатки сомнения.

Смерть старому миру, за новую жизнь, ура!

И что им до того, кто, презрительно пожимая плечами, роняет: "Дураки!" ;что до того, кто с грустной усмешкой произносит: "Бедняги!"; что до того, кто спешит воспользоваться моментом и затеять что-то созидательное, принести высокую присягу, чтоб благородное возбуждение не потонуло в оргии, не развеялось в дым в бессмысленных выкриках...

Мы часто принимаем такую коллективную веселость за избыток энергии, в то время как это - всего лишь проявление раздражающей скуки, которая, на миг утратив ощущение пут, выплескивается в обманчивом возбуждении. Вспомните ребенка в вагоне поезда, которому неизвестно, далеко ли он едет: поначалу довольный обилием впечатлений, он понемногу начинает капризничать от их избытка и ожидания того, что же будет, и наконец веселый смех выливается в горькие слезы.

А чем объяснить то, что присутствие взрослых портит удовольствие, стесняет, вносит оттенок принуждения?

Пышное празднество, торжественное настроение, взрослые такие растроганные, такие соответствующие моменту. А эти двое вдруг взглянут друг на друга и умирают со смеху, давятся слезами, чтобы не расхохотаться, и не могут удержаться от искушения толкнуть друга локтем или шепнуть ехидное замечание, увеличивая опасность скандала.

Только не смейся. Только не смотри на меня. Только не смеши меня.

А после празднества:

Какой у нее был красный нос. А у него галстук перекрутился. Они чуть не растаяли от восторга. Покажи-ка: у тебя так похоже получается.

И нет конца рассказу о том, как это было смешно...

Еще одно:

"Они думают, что мне весело. Пускай думают. Еще раз доказали, что они нас не понимают..."

Добросовестный труд молодости. Какие-то приготовления, усилия, труд с четко определенной целью, требующий ловких рук и изобретательной головы. Здесь молодежь в своей стихии, здесь можно увидеть и здоровое веселье, и спокойную радость.

Запланировать, решить, работать до седьмого пота, выполнить намеченное, смеяться над неудавшимися попытками и преодоленными трудностями.

115. Молодость благородна.

Если вы называете отвагой то, что ребенок бесстрашно высовывается из окна четвертого этажа, если вы называете добротой то, что он отдал хромоту нищему золотые часы, оставленные вами на столе, если вы называете преступлением то, что он кинул в брата ножом и выбил ему глаз, то вы согласитесь с тем, что молодежь благородна потому, что у нее нет опыта в огромной на целых полжизни, сфере наемного труда, общественной иерархии и законов жизни общества.

Неопытные, они считают, что можно в зависимости от питаемых ими чувств выражать свое расположение или неприязнь, уважение или презрение.

Неопытные, они считают, что можно добровольно завязывать и расторгать отношения, покоряться существующим формам или пренебрегать ими, соглашаться с житейскими законами или уклоняться от их выполнения.

- А мне наплевать! Пусть себе говорят! Не хочу, и все тут! А мне какое дело?

Чуть только вздохнули они с облегчением, вырвавшись из-под родительской власти, а тут, на тебе, пожалуйста, новые узы, да ни за какие коврижки!

Что ему до того, что кто-то там богат или высокого происхождения, что кто-то там достиг высот славы и карьеры, что кто-то где-то что-то может подумать или сказать?

Кто учит молодежь, какие компромиссы являются житейской необходимостью, а какими можно пренебречь и во что это обойдется, какие могут принести неприятности, но не замарают репутацию, а какие деморализуют? Кто определит границы, в которых лицемерие - не злодеяние, а оправдывается необходимостью, типа не плевать на пол, не вытирать нос о скатерть?

Раньше мы говорили ребенку:

- Над тобой будут смеяться. Теперь следует добавить: и не подпустят к пирогу.

Вы скажете, идеализм молодости. Иллюзия, что все можно доказать и все исправить.

Ну и что же вы делаете с нестихийным благородством? Вы вытаптываете его в своих детях и сладострастно лепечете об юношеском романтизме, свободолобии и жизнерадостности вообще, прежде вы так же разглагольствовали о невинности, очаровании и поэтичности своих детей. И начинает казаться, что идеал - это детское заболевание, что-то вроде свинки или ветрянки. что переболеть им так же необходимо и естественно, как посетить картинную галерею во время свадебного путешествия.

И я был Фарисом, и я угощался Рубенсом.

Благородство - не предрассветные сумерки, а пучок молний. Раз мы еще недоросли до такого понимания, давайте пока воспитывать просто честных людей.

116.

Счастлив автор, который, завершая свой труд, сознает, что он выразил все как следует - и то, что узнал сам, и то, что почерпнул из книг, переосмыслил и по-новому оценил. Отдавая свой труд в печать, он чувствует спокойное удовлетворение, его детище достаточно созрело, чтоб начать самостоятельную жизнь. Но бывает и так: автор не адресуется к читателю, который ждет от него банального урока с готовыми рецептами и предписаниями.

И тогда творческий процесс превращается в упорное вслушивание в свои неясные, не оформившиеся, вдруг возникающие мысли, а окончание труда, холодное подведение итогов равносильно мучительному пробуждению от сна. Каждая глава глядит с укором: "Бросил, не завершив". Последняя мысль, не обобщая предыдущего, разочаровывает: "И это все? и ничего более?"

Так как же быть? Вернуться, дотягивать? Но это означало бы начать все сначала, переосмыслить и сталкиваться с новыми вопросами, о которых не подозреваешь сейчас, то есть написать новую книгу, такую же несовершенную.

Ребенок вносит в жизнь матери чудную песнь молчания. От долгих часов, проведенных возле него, когда он не требует, а просто живет, от дум, которыми мать прилежно окутывает его, зависит, какой она станет, ее жизненная программа, ее сила и творчество. В тишине созерцания с помощью ребенка она дорастает до озарений, которых требует труд воспитателя.

Черпает не из книг, а из самой себя. Ничего не может быть ценнее. И если моя книга убедила тебя в этом, значит, она выполнила свою задачу.

Будь же готова к долгим часам вдумчивого одинокого созерцания...